

Том 2

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ Казанского юридического института МВД России

Редакционный совет

д.ю.н., профессор **Номоконов В.А.**
(Дальневосточный федеральный университет)

д.ю.н., профессор **Юзиханова Э.Г.**
(Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России)

д.ю.н., доцент **Агапов П.В.** (Академия Генеральной прокуратуры РФ)

д.ю.н., доцент **Рогова Е.В.** (Восточно-Сибирский институт МВД России)

электронный
научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель –

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор: Ф.К. Зиннуров

Корректоры: О.Н. Хрусталева,
Н.А. Климанова

Дизайн, верстка: Г.А. Гиниятуллина

Перевод: Г.Г. Тазеев

Периодичность выхода журнала –

2 раза в год

2016

Редакционная коллегия

Председатель – доктор педагогических наук, доцент **Зиннуров Ф.К.**, начальник Казанского юридического института МВД России

Заместитель председателя – кандидат исторических наук, доцент **Миронов С.Н.**, заместитель начальника КЮИ МВД России по научной работе

Члены редакционной коллегии:

д.пед.н., к.ю.н., профессор **Казанцев С.Я.**, профессор кафедры криминалистики

д.ю.н. **Алиуллов Р.Р.**, начальник кафедры адм. права, адм. деятельности и управления ОВД

д.с.н., профессор **Комлев Ю.Ю.**, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии

д.э.н., профессор **Хадиуллина Г.Н.**, профессор кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД

д.пед.н., профессор **Чанышева Г.Г.**, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

д.ю.н., доцент **Андреев М.В.**, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Гарафутдинов М.Р.**, заместитель начальника института по учебной работе

к.филос.н., доцент **Фаткуллин Ф.Ф.**, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин

к.ю.н., доцент **Шалагин А.Е.**, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права

к.пед.н., доцент **Хрусталева О.Н.**, начальник редакционно-издательского отделения

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 25 августа 2016 г. Регистрационный номер Эл № ФС 77-66976

© Казанский юридический институт МВД России.

Редакционно-издательское отделение

Адрес: 420059, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128
email: vestnikkui@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Шевко Н.Р., Зиннуров И.Ф.

Тенденции борьбы с мошенничествами, совершенными с использованием информационных технологий 121

Трефилов А.А.

Проверочные производства в уголовном процессе Швейцарии 127

Шалагин А.Е.

Криминальная среда и ее общественная опасность 136

Павлов А.В.

Пределы необходимой обороны: некоторые проблемы уголовно-правовой охраны 142

Русинов И.А.

Некоторые особенности несостоятельности и банкротства по законодательству РФ и их применения в нормах уголовного права 146

Сухаренко А.Н., Иванов Р.С.

Российско-китайское сотрудничество в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 150

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Микерин А.А.

К вопросу о рецепции римского права в Европе 155

Шевко Н.Р.

Информационная составляющая экономической безопасности: необходимость обеспечения защищенности..... 160

Камалов Р.З.

Методология ситуационного подхода - составная часть структуры интегрально-индивидуальной подготовки квалифицированных борцов 165

Уразаева Г.И.

Состояние и проблемы воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации в современных условиях 173

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Материалы всероссийского круглого стола «От повторности правонарушений к множественности преступлений», посвященного 85-летию В.П. Малкова (7 октября 2016 года)

Юбилей ученого..... 183

Малков В.П.

Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в Российском уголовном праве 186

Безверхов А.Г.

Об актуальных проблемах применения уголовного законодательства России об ответственности за вымогательство 194

Никуленко А.В.

О перспективах преюдиции в уголовном праве 203

Норвартян Ю.С.

Криминологические основания установления уголовно-правового запрета на заражения инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих 205

Артюшина О.В.

Административная преюдиция в контексте изменений в регламентации ответственности за побои 209

Шайдуллина Э.Д.

Вопросы определения неоднократности преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)» 211

Шалагин А.Е., Шарапова А.Д.

Женская преступность и ее предупреждение 213

Владимиров С.В., Владимирова О.А.

Проблемы реализации административной преюдиции в уголовном праве России на современном этапе 217

Алешина-Алексеева Е.Н.

Особенности привлечения к уголовной ответственности по ст. 151.1 УК РФ 220

Коротков А.В., Еремина Н.В.

Восстановление административной преюдиции в уголовном законодательстве России 222

Марченко Д.Э.

Административно-правовая преюдиция в контексте правоохранительной функции Российского государства 227

Ахунов Д.Р.

Повторность как признак состава преступления, предусмотренного статьей 291.2 УК РФ 230

Лепехин А.В.

Незаконная банковская деятельность и легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, как вид множественности преступлений 234

Толстая М.-В.Е.

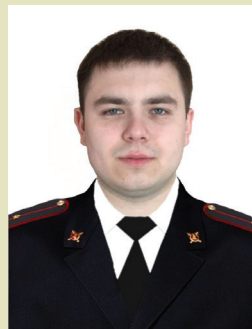
О некоторых вопросах назначения наказания по совокупности преступлений 237

Гарипов Т.И.

Административная преюдиция как метод совершенствования уголовной ответственности за преступления против правосудия 240

Шевко Н.Р.

Зиннуров И.Ф.

ТЕНДЕНЦИИ БОРЬБЫ С МОШЕННИЧЕСТВАМИ, СОВЕРШЕННЫМИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

TRENDS COMBAT FRAUD COMMITTED
USING INFORMATION TECHNOLOGY

В статье рассматриваются статистические показатели деятельности органов внутренних дел России в борьбе с киберпреступностью. Авторами выделены особенности совершения данного вида мошенничеств, а также тенденции борьбы с данным видом преступлений.

Ключевые слова: киберпреступления, мошенничества, совершаемые с использованием информационных технологий, хищения денежных средств.

The article examines statistics Russian internal affairs bodies in the fight against cybercrime. The author highlighted features of committing this type of fraud, as well as trends in the fight against this type of crime.

Keywords: cybercrime, fraud committed using information technology, theft of cash.

Стремительный рост информационных технологий в России, как и во всем мире, обусловил расширение сфер их применения. Наряду с ускорением процессов получения и обмена информацией, происходит создание новых и усовершенствование уже известных способов и средств совершения преступлений и применяемых при этом устройств. Если раньше основным способом совершения общественно опасных деяний являлось применение насилия или угроза его применения, то в современном мире все чаще преступления совершаются с ис-

пользованием высоких технологий, так называемые киберпреступления. Среди них наиболее распространённым видом в настоящее время следует назвать хищения денежных средств, совершаемые с использованием информационных технологий. К ним относятся, прежде всего, хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания (ДБО) [1]. Хищения денежных средств в системе дистанционного банковского обслуживания связаны с операциями с компьютеров жертв. Данные преступные технологии основаны на функциональ-

Шевко Наиля Рашидовна, кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД КЮИ МВД России, nailya-shevko@rambler.ru, 89033077519

Зиннуров Ильнур Фоатович, курсант 4 курса КЮИ МВД России

© Шевко Н.Р., 2016

© Зиннуров И.Ф., 2016

ных возможностях автоматической подмены реквизитов платежного поручения в момент подписания документа и его отправки, а также полностью автоматизированных процессах формирования и отправки платежного поручения вредоносной программой, которые позволяют избежать необходимости удаленного подключения либо копирования информации с пользовательского компьютера для обхода средств защиты (виртуальные клавиатуры, PIN-коды, VPN-туннели, сетевая фильтрация).

Также к наиболее распространенным можно отнести хищения денежных средств из банкоматов и с их использованием, хищения денежных средств в системе POS-терминалов, хищения денежных средств путем несанкционированного входа в компьютерную систему кредитных организаций либо использования сбоев в ее работе.

122

Данные хищения совершаются путем заражения кода систем ДБО, выставления поддельных POS-терминалов, атак на мобильные устройства, брокерские системы в Интернете и напрямую банковские системы, разработки и применения вредоносных программных продуктов целевого действия, ориентированных на программную систему конкретной кредитной организации.

Одной из тенденций современности можно назвать выявление фактов хищений денежных средств в кредитных организациях путем использования вредоносных программ без нарушения конфиденциальности данных их клиентов и без «взлома» серверов таких организаций.

В целом, рассматриваемый вид хищений характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, совершаются они, как правило, технически оснащенными преступными группами, в том числе международными.

Во-вторых, отличительной особенностью данного вида преступлений является усложненный способ подготовки, совершения таких преступлений и со-

крытия их следов, сопряженными с неправомерным доступом к компьютерной информации с созданием, использованием и распространением вредоносных компьютерных программ. До недавнего времени относительно низкое распространение хищений денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий, было связано с индивидуальным подходом к каждому взлому. Преступники вручную подделывали письма и сообщения кредитных организаций, выходили на контакт с жертвой для получения исходной информации для взлома, вручную размещали платежные поручения кредитной организации через систему интернет-банкинга и т.д. При высоких рисках раскрытия размер хищения с одного взлома был недостаточно большой. В результате преступные группы пришли к необходимости усложнения способов подготовки, совершения и сокрытия хищений путем автоматизации процесса. Более квалифицированные организаторы преступной деятельности готовят для низкоуровневых исполнителей инструментарий и полуавтоматические конструкторы троянских программ, поддельных мобильных интерфейсов, писем, SMS, продают им доступ к базам скомпрометированных пользователей и компаний, предоставляют автоматизированные площадки сбыта украденной информации, собирают данные и конкретные реализации наборов для взлома, предоставляют доступ к инфраструктуре для перевода, конвертации и снятия денег. Таким образом, доходы от обслуживания непосредственно хищений денег многократно превышают суммы самих хищений отдельными злоумышленниками. Это чрезвычайно выгодный теневой бизнес, и его масштабы будут увеличиваться. Кроме того, хищения денежных средств, совершаемых с использованием компьютерных технологий, связаны с деятельностью организованных групп и преступных сообществ в кредитно-финансовой сфере, предоставляющих услуги по проведению незаконных финансовых операций.

122

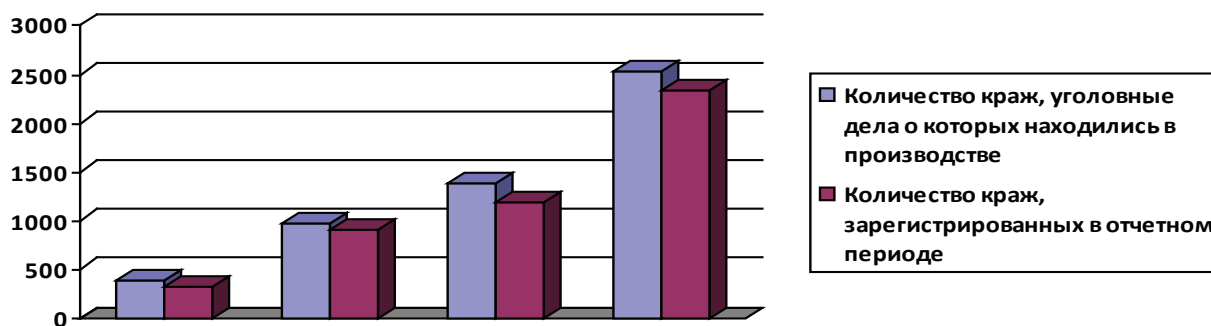

Рис. 1. Динамика краж, совершенных с использованием компьютерных технологий, уголовные дела о которых находились в производстве и зарегистрированы на территории России в 2011 – 2014 гг. (в тыс.)

Рассмотрим статистические данные данной категории дел с 2011 года, так как до этого в формах статистической отчетности отсутствовали данные о преступлениях, предусмотренных ст. 158 УК РФ, совершенных на территории России с использованием компьютерных технологий. Так, в 2014 г. (по отношению к 2011 г.) динамика краж, совершенных с использованием компьютерных технологий, уголовные дела о которых находились в производстве, возросла более чем в 6,6 раза. В 2011 г. количество уголовных дел, находящихся в производстве на остатке и переходящих на следующий год, составило 65 дел, в 2012 г. – 70, в 2013 г. – уже 193 дела, в 2014 г. – 205 (рис. 1) [2].

В период с 2011 по 2014 гг. отмечается снижение удельного веса выявления сотрудниками ОВД РФ краж, совершенных с использованием компьютерных технологий. Если в 2011 г. данный показатель составил 65,4%, то в 2014 г. – 27,1% (рис. 2). Среднегодовой показатель уровня выявления краж сотрудниками ОВД РФ на территории России в 2011–2013 гг. составил 49,5% [2].

В 2011 г. удельный вес прекращенных уголовных дел о кражах, совершенных с использованием компьютерных технологий, по реабилитирующим основаниям составлял 11,7%, в 2012 г. – 6,5%, 2013 г. – 12,6%, а в 2014 г. – 75,5% (рис. 3) [2].

В расчете от общего числа краж, совершенных с использованием компьютерных технологий, уголовные дела о которых находились в производстве, показатели

удельного веса уголовных дел о данной разновидности краж, законченных расследованием либо разрешенных в отчетном периоде, находятся на низком уровне. В 2011 г. этот показатель составлял 25,6%, а в 2014 г. – 24,7%. При этом в 2013 г. удельный вес уголовных дел о кражах, совершенных с использованием компьютерных технологий, законченных расследованием либо разрешенных в отчетном периоде, составил 47,3% (что на 21,7% превышает аналогичный показатель 2011 г. и на 9,8% – 2012 г.). Подобное обстоятельство свидетельствует о негативной тенденции к снижению эффективности в итоговых результатах деятельности органов предварительного следствия и оперативных подразделений.

Согласно количественным показателям 2011–2012 гг. и 2014 г. практически половина всех уголовных дел, находившихся в производстве, а в 2013 г. – одна третья часть таких уголовных дел, в течение года приостанавливается в случае неустановления лица, совершившего преступление.

Также позитивная тенденция наблюдалась по направленным в суд уголовным делам о кражах, совершенных с использованием компьютерных технологий, до 2014 г. на достаточно высоком уровне.

В 2004–2012 гг. (за исключением небольшого отклонения в 2009 г.) динамика мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий, имела стабильную тенденцию к росту. В сравнении с 2004 г. в 2012 г. число таких преступлений возросло в 8,5 раз. В 2013 г. количество

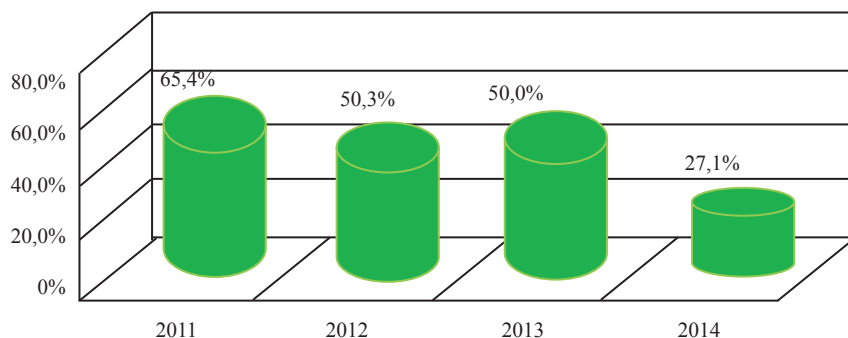

Рис. 2. Удельный вес краж (в %), совершенных с использованием компьютерных технологий, выявленных сотрудниками ОВД РФ на территории России (от общего числа краж в 2011 – 2014 гг.)

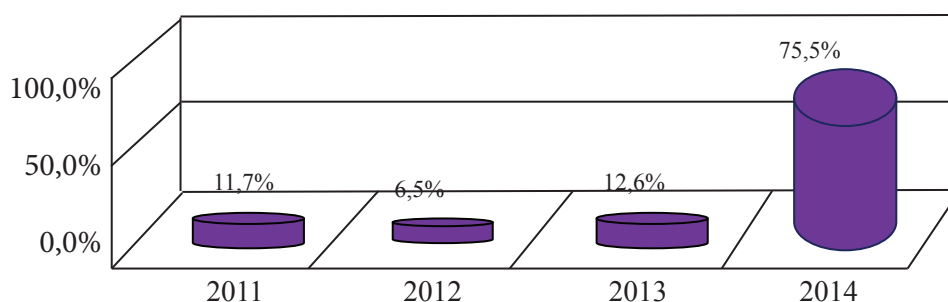

Рис. 3. Удельный вес уголовных дел (в %), прекращенных по реабилитирующим основаниям (на территории России в 2011 – 2014 гг.)

124

мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий, сократилось на 10,9% по отношению к 2012 г., а в 2014 г. – на 10,5% по отношению к 2013 г.

Наряду с общими статистическими сведениями о мошенничествах, совершенных с использованием компьютерных технологий (ст. 159 УК РФ), в 2013 – 2014 гг. стали регистрироваться данные о специальном виде такого посяательства – мошенничестве в сфере компьютерной информации (формы статистической отчетности за периоды 2007–2012 гг. не предусматривали самостоятельное выделение мошенничеств в сфере компьютерной информации. Статистические сведения о таких преступлениях стали обобщаться субъектами учета в 2013 г.). Из всего количества зарегистрированных фактов мошенничества в сфере компьютерных технологий, 46,8% были совершены в крупном и особо крупном размерах либо причинили крупный ущерб и только 7% – в групповой форме соучастия. В 2014 г. показатели совершения мошенничества в сфере компьютерных технологий в круп-

ном и особо крупном размере и в составе группы (в общем числе зарегистрированных преступлений по ст. 159.6 УК РФ) представлены более низкими данными – 9,7% и 3,7%, соответственно. Причем принятые правоохранительными органами меры к возмещению причиненного ущерба, как в 2013 г., так и в 2014 г., лишь на $\frac{1}{3}$ «покрыли» его реальную сумму.

Показатели эффективности расследования мошенничеств в сфере компьютерной информации характеризуются двумя аспектами. С одной стороны, наблюдаются невысокие данные об уровне предварительно расследованных, приостановленных и высокие показатели прекращенных уголовных дел о данной категории преступлений. Так, удельный вес предварительно расследованных мошенничеств в сфере компьютерной информации составил 41% от общего количества преступлений данной категории, зарегистрированных в 2013 г., удельный вес приостановленных уголовных дел – 41,9%, прекращенных уголовных дел за отсутствием состава, события преступления – 35,9%. в 2014 г.

124

эти показатели существенно улучшились: в этот период удельный вес предварительно расследованных мошенничеств в сфере компьютерной информации составил 66,4% от общего количества преступлений данной категории, зарегистрированных в 2014 г., удельный вес приостановленных уголовных дел – 15,2% (в 2,8 раза меньше аналогичного показателя 2013 г.), удельный прекращенных уголовных дел за отсутствием состава, события преступления – 7,8% (в 4,6 раза ниже аналогичного показателя 2013 г.).

С другой стороны, показатель направления уголовных дел в суд представлен весьма высоким значением. В частности, удельный вес уголовных дел о мошенничествах в сфере компьютерной информации, направленных в суд, составлял 75% от числа предварительно расследован-

ных уголовных дел данной категории, в 2014 г. – 91,7%.

На протяжении 2004–2013 гг. динамика уголовных дел о мошенничествах, совершенных с использованием компьютерных технологий (ст. 159 УК РФ), находящихся в производстве на остатке и переходящих на следующий год, характеризовалась устойчивой тенденцией с постепенным возрастанием уголовных дел на остатке на каждый год. В 2004 г. этот остаток составлял 20 дел, в 2005 г. – 45 дел, в 2006 г. – 63 дела, в 2007 г. – 137 дел, в 2008 г. – 141 дело, в 2009 г. – 189 дел, в 2010 г. – 292 дела, 2011 г. – 244 дела, в 2012 г. – 400 дел, в 2013 г. – 609 дел. При этом в 2014 г. данный показатель резко уменьшился до 324 дел (рис. 4).

Анализ качественных показателей, в частности, удельного веса уголовных дел,

Рис. 4. Динамика мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий, уголовные дела о которых находились в производстве и зарегистрированы на территории России в 2004 – 2014 гг.

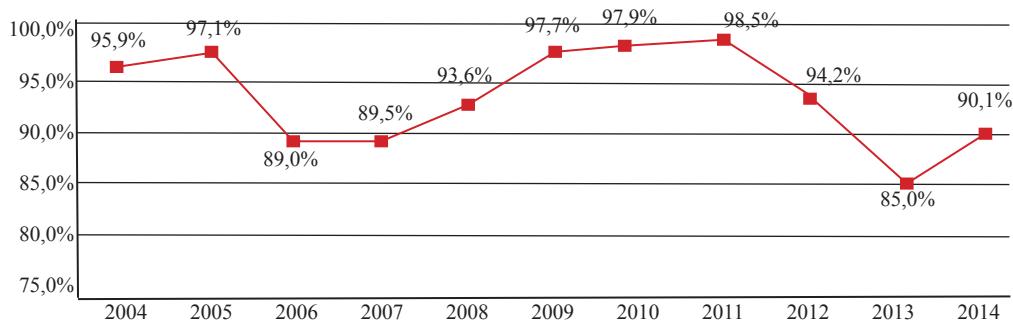

Рис. 5. Удельный вес уголовных дел (в %), направленных в суд (на территории России) в 2004 – 2014 гг.)

направленных в суд от числа дел, законченных расследованием либо разрешенных в отчетном периоде на территории России, приводит к выводу о снижении этого показателя в 2013 г. (85,0%) и некоторому повышению в 2014 г. (90,1%). В целом самый высокий показатель удельного веса направленных в суд уголовных дел фиксировался в 2011 г. (98,5%), самый низкий – в 2013 г. (85%) (рис. 5).

Проведенный анализ статистических данных о динамике мошенничеств, совершенных с использованием информационных технологий, позволяет выделить основные тенденции борьбы с данными

преступлениями:

- сокращение удельного веса законченных расследованием уголовных дел,
- увеличение удельного веса приостановленных уголовных дел (неустановление лица, совершившего преступления).

Кроме того, за исследуемый период невысоким числом характеризуется среднегодовой уровень удельного веса выявленных сотрудниками ОВД РФ мошенничеств, совершенных с использованием компьютерных технологий, который в 2014 г. составил менее 30% от общего количества выявленных правоохранительными органами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шевко Н.Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути решения//Ученые записки КЮИ МВД России. 2016. Вып.1.
2. Официальный сайт МВД РФ // www.mvdrf.ru.

Трефилов А.А.

ПРОВЕРОЧНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ШВЕЙЦАРИИ

TEST PRODUCTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF SWITZERLAND

В данной статье рассматриваются проверочные процедуры в уголовном процессе Швейцарии с учётом вступившего в силу в 2007 году нового Уголовно-процессуального кодекса этой страны. Автор анализирует систему проверочных производств, их доктринальную классификацию, а также отдельные виды: жалобу, апелляцию и ревизию. Указанные вопросы рассмотрены в сравнительно-правовом аспекте, не исключая из него и российское судопроизводство. Работа выполнена на основе оригинальных нормативных и доктринальных источников, ранее не переводившихся на русский язык.

Ключевые слова: Уголовно-процессуальный кодекс, проверочные процедуры, жалоба, апелляция, ревизия.

In this article checking procedures in criminal procedure of Switzerland taking into account entry into force of the new Criminal Procedure Code of this country of 2007 are considered. The author analyzes system of checking productions, their doctrinal classification, and also separate types: claim, appeal and audit. The specified questions are considered in comparative and legal aspect, without excluding from it and the Russian legal proceedings. Work is performed on the basis of the original standard and doctrinal sources which were earlier not translated into Russian.

Keywords: Criminal procedural code, verification procedures, plea, appellation, revision.

Уголовная юстиция, по мнению М. Питта, несмотря на все гарантии, «остаётся рискованным (отчаянным) делом (предприятием)» (*riskantes Unterfang*) [1, s. 226]. Вследствие этого ст. 32 Конституции Швейцарии предусматривает требование, согласно которому каждый постановленный судом приговор по уголовному делу может быть обжалован в вышестоящую инстанцию.

В свою очередь П. Гуидон отмечает, что центральная инновация УПК Швейцарии 2007 г. — это обширная возможность обжалования распоряжений и процессуальных действий органов уголовного преследования[2]. Ранее действовавшее кантональное законодательство придерживалось более умеренного подхода к этому вопросу.

М. Питт приводит шесть классификаций обжалования в уголовном процессе, которые получили распространение в швейцарской правовой доктрине:

1. Ординарное и экстраординарное обжалование (*ordentliche und ausordentliche Rechtsmittel*) в зависимости от того, вступило ли оспариваемое решение в законную силу.

2. Полное и неполное обжалование (*vollkommene und unvollkommene Rechtsmittel*) в зависимости от того, в каком объёме происходит оспаривание процессуального акта.

3. Суспенсивное и несуспенсивное обжалование (*suspensive und nicht suspensive Rechtsmittel*) в зависимости от того, приостанавливает ли жалоба ис-

Трефилов Александр Анатольевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
© Трефилов А.А., 2016

полнение решения (имеет ли она отлагательное действие).

4. Деволютивное обжалование (*devolutive Rechtsmittel*) предполагает обращение в другую (более высокую) инстанцию. При недеволютивном обжаловании (*nicht- devolutive Rechtsmittel*) жалоба подаётся в инстанцию, непосредственно принявшую решение.

5. При реформаторном (апелляционном) обжаловании (*reformatorische Rechtsmittel*) проверочная инстанция выносит новый приговор, который заменяет оспариваемый. Кассаторное (кассационное) обжалование (*kassatorische Rechtsmittel*) приводит к отмене решения и к возвращению дела в предыдущую инстанцию для нового рассмотрения дела с учётом конкретных указаний (в данном случае мы предпочли не использовать российскую терминологию (апелляция, кассация) и сохранить понятия, используемые М. Питтом.

6. Основное и субсидиарное обжалование (*primäre und subsidiäre Rechtsmittel*). Основное (первичное) обжалование предшествует последующему (субсидиарному) [1, s.227].

Близкую систему классификаций приводит Д. Джозитш [3, s.197-198].

Российское законодательство не используют большинство из данных категорий. Вместе с тем ещё в XIX веке они были обстоятельно разработаны С.В.Познышевым в «Элементарном учебнике русского уголовного процесса [4]», И.Я. Фойницким в «Курсе уголовного судопроизводства» [5] и другими учёными; рассматриваются они и в современной литературе [6, с. 1060-1062].

Общие положения об обжаловании. УПК Швейцарии устанавливает, что если данный закон предусматривает решение как окончательное или не подлежащее обжалованию, то в отношении него в соответствии с данным законом обжалование недопустимо; в ином случае – оно возможно. Как отмечено далее, в данном Кодексе предусмотрен солидный перечень процессуальных актов, которые не

могут быть обжалованы.

Субъекты обжалования. Прокуратура вправе использовать средства обжалования в пользу или не в пользу обвиняемого или осужденного. Если федерация или кантоны предусматривают обер-или генеральную прокуратуру, они определяют, какие именно органы прокуратуры обладают полномочиями по использованию средств обжалования. Они регулируют вопрос о том, какие органы в производстве по уголовным делам о нарушениях вправе использовать средства обжалования. Прокуратура федерации вправе в отношении решений, принятых в кантонах, использовать средства обжалования, если: 1) нормы федерального права предусматривают, что ей или другому федеральному органу должно быть сообщено о данном решении; 2) она передала уголовное дело органам кантонов для проведения предварительного следствия и разрешения дела.

Иные стороны, имеющие охраняемый законом интерес к отмене или изменению решения, также вправе использовать средство обжалования. Частный обвинитель не вправе обжаловать решение в отношении назначенной санкции. После смерти обвиняемого, осужденного или частного обвинителя их родственники вправе произвести обжалование.

Орган, ведущий производство по делу, в проверочной инстанции вправе обязать частного обвинителя в течение назначенного ему срока внести обеспечение. Если обеспечение не внесено в срок, то проверочная инстанция не принимает жалобу.

Срок обжалования начинает течь: 1) в случае постановления приговора: с вручения или доставления постановляющей части в письменной форме; 2) в отношении других решений: с момента доставления решения; 3) в отношении решений, принятых в ходе слушаний не в письменной форме: с момента принятия к сведению.

Обоснование. Если УПК требует, чтобы обжалование было обосновано, то лицо или орган, который использует средство обжалования, должны чётко указать:

какие пункты решения они обжалуют; в связи с какими основаниями настоятельно необходимо принять другое решение; какими именно доказательствами они обосновывают свою позицию. Неправильный выбор средства обжалования не приводит к его недействительности.

Полномочия проверочной инстанции. В своем решении она не связана обоснованиями и ходатайствами сторон, за исключением случая, когда она разрешает вопрос о гражданских исках. Она не вправе изменить решения в ущерб обвиняемому или осужденному, если обжалование использовано только для его выгоды (в данном случае мы снова видим начало *favor devensionis*). Исключением является более строгое наказание на основе фактов, которые не могли быть известны суду первой инстанции. Данная инстанция не вправе в гражданско-правовых вопросах изменить решения в ущерб частному обвинителю, если средства обжалования использованы только с его стороны.

Сопоставляя подходы швейцарского и российского законодателя к проверочным производствам, можно обнаружить следующие различия между ними.

Во-первых, УПК Швейцарии предусматривает более узкий перечень проверочных производств в сравнении с российским Кодексом. Так, в отличие от нашей страны, в рассматриваемом правопорядке не существует дуализма апелляции и кассации. К проверочным производствам относятся только жалоба, апелляция и ревизия. Последняя близка к предусмотренному в УПК РФ возобновлению производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Отсутствует надзорное производство, являющееся чисто советской конструкцией.

Во-вторых, УПК Швейцарии предусматривает, что многие процессуальные действия (бездействия) и решения не могут быть обжалованы, в частности:

- 1) решение по ходатайству частного обвинителя (ч. 2 ст. 125);
- 2) решение суда по ходатайству о снятии пломбы (ч. 3 ст. 248);

3) постановление прокуратуры об открытии предварительного следствия (ч. 3 ст. 309);

4) решение прокуратуры об окончании предварительного следствия (ст. 318);

5) предъявление обвинения (абз. 2 ст. 324);

6) решение о передаче дела на рассмотрение по существу (ч. 2 ст. 334);

7) решение об открытии производства по делу (ст. 300);

8) решение о разделении рассмотрения дела по существу на две части (ч. 2 ст. 342);

9) решение суда об отказе в приобщении к делу доказательства (ч. 3 ст. 331);

10) решение суда о передаче дела по подсудности (ч. 2 ст. 334);

11) решение о невозможности рассмотрения дела в особом порядке (ч. 3 ст. 362);

12) решение о проведении упрощённого производства (абз. 1 ст. 359) и некоторые другие.

Перечень данных документов существенно более ёмкий, чем в российском уголовном процессе (данный перечень приводит П.А. Лупинская) [7, с. 822-824.]

Способы обжалования. Итак, УПК Швейцарии, как и большинство действовавших ранее кантональных процессуальных кодексов, предусматривает три формы обжалования:

- 1) Жалоба (ст. 393-397)
- 2) Апелляция (ст. 398-409)
- 3) Ревизия (ст. 410-415).

Жалоба (*Beschwerde*). Жалоба, в соответствии с УПК Швейцарии, допустима в отношении: 1) постановлений и процессуальных действий полиции, прокуратуры и органов, осуществляющих производство по уголовным делам о нарушениях; 2) определений и постановлений, равно как и процессуальных действий суда первой инстанции (исключениями являются руководящие решения); 3) решений судов по вопросам мер принуждения в случаях, предусмотренных УПК.

Вместе с жалобой уполномоченное лицо вправе требовать также применения мер в отношении: 1) правонарушения,

включая злоупотребления усмотрением, отказ суда от исполнения возложенных на него обязанностей и волокиту, 2) неполного или неправильного установления обстоятельств дела; 3) «некорректности» (Unangemessenheit). В последнем случае, как пишут Д. Стефенсон и Г. Тирит, речь идёт о проверке соразмерности (пропорциональности) решения [8, s. 2618-2619].

Жалоба недопустима, если возможна апелляция, а также в отношении отклонения ходатайства о собирании доказательств, заявленного перед прокуратурой или органами, осуществляющими производство по уголовным делам о нарушениях, если ходатайство без ущерба может быть заявлено снова перед судом первой инстанции. Если инстанцией по вопросам обжалования является коллегиальный состав суда, то орган, ведущий производство по делу, рассматривает жалобу лишь в случаях, если её предметом являются только нарушения, а также экономические дополнительные последствия решения на сумму, не превышающую 5000 фр.

Жалоба в отношении оглашенных в устной или письменной форме решений в течение 10 суток письменно и с обоснованием направляется в инстанцию по вопросам обжалования. Жалобы в отношении отказа суда от исполнения возложенных на него функций и на волокиту не ограничены сроком.

Жалоба рассматривается в письменном производстве. Если орган одобряет жалобу, то выносит новое решение или прекращает действие обжалуемого решения и возвращает дело для вынесения нового решения в суд предшествующей инстанции. Если он одобряет жалобу в отношении постановления о прекращении производства по делу, то он вправе дать указания прокуратуре или органам, осуществляющим производство по уголовным делам о нарушениях, о последующем ходе производства. Если он устанавливает отказ суда от исполнения возложенных на него обязанностей или волокиту, он вправе затрагиваемым органам дать указания и установить сроки

для их выполнения.

Закон о Федеральном суде предусматривает возможность подачи жалобы непосредственно в этот орган. Согласно ст. 80, жалоба допустима в отношении решений предшествующей кантональной инстанции и Федерального уголовного суда. Для заявления жалобы по уголовным делам уполномочен тот, кто: 1) в предшествующей инстанции участвовал в производстве или, напротив, по уважительной причине не имел возможности принять в нём участие; 2) через оспариваемое решение особенно затрагивается и имеет достойный защиты интерес по его отмене или изменению, в частности, обвиняемый; его законный представитель; прокуратура; частный обвинитель, если оспариваемое решение может оказать воздействие на оценку его гражданско-правовых требований; лицо, направившее жалобу по уголовному делу.

Сопоставление швейцарского института жалобы и российского обжалования решений и действий суда и должностных лиц, осуществляющих судопроизводство (гл. 16 УПК), позволяет выявить между ними следующие различия.

Первое. Швейцарский законодатель не устанавливает 5-дневного срока рассмотрения жалоб на решения и действия органов досудебного производства (в отличие от ч. 3 ст. 125 УПК РФ). По его замыслу, торопить суд нельзя. Как говорили римские юристы, кто быстро судит, тот быстро раскаивается. При этом закреплённый в УПК Швейцарии принцип ускорения подлежит обязательному принятию во внимание в ходе всех процедур, относящихся к уголовному процессу, включая и ту, о которой сейчас идёт речь.

Второе. В то время, как российский УПК предусматривает рассмотрение поданной жалобы в судебном заседании с соблюдением принципа устности, швейцарский законодатель устанавливает её разрешение в письменном производстве (ч. 1 ст. 397). Какие-либо слушания с участием сторон данный Кодекс не предусматривает. Возможно, данный подход на-

правлен на соблюдение разумных сроков судебного разбирательства, так как письменное производство технически проще и быстрее устного (в частности, не нужно тратить время на вызов сторон и их заслушивание).

Третье. УПК Швейцарии не дифференцирует процедуру рассмотрения жалоб, в то время как российский Кодекс предусматривает особенности рассмотрения отдельных категорий жалоб (ст. 125.1). В исследуемом правовом порядке все поданные жалобы рассматриваются по одним и тем же процессуальным правилам.

Апелляция (*Berufung*) допустима в отношении приговоров судов первой инстанции, которыми производство по делу разрешено полностью или частично. Суд апелляционной инстанции вправе проверить приговор по всем обжалуемым пунктам. Если предметом производства при рассмотрении дела по существу по первой инстанции являлись только нарушения, то апелляцию можно заявить лишь в случае, если приговор неправилен в правовом отношении, или обстоятельства дела установлены явно неверно, или в основе приговора лежит правонарушение. Новые заявления и доказательства не могут быть выдвинуты (*последнее обстоятельство существенно отличает швейцарский подход от российского*).

Апелляционная жалоба должна быть заявлена перед судом первой инстанции в течение 10 суток с момента оглашения приговора в письменной форме или устно, но с занесением в протокол. Суд первой инстанции передает заявление после составления обоснованного приговора вместе с процессуальными документами в апелляционный суд. Сторона, которая заявила апелляцию, направляет в апелляционный суд в течение 20 суток с момента вручения обоснованного приговора письменное апелляционное разъяснение. Если из него следует неоднозначно, обжалуется ли приговор суда первой инстанции в полном объеме или только в части, апелляционный суд требует от стороны дать разъяснение и устанавливает ей для этого срок.

Орган, ведущий производство по делу, незамедлительно передаёт другим сторонам копию апелляционного разъяснения.

УПК предусматривает такую категорию, как встречная апелляционная жалоба. Она не ограничена объемом основной апелляционной жалобы, за исключением случаев, когда относится исключительно к положениям приговора, касающимся гражданско-правовых вопросов.

Апелляционная жалоба в объеме оспаривания обладает приостанавливающим действием.

Апелляционный суд принимает решение в письменном производстве, начинать ли рассмотрение дела в апелляционном порядке, если орган, ведущий производство по делу, или сторона направили: 1) заявление или разъяснение апелляционной жалобы с опозданием или в недопустимой форме; 2) апелляцию, которая в соответствии со ст. 398 недопустима. Сторонам предоставляется возможность высказаться по данному вопросу.

Апелляционный суд проверяет приговор суда первой инстанции только по обжалуемым пунктам. Он вправе в пользу обвиняемого также проверить приговор и не по обжалуемым пунктам, чтобы воспрепятствовать противозаконным или несправедливым решениям.

УПК Швейцарии устанавливает, что в устном производстве необходимо руководствоваться предписаниями о рассмотрении дела по существу по первой инстанции. Если обвиняемый или частный обвинитель заявили апелляционную жалобу или окончательную апелляционную жалобу, то орган, ведущий производство по делу, вызывает их на апелляционные слушания. В простых случаях он на основе его ходатайства вправе освободить лицо от участия и разрешить ему направить и обосновать ходатайства в письменной форме. Орган, ведущий производство по делу, вызывает прокурора на слушания: 1) если он требует назначения наказания свыше 1 года лишения свободы или суд сочтёт явку прокурора обязательной; 2) если прокуратура заявила апелляци-

онную жалобу или окончательную апелляционную жалобу. Если прокуратура не приглашена, она вправе заявить письменные ходатайства и направить письменное обоснование или лично явиться в суд.

Апелляционный суд вправе рассмотреть апелляционную жалобу в письменном производстве, если: 1) должны быть разрешены только правовые вопросы; 2) обжалуется гражданско-правовая часть приговора; 3) предметом приговора суда первой инстанции являются нарушения и вместе с апелляционной жалобой не заявляется ходатайство о признании лица виновным в преступлении или уголовном проступке; 4) обжалуются последствия, связанные с издержками, возмещением и компенсацией; 5) обжалуются меры, предусмотренные ст. 66–73 УК (иные меры уголовно-правового характера). С согласия сторон орган, ведущий производство по делу, вправе предписать письменное производство, если: 1) не требуется присутствие обвиняемого; 2) предметом апелляции являются приговоры единоличного суда. Суд устанавливает стороне, которая заявила апелляционную жалобу, срок для письменного обоснования.

Апелляционная жалоба или окончательная апелляционная жалоба считается отозванной, если сторона, которая её заявила, не является без уважительных причин на устные слушания и не направляет представителя, а также не заявляет письменное ходатайство.

Если апелляционный суд удовлетворяет апелляционную жалобу, он выносит новый приговор, который заменяет приговор суда первой инстанции (в данном случае швейцарские процессуалисты используют понятие «эвокация», обозначающее принятие на себя судом второй инстанции функций суда первой инстанции: рассмотрение фактических и юридических обстоятельств дела, исследование доказательств, постановление приговора и т.д.). Если в производстве по делу в суде первой инстанции обнаруживаются существенные недостатки, которые не могут быть устранены в апелляционном производ-

стве, апелляционный суд отменяет обжалуемый приговор и возвращает дело в суд первой инстанции для осуществления нового рассмотрения дела по существу и для постановления нового приговора. Апелляционный суд указывает, какие процессуальные действия должны быть повторены или совершены. Суд первой инстанции связан исходящими из апелляционного суда правовыми позициями и указаниями.

Последнее обстоятельство заставляет задуматься, насколько обоснованно термин *Berufung* переводить как «апелляция». Дело в том, что классическая европейская теория апелляции не допускает возможность возврата дела в предшествующую инстанцию для его рассмотрения по существу. В этой связи Л.В. Головкич цитирует швейцарского процессуалиста Ж.Пикире-за: в теории уголовного процесса этой страны отмечается, что если в ходе апелляционного рассмотрения выясняется наличие существенных процессуальных нарушений, допущенных по первой инстанции, которые «сам апелляционный суд устранить не в состоянии, то приговор отменяется, а дело направляется на новое рассмотрение в нижестоящий суд или суд соседнего судебного округа: в этом смысле апелляция субсидиарно представляет собой также *кассационный способ пересмотра приговоров*» [9]. И всё же, на наш взгляд, термин «апелляция» в данном случае уместен, поскольку следует ориентироваться на российский подход к этой проверочной стадии процесса, а, как известно, п. 4 ч. 2 ст. 389.20 УПК РФ предусматривает право суда апелляционной инстанции принять решение об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции *и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции* со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства.

Сопоставление апелляции в Швейцарии и в России позволяет выявить между ними следующие различия.

ПЕРВОЕ и самое существенное. В рассматриваемом правовом порядке апелляционное производство может быть как устным,

так и письменным (ст. 405-406); в России проведение слушаний на данной стадии является обязательным (ст. 389.13). Данная особенность показывает, что швейцарское апелляционное производство, если оно ведётся только письменно, существенно отличается от устного рассмотрения дела в суде первой инстанции.

ВТОРОЕ различие имеет терминологический характер. В Швейцарии документом, возбуждающим апелляционное производство, независимо от того, кто его подал, является только апелляционная жалоба (ст. 399), а в России – апелляционная жалоба или апелляционное представление (ст. 389.6). Удвоение указанных терминов в отечественном уголовном процессе, как представляется, не имеет под собой какого-либо научного обоснования и только усложняет судопроизводство.

ТРЕТЬЕ. Различен объект обжалования. В Швейцарии апелляция допустима только в отношении приговоров судов первой инстанции, которыми производство по делу разрешено полностью или частично (ч. 1 ст. 398). В России могут быть обжалованы в апелляционном порядке любые не вступившие в силу решения суда первой инстанции (ст. 389.1).

ЧЕТВЁРТОЕ. В Швейцарии апелляционная жалоба может быть подана в устной форме с занесением в протокол (ч. 1 ст. 399). Российский кодекс предусматривает только письменную форму (ст. 389.6).

ПЯТОЕ. УПК Швейцарии предусматривает более узкий круг решений, которые может принять суд по итогам апелляционного производства. Он вправе либо оставить приговор в силе, либо постановить новый приговор, либо возвратить дело в суд первой инстанции со своими указаниями (ст. 408-409). В отличие от России, не предусмотрена возможность изменения обжалуемого судебного акта (п. 9 ч. 1 ст. 389.20).

ШЕСТОЕ. УПК Швейцарии, в отличие от российского Кодекса (ст. 389.10) не предусматривает конкретных сроков начала рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции.

Д. Джозитш в работе «Основы швей-

царского уголовно-процессуального права» приводит сравнительную таблицу таких проверочных процедур, как: 1) жалоба, 2) апелляция и 3) жалоба в Федеральный суд (ревизия в ней отдельно не рассматривается) [3, s.204-206], которая значительно облегчает изучение швейцарской системы пересмотра решений по уголовным делам. Полагаем необходимым поблагодарить уважаемого профессора и привести перевод на русский язык данной таблицы в полном объёме.

Ревизия (*Revision*). Лицо, которое обременено вступившим в законную силу приговором, приказом о наказании, дополнительным судебным решением или решением в самостоятельном производстве по назначению мер уголовно-правового характера, а равно прокуратура вправе требовать проведения проверки, если: 1) существуют новые, наступившие перед решением обстоятельства, или новые доказательства, которые могут привести к вынесению оправдательного приговора, назначению существенно более мягкого или существенно более строгого наказания осужденному или привести к осуждению оправданного лица; 2) решение состоит в неразрешимом противоречии с более поздним решением по уголовному делу, которое касается тех же обстоятельств; 3) в другом уголовном процессе выясняется, что через уголовно-наказуемое деяние оказано влияние на его результат; осуждение не требуется.

Проверку в отношении нарушения Европейской конвенции по защите прав и свобод человека и гражданина (ЕКПЧ) можно требовать, если:

1) Европейский суд по правам человека в окончательном решении установил, что ЕКПЧ или протоколы к ней нарушены;

2) возмещение не подходит для того, чтобы загладить последствия нарушения;

3) проверка необходима, чтобы устранить нарушения.

Проверку в пользу осужденного можно требовать также и после истечения сроков давности.

Ходатайства о проверке должны быть

направлены в письменной форме и с соответствующим обоснованием в апелляционный суд. Указанные в ходатайстве основания проверки необходимо изложить и доказать. Ходатайства должны быть заявлены в течение 90 суток с момента принятия к сведению затрагиваемого решения.

Апелляционный суд предпринимает в письменном производстве предварительное изучение ходатайства о проверке. Если ходатайство явно недопустимо, необоснованно или аналогичное ходатайство уже ранее заявлялось и отклонено, суд не начинает производство. В прочих случаях апелляционный суд вызывает иные стороны и представителя суда предшествующей инстанции для письменного изложения своих правовых позиций. Он принимает необходимые доказательства и дополнения к процессуальным документам, а равно как и предусмотрительные меры.

134

Если апелляционный суд признает выдвинутые основания проверки обоснованными, он отклоняет ходатайство о проверке и прекращает возможные предусмотрительные меры. Если апелляционный суд признает выдвинутые основания проверки обоснованными, он отменяет обжалованное решение полностью или в части и 1) возвращает дело в указанный им орган для проведения новых слушаний и разрешения дела; или 2) постановляет самостоятельно новый приговор, при условии что положение дела это позволяет. В случае вынесения указания о возврате апелляционный суд определяет, в каком объеме установленные основания пересмотра имеют законную силу и устраняют исполнение обжалованного решения, а также – с какой стадии процесс необходимо продолжить.

Если апелляционный суд возвратил дело прокуратуре, то она принимает решение, нужно ли предъявлять новое обвинение, издавать новый приказ о наказании или прекратить производство. Если дело возвращено в суд, он предпринимает необходимое дополнение доказательств и после проведения рассмотрения дела по существу постановляет новый приговор.

Если обвиняемый осужден в новом решении к более строгому наказанию, то ему засчитываются уже отбытые наказания. Если вынесен оправдательный приговор или назначено более мягкое наказание или производство прекращено, то ему возвращаются штрафы, уплаченные в административном или уголовно-правовом порядке. Если осуждение лица отменяется в связи с вынесением оправдательного приговора, обвиняемый или после его смерти родственники вправе требовать опубликования нового приговора.

Мы видим, что швейцарская ревизия близка к предусмотренному в России возобновлению производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (гл. 49) и одновременно с этим не имеет практически ничего общего с российским надзором (гл. 48.1 УПК РФ). К слову, надзорное производство – явление, скорее, советское и не получившее большого распространения за рубежом.

134

Можно обнаружить следующие различия между швейцарской проверкой (ревизией) и российским пересмотром дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

ПЕРВОЕ. Швейцарский законодатель, как отмечено выше, не разграничивает новые и вновь открывшиеся обстоятельства, а российский, напротив, разделяет их на две самостоятельные группы (ч. 3 и ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

ВТОРОЕ. УПК Швейцарии предусматривает, что ходатайства о проверке должны быть направлены в письменной форме и с соответствующим обоснованием в апелляционный суд. В России, напротив, право возбуждения производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, за одним единственным исключением, принадлежит прокурору, а поводами для этого являются сообщения граждан, должностных лиц, а также данные, полученные в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел (ст. 415 УПК РФ). Следовательно, в Швейцарии, в отличие от России, при обнаружении указанных обстоятельств необходимо обращаться, минуя прокуро-

ра, непосредственно в суд.

ТРЕТЬЕ. В Швейцарии пересмотр дела в порядке проверки (ревизии) осуществляет суд апелляционной инстанции (в большинстве случаев – Верховный суд кантона). В России же ч. 1 ст. 417 УПК РФ предусматривает более широкий пере-

чень судебных органов, обладающих данным полномочием.

ЧЕТВЁРТОЕ. В Швейцарии, в отличие от России, проверочное производство может быть только письменным (ч. 1 ст. 412 УПК РФ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht. Basel, 2009.
2. Guidon P. Die Schweizerische Strafprozessordnung // Jusletter 15. September 2008. URL: <http://st-gallerjuristenverein.ch/P.Guidon%20-%20Die%20Schweizerische%20Strafprozessordnung.pdf> (дата обращения: 01.06.2016).
3. Jositsch D. Grundriss des schweizerischen Strafprozessrecht. Zürich: St.Gallen, 2013.
4. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc1897p0/instrum3553/> (дата обращения: 01.06.2016).
5. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/289/> (дата обращения: 01.06.2016).
6. Курс уголовного процесса/ под ред. Л.В. Головки. М., 2016.
7. Уголовно-процессуальное право / под ред. П.А. Лупинской. М., 2009.
8. Stefenson J., Thiriet G. Art. 393 // Niggli M., Heer M., Wiprächtiger H. Schweizerischen Strafprozessordnung. Jugendstrafprozessordnung. Basel, 2010.
9. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под ред. Н.А. Колоколова. М., 2011// СПС «Консультант Плюс», 2016.

Шалагин А.Е.

КРИМИНАЛЬНАЯ СРЕДА И ЕЕ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ

THE CRIMINAL ENVIRONMENT AND ITS SOCIAL DANGER

Встатье рассматривается криминальная среда с позиции криминологического осмысления и возможности общественного воздействия на нее. Проанализированы ее виды и элементы. Особое внимание обращено на криминальную субкультуру. Выделены факторы, воздействующие на криминальную среду, предложены способы их минимизации. Определены меры предупреждения антисоциального (преступного) поведения.

Ключевые слова: криминальная среда, антиобщественное поведение, обычаи и традиции преступного мира, криминальная субкультура, факторы преступности, предупреждение, противодействие преступлениям.

The article discusses the criminal environment from a position of criminological reflection and opportunities for social impacts. Analyzed its types and elements. Special attention is paid to the criminal subculture. The factors affecting the criminal environment, the proposed ways to minimize them. Determined measures of prevention of antisocial (criminal) behavior.

Keywords: the criminal environment, anti-social behaviour, customs and traditions of the criminal world, the criminal subculture, factors of crime prevention, combating crimes.

136

136

Проблема изучения криминальной среды неоднократно поднималась в литературных произведениях классиками отечественной прозы: Ф. М. Достоевским, А. П. Чеховым, В. В. Крестовским, В. М. Дорошевичем, А. И. Солженицыным, В. Т. Шаламовым, С. Д. Довлатовым. Но и писатели-современники не остаются в стороне от данной экспрессивной темы: А. Д. Константинов, А. В. Кивинов, Д. А. Корецкий, М. А. Есаулов, Е. В. Топильская, А. А. Новиков, Б. Акунин, А. Маринина, С. Майоров.

Свои научные труды этой проблеме посвятили Ю. М. Антонян, Ю. К. Александров, В. М. Анисимков, А. И. Гуров, В. И. Горкин, А. И. Долгова, О. П. Дубягина, В. В. Лунеев, С. Я. Лебедев, И. М. Мацкевич, С. В. Максимов, В. С. Овчинский, В. Ф. Пирожков, О. В. Старков, В. В. Тулегенов, Г. Ф. Хохряков, А. В. Шеслер, В. В. Шемякина, В. Е. Эминов.

Криминальная среда – это исторически сложившаяся и относительно устойчивая часть социальной среды, источником существования и воспроизводства которой являются доходы от преступной деятельности, активно противостоящая мерам государственного и общественного контроля. Она состоит из лиц с асоциальным (преступным) прошлым и настоящим, значительная часть которых отбывала наказание в местах лишения свободы (воровское сообщество). Кроме этого, криминальная среда включает в себя материальные и нематериальные ресурсы, выступающие условием ее устойчивости и развития.

Обязательным элементом криминальной среды остаются преступные обычаи и традиции (криминальная субкультура). В. Н. Перекрестов криминальную субкультуру рассматривает как совокупность ин-

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, e-mail: aeshalagin@yandex.ru
© Шалагин А.Е., 2016

дивидуального и группового сознания, включающую поведение людей, нарушающих общепринятые нравственные ценности и законодательные предписания [1, с. 13]. Ю. К. Александров считает ее образом жизни людей, объединившихся в криминальные группы и придерживающихся антисоциальных правил и традиций [2, с. 8]. Д. А. Корецкий, В. В. Тулегенов под ней понимают совокупность норм, обычаев и правил поведения, направленных на организацию преступной деятельности, сокрытие следов криминальной активности, избежание уголовной ответственности [3, с. 17].

Криминальная субкультура паразитирует на общечеловеческих ценностях, подменяя и искажая их. Так, понятие чести и долга заменяется преданностью воровской идеи, товарищество – круговой порукой, патриотизм – цинизмом и агрессивностью. Криминальная субкультура носит характер контркультуры, противопоставляющей себя государству и обществу. Она включает в себя комплекс асоциальных норм, который объединяет ценностно-мировоззренческие установки (правила поведения) профессиональных преступников, рецидивистов, представителей организованной преступности и лиц, стремящихся следовать их примеру [4, с. 34]. В такой среде вседозволенность и превосходство над другими людьми становится основой идеологии и способствует дальнейшему уничтожению культурных и нравственных ценностей.

Криминальная субкультура заметно проявляется в среде несовершеннолетних и молодежи. Отсутствие нравственных и идеологических установок, особенности психического здоровья подростка, слабое знание законодательства, желание противопоставить себя окружающему миру приводит к подмене моральных и культурных ценностей на антиобщественные. Криминальная среда с ее псевдоромантикой выступает основным механизмом вовлечения несовершеннолетних в асоциальную и преступную деятельность [5, с. 33].

К элементам криминальной субкульту-

ры относятся: 1) правила, законы, обычаи, нравы преступного мира; 2) иерархия преступников; 3) уголовный жаргон; 4) клички; 5) татуировки; 6) способы зашифровки, передачи и распространения информации (малявы, прогоны); 7) жесты, знаки, сигналы; 8) клятвы и ритуалы; 9) симуляция болезни, членовредительство (мастырки); 10) меры поощрения и наказания; 11) уголовный фольклор (стихи, песни, пословицы, поговорки, частушки); 12) стиль в одежде и самовыражение; 13) игры и способы времяпровождения представителей преступной среды.

Криминальная среда имеет стремление к объединению (сплочению) лиц с антиобщественными установками, взглядами, манерами поведения. Она интегрирует представителей преступных групп и сообществ, находящихся в различных регионах России и за ее пределами, стремится к выработке единых норм и правил, координирует деятельность подконтрольных криминальных структур. Одной из форм такой деятельности являются «воровские сходки» лидеров преступного мира. На них определяются общая идеология, источники пополнения «воровской казны», разрешаются споры между противодействующими сторонами, назначаются смотрящие (ответственные) за отдельными территориями (объектами), обсуждается судьба кандидатов на звание «вора в законе».

Органы внутренних дел располагают данными о 428 «ворах в законе», большая часть из которых проявляют себя в Центральном и Северо-Западном федеральных округах. Несмотря на наличие в УК РФ ч. 4 ст. 210 (деяния, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии), наиболее часто они привлекаются к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков и оружия [6, с. 14]. Являясь идеологами преступного мира, такие лица не принимают участия в совершении конкретных преступлений, а разрабатывают тактику и стратегию криминальной деятельности, определяют территории и зоны влияния.

Сегодня «воры в законе» проявляют себя не только в России, но и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Коронация «вора в законе» проводится при поручительстве не менее двух авторитетных воров. В качестве кандидата не может рассматриваться лицо, имеющее плохую репутацию (связь с государственными структурами, прощенное оскорбление, карточный долг, предательство товарищей и т.п.). Процедура коронации может происходить как в пенитенциарном учреждении, так и на свободе. Решение принимается коллегиально, при этом каждый член воровской сходки может высказаться в поддержку кандидата или заявить свое аргументированное несогласие. Корона – это своеобразный символ (образ), причисляющий ее обладателя к верхушке криминального мира.

Иерархия преступников, находящихся в пенитенциарных учреждениях, выглядит несколько иной, чем антисоциальных личностей на свободе. Так, в уголовно исправительных учреждениях, согласно «табелю о рангах», содержатся: «воры в законе», «положенцы», «паханы», «стремящиеся», «бойцы», «быки», «мужики», «красные», «отверженные» и др. [7, с. 54]. На свободе стратификация преступников, входящих в организованные преступные группы (сообщества), будет выглядеть по-иному (лидер, авторитет, бригадир, активный участник, участник). Кроме этого, в крупных преступных группировках происходит деление участников по возрастным категориям (младшие, средние, старшие и т.п.).

В настоящий период уголовный жаргон проник во многие сферы жизнедеятельности человека: литературу, публицистику, кинематограф, профессиональную речь, молодежный сленг. Некоторые исследователи связывают появление уголовного жаргона с тайным языком бродячих торговцев мелким товаром – «офеней», другие – с волжскими разбойниками в XVII-XVIII вв., третьи – с происхождением условных языков различных социальных групп (крестьян, мещан и проч.). При этом

уже в XVIII в. появляются первые доказательства существования уголовного жаргона, а уже в середине XIX в. письменные источники подтверждают широкое распространение его в преступной среде. К началу XX столетия в нем появляется большое количество заимствованных иностранных слов и высказываний, принадлежащих разного рода профессиям.

До революции 1917 г. с целью облегчения работы полиции выходит значительное количество толковых словарей тюремного и блатного жаргонов. Их составителями были: Г. Досталь «Воровской словарь» (1903 г.); И. Д. Путилин «Условный язык петербургских мошенников» (1904 г.); В. Ф. Трахтенберг «Блатная музыка: жаргон тюрьмы» (1908 г.); В. Лебедев «Словарь воровского языка» (1909 г.); Я. Балув «Условный язык воров и конокрадов» (1909 г.); В. М. Попов «Словарь воровского и арестантского языка» (1912 г.).

В последующие годы такая работа тоже проводилась, но с меньшей интенсивностью. Авторами-составителями таких словарей являлись: Б. Глубоковский «Объяснение жаргонных слов» (1926 г.); Н. Виноградов «Условный язык заключенных Соловецких лагерей особого назначения» (1927 г.); В. Танков «Опыт исследования воровского языка» (1930 г.). В 50-70-е годы XX столетия издаются учебные пособия для оперативных и следственных работников милиции, позволяющие хорошо ориентироваться в словах, употребляемых профессиональными преступниками и рецидивистами. Одним из современных изданий является книга З. М. Зугумова «Историко-этимологический толковый словарь преступного мира» (2015 г.).

На языке арестантов «мурка» означает преступницу, имеющую незаурядные воровские способности и входящую в ту или иную банду; «лакша» - невезение, неудача; «концы» - ножницы; «кельдым» - притон, место сбора преступников; «захезать» - испугаться, дать слабину, проявить трусость, нерешительность; «пиявки» - отмычки; «руманы тискать» - рассказывать

интересные истории, вспоминать необычные случаи из жизни; «стирогон» - катала, лагерный шулер; «фаныч» - чайник с кипятком или чаем; «юзануть» - убежать, почувствовав опасность.

Наряду с жаргоном преступники активно используют средства невербального общения (жесты, сигналы, знаки). При помощи жестов можно предупредить об опасности, договориться о слаженности в действиях, отдать определенную команду. В тюрьмах используется особая разновидность такого языка для переговоров осужденных на расстоянии, например, из окна в окно. Содержание его напоминает сигналы моряков (семафор) или язык глухонемых (таким способом передаются буквы или целые слова). Данный прием ведения переговоров называется «светом» или «маяком» [8, с. 379]. В тех случаях, когда преступные авторитеты планируют организовать массовое нарушение режима в исправительном учреждении, подтолкнуть осужденных к голодовке, лишить кого-либо «воровского звания», определить правила поведения в тюрьмах и колониях, в такие места они направляют «малявы» или «прогоны».

Стиль в одежде также имеет значение для характеристики криминальной субкультуры. Уважающий себя вор должен быть аккуратно одет, подтянут, производить впечатление сильного, рассудительного, уверенного в себе человека. О принадлежности к уголовному миру может свидетельствовать прическа, походка, сидение на корточках, манера разговора, выбор одежды, ювелирные украшения (перстни, цепи).

Определенное место в криминальной субкультуре занимают клятвы. Они представляют собой торжественное обещание быть преданным преступному сообществу и воровской идее. Лица, их нарушившие, могут быть понижены в преступной иерархии, рискуют потерять авторитет, несут персональную ответственность. Клятвы могут быть следующего содержания: «Век воли не видать», «Слово пацана», «Зуб даю», «Гадом буду». Лидеры пре-

ступных групп стремятся придать клятвам суровый, надежный, бескомпромиссный характер [9, с. 105-106].

Неписанные законы преступного мира обязывают беспрекословно подчиняться им. Их содержание направлено на преданность «воровской идее», честность по отношению друг к другу, подготовку и обучение новичков. Такие «законы» обязывают участников воровского сообщества систематически вносить денежные средства в «общую кассу», запрещают поднимать руку на старшего, иметь какие-либо контакты с администрацией пенитенциарного учреждения. Одни нормы (правила) с течением времени претерпели изменение (трансформировались), другие строго исполняются и в настоящий период. Например, запрет на: а) работу; б) воровство среди своих; в) беспредел; г) необоснованное оскорбление или обвинение и др.

Уголовный фольклор включает в себя тюремную лирику, песни, анекдоты, рассказы, пословицы, поговорки и т.п. Автора таких произведений установить, как правило, невозможно, в связи с чем они воспринимаются как «народное творчество». В камерной лирике отражается отношение осужденного к происходящим событиям, трудному жизненному пути, выпавшим на его долю испытаниям, особый акцент делается на отношениях с друзьями, женщинами, матерью. Нередко преступники пытаются оправдать свое поведение, представить себя жертвой стечения обстоятельств, вызвать жалость и сочувствие окружающих [10, с. 200-201]. Общая направленность уголовного фольклора связана с романтизацией и мифологизацией преступного мира.

К пословицам и поговоркам, употребляемым в преступной среде, можно отнести: «Совесть хорошо, а деньги лучше», «Кто видел жизнь через решетку, тот не будет на нее смотреть сквозь пальцы», «Красиво жить не запретишь, а помешать можно», «Глупо прятать концы в прозрачную воду», «За любовь – любовью, за измену – кровью», «Жил грешно, умру смешно», «Я выжил там, где мамонты замерзли»,

«Неприступная женщина – преступна» [11, с. 120].

Преступный мир существует в двух ипостасях (в тюрьме и на свободе). В более ранний период правила, которых придерживался криминалитет, диктовались тюремной общиной. С развитием рыночных отношений, в эпоху глобализации и неограниченных возможностей данный подход изменился. Нарушители закона приобрели респектабельный внешний вид, организованная и профессиональная преступность прочно обосновалась в секторе теневой экономики, произошла легализация сверхдоходов, полученных незаконным путем. В результате инверсии ролей лица, находящиеся вне пенитенциарных учреждений, стали основными разработчиками новых форм и правил преступного поведения.

Криминальная среда неоднородна и разнообразна, она находится в тесной взаимосвязи с историческими, политическими, экономическими, социальными процессами. Она может быть классифицирована на следующие виды:

- 1) тюремная (пенитенциарная) среда;
- 2) среда рецидивистов и профессиональных преступников;
- 3) среда представителей организованной преступности;
- 4) среда экстремистов, анархистов, радикалистов;
- 5) среда несовершеннолетних преступников;
- 6) среда лиц, страдающих химическими аддикциями (наркоманы, токсикоманы, алкоголики);
- 7) среда маргинальных слоев населения (попрошайки, бродяги, уличные проститутки и проч.);
- 8) среда адептов деструктивных религиозных организаций (сект);
- 9) женская криминальная среда.

В настоящий период изменения в криминальной среде происходят под воздействием динамичных процессов, протекающих во многих сферах общественной жизни. Для нее свойственен набор тех же факторов, который детерминирует суще-

ствование и изменение преступности. К их числу следует отнести:

- безработицу;
- социальное неравенство;
- инфляцию;
- высокую латентность преступности;
- низкий уровень идеологической работы с населением;
- снижение моральных и нравственных стандартов;
- отдельные упущения в воспитании и образовании подростков и молодежи;
- неспособность многих граждан противостоять преступникам (виктимологический фактор);
- взаимосвязь криминальной среды с профессиональной, рецидивной, организованной преступностью [12, с. 123-126];
- живучесть криминальных традиций и обычаев (проникновение криминальной субкультуры в общественные отношения);
- несовершенство системы ресоциализации и адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Исследование криминальной среды позволит выявить ее детерминирующие факторы, более детально изучить преступный мир и особенности его развития. Поможет разработать комплекс мероприятий, направленный на минимизацию преступных последствий. Будет способствовать своевременному прогнозированию и планированию борьбы с преступностью.

В рамках общей стратегии воздействия на преступность и криминальную среду следует выделить следующие приоритетные направления деятельности:

- а) обеспечение неотвратимости наказания лицам, совершившим преступления;
- б) устранение причин и условий, благоприятствующих криминальной среде и совершению преступлений;
- в) предупреждение преступлений и их общественно опасных последствий;
- г) своевременное выявление, пресечение, документирование преступных действий;
- д) обеспечение полного, всестороннего, объективного расследования уголовного дела;

е) минимизация криминальной субкультуры, замещение ее социально одобряемыми идеями и ценностями; ж) разобщение и переориентация криминальных групп;	з) возмещение имущественного, физического, морального вреда, причиненного преступлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Перекрестов В.Н. Борьба с социально-негативным поведением как способ предупреждения преступности: автореф. дис. ...к.ю.н. Ростов-на-Дону, 1999. 21 с.
2. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. СПб., 2004. 76 с.
3. Корецкий Д.А. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 243 с.
4. Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в современном российском обществе: тенденции формирования и распространения: дис. ...к.ф.н. Краснодар: Краснодарский ун-т МВД России, 2012. 152 с.
5. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Рецидивная преступность и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 3(21). С. 32-37.
6. Сухаренко А. Разборки в Европейском суде по правам человека // ЭЖ-Юрист. 2014. № 30. С. 14-15.
7. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Особенности предупреждения профессиональной и рецидивной преступности (история и современность) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 4(18). С. 50-55.
8. Язык жестов / сост. А.А. Мельник. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 448 с.
9. Шемякина В.В. Криминальная субкультура в современной России: дис. ...к.ю.н. Челябинск: ЧГУ, 2010. 201 с.
10. Шалагин А.Е. Криминальная субкультура как угроза общественной нравственности // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2015. № 4 (21). С. 196-202.
11. Дубягина О.П. Нормы, обычаи и средства коммуникации криминальной среды. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. 174 с.
12. Горкин В.И. Рецидивная преступность и криминальная среда: дис. ...к.ю.н. Саратов: СГАП, 2007. 217 с.

Павлов А.В.

ПРЕДЕЛЫ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

LIMITS OF NECESSARY DEFENSE: THE PROBLEMS
OF CRIMINAL-LEGAL PROTECTION

Данная статья посвящена изучению института необходимой обороны. В работе проводится анализ законодательства США, касающегося института необходимой обороны, сравнительный анализ института необходимой обороны в США и России.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, Уголовный кодекс РФ, зарубежные страны, США.

This article is devoted to the study of the institute of necessary defense. The article assays the US legislation relating to institute necessary defense, comparative assay of the institute of self-defense in the United States and Russia.

Keywords: necessary, defense, limits of necessary defense, RF Criminal Code, foreign countries, USA.

142

Актуальность данной темы обусловлена, прежде всего, важнейшими функциями необходимой обороны в условиях становления в России гражданского общества и правового демократического государства. Являясь важным уголовно-правовым институтом, необходимая оборона способствует повышению активности граждан в пресечении преступных деяний, служит гарантией безопасности человека, обеспечения стабильности и правопорядка.

Уголовно-правовые вопросы института необходимой обороны имеют огромное значение как для человека, оказавшегося в социально-конфликтной ситуации, поскольку ему приходится по необходимости причинять посягающему существенный вред, так и для правоприменительных органов, поскольку они наделены функциями законодателя при решении вопроса о преступности или правомерности действий обороняющегося.

В связи с этим вопросы о необходимой обороне обсуждаются и на государственном уровне, в частности, в Государ-

ственную Думу вносилась инициатива о расширении пределов необходимой обороны. Согласно инициативе, «превышением пределов необходимой обороны не являются действия лица, направленные на защиту себя и своей семьи от насилия или угрозы применения насилия либо на защиту своего имущества против лица, незаконно проникшего в его жилище». «Если удовлетворим - породим всплеск преступности. Оценочные понятия о соразмерности должны присутствовать в уголовном законодательстве», - заявил первый замглавы комитета Виктор Пинский.

Применительно к России, природа права на необходимую оборону вытекает из естественного права на жизнь. Ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации закрепляет, что каждый вправе защищать свои права и законные интересы всеми способами, не противоречащими закону [3, ст. 45]. Важно отметить, что законодатель признает необходимую оборону как деятельность активного типа. В связи с этим ч.2 ст. 37 УК РФ устанавливает, что лицо может обороняться, даже когда

142

у него есть возможность избежать посягательства или обратиться за помощью к органам власти или другим лицам [4, ст. 37]. Право на необходимую оборону специфично для всех лиц, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения.

Для того чтобы признать вред, который причинило обороняющееся лицо нападающему, необходимо наличие соответствующих условий: во-первых, необходимая оборона не должна выходить за пределы действий, которые необходимы для их пресечения; способ защиты, который выбрало обороняющееся лицо, должно быть соразмерно тому, которое использует нападающий [6, с. 363].

Актуальными остаются и вопросы правоприменения в случаях защиты права собственности. Нашим законодательством не предусмотрено ни одной нормы, посвященной необходимой обороне собственности. Хотя в УК многих стран этот вопрос уже давно решен и законодательно закреплён. Например, в США лицо имеет полное право защищать не только себя, но и свою собственность.

Исследование зарубежного законодательства, а также практики его применения способствует появлению в теории уголовного права значительного числа весьма обоснованных предложений по совершенствованию действующих норм уголовного права.

При анализе уголовного права многих государств можно отметить, что институт необходимой обороны известен уже достаточно давно. Несмотря на данный факт, он продолжает вызывать научные споры, которые подтверждаются сотнями научных исследований и изменениями соответствующих законодательных норм, регламентирующих пределы необходимой обороны [2, с. 84].

Англосаксонской системе права присуща такая черта, как почти полное отсутствие кодифицированного законодательства. Рассмотрим более подробно институт необходимой обороны в законодательстве США.

В США в 1965 году принят уголовный кодекс, который закрепляет институт необходимой обороны под названием «Защиты». Соответственно, основания правомерности необходимой обороны принято называть оправдывающими обстоятельствами (защитами). При этом выделяют следующие защиты: во-первых, связанные с оправдывающими обстоятельствами; во-вторых, связанные с отсутствием уголовной ответственности. К первым относится и необходимая оборона, положения которой закрепляются в статье 35. Она устанавливает общие условия правомерности необходимой обороны: поведение, которое в противном случае составляло бы посягательство, считается оправданным, а не уголовно наказуемым, если оно «является необходимым как чрезвычайная мера, чтобы избежать нависшей угрозы причинения публичного или личного вреда, который близок к наступлению в ситуации, созданной или развитой не по вине деятеля и который является настолько серьезным, что в соответствии с обычными стандартами интеллекта и морали желательность и срочность недопущения такого вреда несомненно перевешивают желательность недопущения вреда, на предупреждение которого направлен закон, определяющий соответствующее посягательство. Необходимость и оправданность такого поведения не могут основываться на соображениях, имеющих отношение только к морали и целесообразности, вытекающей из закона, как в плане его общего применения, так и в отношении его применения к определенной категории дел. Всякий раз, когда подсудимый представляет доказательство, относящееся к защите, определенной в этом пункте, связанной с оправдывающим обстоятельством, суд должен с точки зрения права установить, составят ли защиту факты и обстоятельства, на которые ссылаются, если они будут установлены». Анализируя данную норму, мы можем прийти к выводу, что в ней закрепляется требование соразмерности

между угрожаемым вредом и вредом, причиненным посягающему. Кроме того, соразмерность определяется исходя из тех моральных устоев, которые существуют в обществе.

Нельзя не заметить при анализе уголовного законодательства США тот факт, что уголовный кодекс штата Нью-Йорк характеризуется самой тщательной регламентацией понятия необходимой обороны. Так, применение физической силы возможно в следующих случаях: 1) защиты себя самого и третьих лиц 2) защиты помещений и недвижимости 3) предотвращения или пресечения кражи, т. е. причинение условно наказуемого ущерба 4) производство ареста или предотвращения бегства из-под стражи [7, с. 73]. Следует отметить, что первые три случая – случаи необходимой обороны в том смысле, в каком они понимаются в УК РФ.

144

Соответственно, условия правомерности применения физической силы при защите самого себя и третьих лиц указанный кодекс составляют: во-первых, наличие или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого лица; во-вторых, поведение нападающего не должно быть спровоцировано обороняющимся; в-третьих, обороняющийся не должен нападать первым; в-четвертых, физическая сила не является «поединком по соглашению» и санкционирована нормами права.

Интересен тот факт, что указанный кодекс также закрепляет обстоятельства, при которых есть шанс применения «смертельной физической силы», т.е. непосредственно случай, когда можно причинить смерть нападающему. Так, из пункта «а» ч. 2 ст.35.15 Уголовного кодекса Нью-Йорка следует, что в порядке обороны можно причинить смерть, «если

лицо разумно полагает, что противник применяет или вот-вот начнет применять смертельную физическую силу, однако даже в этом случае деятель не может применять смертельную физическую силу, если он знает, что, отступив, он может с полной безопасностью для себя и других избежать необходимости ее применения, однако деятель не обязан отступать, если он: во-первых, не является первоначальным агрессором и находится в своем жилище; во-вторых, является служащим полиции или должностным лицом, наблюдающим за соблюдением общественного порядка» [8, с. 111 -112.] .

Ничего не сказано о превышении защиты и в УК штата Нью-Йорк. Анализ уголовного законодательства США, в частности Примерного УК США, УК штата Нью-Йорк указывает на то, что превышение пределов необходимой обороны («защиты») хотя и не предусмотрено прямо в этих актах, но все-таки предполагается, но в виде общих положений, характеризующих некоторые преступления.

144

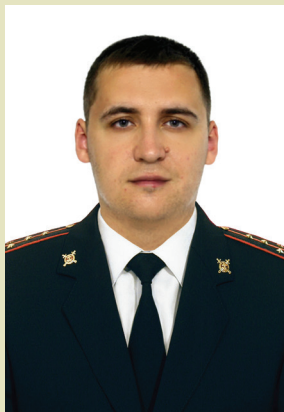
Таким образом, можно отметить, что положение, закрепленное в данном кодексе и перечисляющее случаи, когда у обороняющегося лица имеется возможность на причинение нападающему любого вреда, в том числе и смерти, а также случай, когда ее причинение строго запрещено, может быть реализовано в уголовном законодательстве нашей страны.

Ввиду вышеизложенного представляется целесообразным не привлекать к уголовной ответственности лицо, действовавшее в защиту не только себя, но и в защиту другого лица. Полагаем, что предлагаемые изменения в целом могут способствовать совершенствованию института необходимой обороны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. Очерки сравнительного права. М., 1991.
2. Чернов А. Е. Сравнительный анализ Российских и зарубежных уголовно-правовых норм о необходимой обороне // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2014. №1.

3. Конституция РФ от 12.12.1993 (с поправками) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 (с поправками) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/popular/ukrf/>
5. Афендилов В. С. К вопросу о влиянии Постановления Пленума Верховного суда РФ № 19 от 27.09.2012 на судебную практику по делам о превышении пределов необходимой обороны // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 34.
6. Ментюкова М. А. Проблемы применения необходимой обороны в уголовном праве России // Время науки. 2015. № 11.
7. Классен А. Н. Зарубежное законодательство о необходимой обороне // Вестник Южно-уральского государственного университета. 2007. № 4.
8. Уголовное законодательство зарубежных государств. М., 1998.

Русинов И.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ И ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В НОРМАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА

**OPTIMIZATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY
AS ABOUT WAY OF DEALING
WITH CORRUPTION CRIMES**

В статье представлен сравнительный анализ понятий «банкротство» и «несостоятельность», употребляемых в российском законодательстве, а также в законодательстве других стран.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, уголовно-юридическое понятие, законодательство.

The article presents a comparative analysis of notions «bankruptcy» and «non-sufficiency» used in the Russian legislation and in the legislation of other countries.

Keywords: insolvency, bankruptcy, criminal law definition, law.

146

В РФ с введением Закона о банкротстве все должники именуются несостоятельными (то есть банкротами) [1]. Согласно действующему законодательству правоотношения банкротства включают в себя нормы, которые предусматривают гражданско-правовую, уголовную, а также административную ответственность.

В ныне действующем законодательстве понятия «несостоятельность» и «банкротство» определены в ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» как одинаковые. Однако на протяжении всей истории своего присутствия в законодательстве и науке эти понятия наделялись и наделяются в настоящее время неоднозначным толкованием. На сегодняшний день это создает условия для неоднозначного толкования и неправильного применения данных терминов для обозначения экономических явлений. На базе изучения происхождения указанных определений, их применения в законодательных и судебных актах, а также в

юридической доктрине считаем необходимым определить, в какой степени предусмотренное законом определение «несостоятельности (банкротства)» отвечает природе данных понятий и потребностям использования в правовом поле. При определении содержания понятий «несостоятельность» и «банкротство» законодатель не учел традиций толкования термина «банкротство» как отечественным дореволюционным так и романо-германским правом. Скорее всего это было сделано законодателем с целью унификации с понятийным аппаратом англосаксонского права, где конкурсный процесс с древних времен назывался банкротским. Таким же образом формировалось понятие банкротства и в праве США [2, с. 211-221]. Принятый в Великобритании Закон 1813 г. вводил особое регулирование банкротства лиц, которые не осуществляют предпринимательскую деятельность. Банкротство им было обозначено другим термином - «несостоятель-

146

Русинов Игорь Анатольевич, адъюнкт кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России
e-mail: rusinov.igorek@mail.ru
© Русинов И.А., 2016

ность неторговая (insolvency)» [3, с.140]. На сегодняшний день в англосаксонской правовой системе несостоятельность и банкротство обозначаются как синонимы [4, с. 7]. Однако понятие «несостоятельности» используется в отношении юридических лиц, а термин «банкротство» в отношении физических лиц [5, с. 36-38].

Конституционный Суд РФ также использует термин «банкротство» в ином значении, чем это делает ст. 2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а именно обозначает определенный порядок: «...отзыв лицензии является начальным этапом процедуры банкротства или ликвидации банка» [6, с.74]. Основное значение уточнения рассматриваемой терминологии определений несостоятельности и банкротства состоит в следующем: пункты 2, 3 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» проводят разграничение между отношениями «по предупреждению несостоятельности (банкротства)» и «связанными с несостоятельностью (банкротством)», называя различный состав правовых источников регулирования таких отношений. Однако неполная проработанность указанного понятийного аппарата не позволяет обозначить правовые границы существования названных отношений, а также юридический факт, связывающий их возникновение. Указанным фактом, например, может быть как появление у кредитора признаков несостоятельности, так и установление таких признаков арбитражным судом, повлекшее признание должника банкротом. В.Ф. Попондопуло, в частности, процедурами банкротства считает только применяемые к должнику, признанному арбитражным судом банкротом [7, с. 27]. При буквальном толковании несостоятельности и банкротства критерием указанного разделения закон устанавливает наличие в качестве цели применения правовых мер для предупреждения несостоятельности. Но с таким делением нельзя согласиться, так как не все процедуры, применяемые к должнику арбитражным судом до возбуждения производства по делу о

его банкротстве, имеют цель предупреждения несостоятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан. Например, временная администрация, назначаемая судом после отзыва Центральным Банком России у кредитной организации лицензии на осуществление банковских операций, не преследует такой цели, и такая администрация не сможет ее реализовать по объективной причине, заключающейся в прекращении предпринимательской деятельности такой кредитной организации. С другой стороны, неправильным было бы связывать начало банкротства банка с отзывом у него лицензии, потому что отзыв не указывает на наличие признаков несостоятельности у банка. Арбитражная практика в решении данного вопроса также не прецедентна. Толкуя положения пп. 2, 3 ст. 1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», арбитражные суды в одних случаях под отношениями, связанными с банкротством юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан, понимают отношения, возникающие в момент возбуждения производства по делу о банкротстве (подачи заявления) в арбитражном суде, в других случаях понимают отношения, возникающие с момента признания таких лиц (должников) банкротами [8].

Также термин «банкротство» описывает нестандартный случай несостоятельности, когда неплатежеспособный должник умышленно, из корыстных соображений совершает преступления, наносящие ущерб кредиторам. Иными словами, банкротство имеет уголовно-правовую сторону несостоятельности [9, с. 256]. В настоящее время в некоторых странах нормы, регулирующие уголовно-правовые вопросы, исключены из законов о несостоятельности и инкорпорированы в уголовные кодексы или другие законодательные акты и применяются по отношению к физическим лицам (в ряде стран, например, Франции - и к юридическим лицам), а для описания отношений, возникающих при несостоятель-

ности с уголовно-правовым элементом, применяются выражения «злостное», «фиктивное», «преднамеренное банкротство» [10].

Так, по мнению А.Н. Трайнина, банкротство - деликт своеобразный: он складывается из двух элементов, один из которых (несостоятельность) - понятие гражданского права, другой (банкротское деяние) - понятие уголовно-правовое. Эта сложность состава банкротства серьезно затемняет его юридическую природу [11, с. 27].

Уголовно-юридическое понятие банкротства отличается от гражданско-правового понятия несостоятельности, но последнее предполагается первым: не всякий несостоятельный есть банкрот, но банкротом может быть только несостоятельный.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время правовая и научно-практическая терминологии в качестве обозначения указанного процесса используют в основном термин «банкротство», но по-разному определяя момент вступления должника в такой процесс. Также правоприменительная практика не может самостоятельно дать разграничение несостоятельности от банкротства, и зачастую решения судов и правоохранительных органов кардинально отли-

чаются друг от друга. Поэтому, с учетом разграничения использования данных терминов в нормах закона о банкротстве и правоприменительной практики, и понятия «несостоятельность» и «банкротство» целесообразно разграничить. Мы считаем, что «несостоятельностью» следует признать такое состояние должника, когда к нему применяется процесс совокупности экономических и правовых мер, внесудебных и судебных процедур, связанных с предупреждением его неплатежеспособности перед кредиторами, рассмотрением и разрешением арбитражным судом дела о ее банкротстве, обеспечением соразмерного и наиболее полного удовлетворения требований ее кредиторов. «Банкротом» же, наоборот, считать завершение конкурсного производства с последующим основанием для внесения в единый государственный реестр юридических лиц записи о ликвидации должника, имеющего место только при вынесении определения арбитражным судом. Это необходимо также для того, чтобы банкротство являлось точкой невозврата, а «несостоятельность» была «площадкой» для преодоления финансовых трудностей у должника, контролировалась и прекращалась арбитражным судом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ткачев В.Н. Термины «банкротство» и «несостоятельность»: сущность и соотношение // Адвокат. 2003. № 3.
2. Уставы о банкротстве 1800 г., 1867 г. / Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб., 1871. С. 211-221.
3. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. С. 140.
4. Васильев Е. Л. Правовое регулирование конкурсного процесса в капиталистических странах. М., 1989. С. 7.
5. Троценков В. Зарубежный опыт законодательного регулирования процедур финансового оздоровления и банкротства // Аналитический банковский журнал. 2010. № 2. С.36-38.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. «По запросу Арбитражного суда г. Москвы о проверке конституционности п. п. 1 и 4 ч. 4 ст. 20 ФЗ «О банках и банковской деятельности» // Вестник ВАС РФ. 2000. № 1. С. 74.
7. Попондопуло В.Ф. Конкурсное право. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства): учеб. пособие. М.: Юрист, 2001. С. 27.
8. Постановления ФАС Северо-западного округа от 14.11.2011 г. № А56-9642/11;

Поволжского округа от 11.05.2012 г. № Л 72-4790/12-Р183; Московского округа от 08.09.2008 г. № КА-А40/3992-08.

9. Бобылева А.З. Финансовое оздоровление предприятий. Теория и практика. М.: Дело, 2004. С.256.

10. Законодательство Франции о банкротстве // Комитет по вопросам собственности [Электрон-ный ресурс]. URL: [https:// :www.komitet2-5.km.duma.gov.ru](https://www.komitet2-5.km.duma.gov.ru). (дата обращения: 11.04.2016).

11. Трайнин А.Н. Несостоятельность и банкротство. СПб., 1913. С. 27.

Сухаренко А.Н.

Иванов Р.С.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, СЕПАРАТИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

RUSSIAN-CHINESE COOPERATION IN THE FIGHT
AGAINST TERRORISM, SEPARATISM AND EXTREMISM

В статье содержится анализ китайской антитеррористической политики, состоя-
ния российско-китайского сотрудничества в сфере противодействия терроризму,
а также отдельных положений двустороннего соглашения о сотрудничестве в борьбе с
терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2010 г.).

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, международное сотрудничество, закон, договор.

**The article contains an analysis of China's anti-terrorism policy, the state of Russian-Chinese
cooperation in the field of counter-terrorism, as well as certain provisions of the bilateral
agreement on cooperation in combating terrorism, separatism and extremism (2010).**

Keywords: terrorism, extremism, international cooperation, the law, agreement.

В соответствии с п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683 [1], деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя РФ, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных

объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры, относится к

Сухаренко Александр Николаевич, директор Центра изучения новых вызовов и угроз национальной безопасности РФ (г. Владивосток)
e-mail: sukharenko@mail.ru

Иванов Роман Сергеевич, соискатель, отдел проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму, Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: irs_ch74@mail.ru

© Сухаренко А.Н., 2016

© Иванов Р.С., 2016

числу основных угроз государственной и общественной безопасности.

Не меньшую опасность, по мнению разработчиков Стратегии, представляет деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности РФ, дестабилизацию внутривластной и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Необходимым условием обеспечения эффективности противодействия терроризму является международное сотрудничество, которое осуществляется на договорной основе. В соответствии п. 50 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 05.10.2009 [2], основные усилия России в рамках международного антитеррористического сотрудничества сосредоточены на:

а) выявлении и устранении пробелов в международном праве в части, касающейся регламентации антитеррористического сотрудничества;

б) продвижении российских международных инициатив в антитеррористической области, включая Глобальную инициативу по борьбе с актами ядерного терроризма и Стратегию партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму;

в) обеспечении эффективной работы механизмов как многостороннего (в формате СНГ, ШОС, ОДКБ и других международных организаций), так и двустороннего взаимодействия с партнерами по антитеррористической коалиции;

г) осуществлении мероприятий по перекрытию каналов финансирования террористических организаций, пресечении незаконного оборота оружия, боеприпа-

сов и взрывчатых веществ, недопущении передвижения террористов через государственные границы, противодействию распространению террористической пропаганды и идеологии, оказании содействия жертвам терроризма.

В настоящее время Китайская Народная Республика (КНР) – одна из потенциальных сверхдержав, крупнейшее по численности населения государство мира (свыше 1,3 млрд человек), занимающее третье место в мире по территории, уступая лишь России и Канаде. В условиях глобальной турбулентности и постоянно меняющихся угроз значимость российско-китайского стратегического партнерства постоянно возрастает. Основные принципы двусторонних отношений, главные направления и сферы сотрудничества отражены в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, подписанном 16 июля 2001 г. в Москве. Согласно ст. 20 Договора, Стороны в соответствии со своим законодательством и международными обязательствами активно сотрудничают в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также другой преступной деятельностью [3]. Такое сотрудничество осуществляется в рамках двухсторонней Рабочей группы, а также на многосторонних площадках (ШОС и БРИКС). Помимо этого, функционирует механизм совместных антитеррористических учений.

В июне 2002 года государства-члены Шанхайской организации сотрудничества (Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) подписали Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС). Данная структура предназначена для содействия координации и взаимодействия компетентных органов Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, как эти деяния определены в Шанхайской конвенции от 15.06.2001. Одной из ее задач является формирование банка данных о международных террори-

стических, сепаратистских и иных экстремистских организациях, их структуре, лидерах и участниках, а также источниках и каналах их финансирования; состоянии, динамике и тенденциях распространения терроризма, сепаратизма и экстремизма, затрагивающих интересы Сторон; неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку терроризму, сепаратизму и экстремизму [4].

Необходимость совместных усилий в борьбе с терроризмом вполне очевидна. Согласно «Глобальному индексу терроризма 2016», подготовленному Институтом экономики и мира совместно с Университетом Мэриленда, среди 163 стран по уровню террористической активности Китай занял 23-е место, а Россия – 30-е место. По оценкам экспертов, за 2014-2015 годы в результате терактов в Китае пострадали 556 человек, еще 445 - погибли. Российские потери оцениваются в 85 и 70 человек соответственно [5].

Неутешительными оказались выводы экспертов Всемирного экономического форума (WEF), представленные в докладе «Глобальный индекс конкурентноспособности 2016-2017» [6]. Согласно ему, среди 138 стран по уровню ущерба бизнеса от терроризма Россия заняла 101-е место, а Китай – 83-е. Ранее они занимали 102-е и 86-е места соответственно [7].

О решимости Китая бороться с данной проблемой наглядно свидетельствует факт принятия на 18-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 12-го созыва в декабре 2015 года первого в истории страны закона «О борьбе с терроризмом», который вступил в силу 1 января 2016 года. После его принятия борьба с терроризмом была внесена в стратегию национальной безопасности, а для руководства антитеррористической деятельностью создан специальный орган. Особенностью закона является содержащееся в нем определение «терроризма» - убеждения и действия, создающие панические настроения в обществе, направленные против обще-

ственной безопасности, посягающие на личное имущество или угрожающие государственным органам и международным организациям, направленные на реализацию собственных политических и идеологических целей через применение методов насилия, разрушения и запугивания. Сегодня власти смогут привлекать к уголовной ответственности не только за организацию, планирование, подготовку и осуществление терактов, но и за пропаганду, подстрекательство к осуществлению террористической деятельности, организацию, руководство и участие в террористических группировках, а также предоставление им помощи. Закон также запрещает СМИ сообщать подробности терактов, распространять сведения о террористической деятельности, которые могут спровоцировать подражание [8].

В целях активизации антитеррористического сотрудничества Федеральным законом от 22.11.2016 № 390-ФЗ [9] было ратифицировано Соглашение между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (далее – Соглашение), подписанное 27 сентября 2010 года в Пекине [10]. По информации МИДа России, Китай завершил все внутригосударственные процедуры, необходимые для вступления его в силу, 31 декабря 2011 года.

Соглашение соответствует положениям Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, развивает положения Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001, Конвенции Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16.09.2009, а также способствует выполнению Плана действий по реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (2001 г.), утвержденного Президентом РФ 14 октября 2004 года.

Соглашение охватывает такие деяния, как:

- терроризм, сепаратизм, экстремизм (содержание перечисленных деяний рас-

крывается в ст. 1 Шанхайской конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001) [11],

- создание организаций для совершения преступлений террористического, экстремистского и сепаратистского характера,

- предоставление финансовых и материальных средств для совершения указанных преступлений

- и другие, предусмотренные ст. 1 Соглашения.

Россия и Китай применяют Соглашение ко всем деяниям, предусмотренным ст. 1 Соглашения, признанным преступлениями независимо от используемой государствами терминологии.

Для борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и координации деятельности оба государства будут использовать такие механизмы взаимодействия, как:

- обмен информацией для предупреждения и борьбы с деяниями, указанными в ст. 1 Соглашения;

- проведение регулярных встреч и консультаций между компетентными органами, в том числе с привлечением экспертов.

Информационный обмен предполагает обмен данными об:

- организациях, созданных для совершения деяний, перечень которых закреплен в ст. 1 Соглашения, и их планах;

- опыте выявления, профилактики и пресечения террористических деяний;

- террористических деяниях, готовящихся, осуществляемых и/или совершенных, в том числе на территории третьих стран, и направленных против России или Китая;

- незаконном изготовлении, хранении, обороте, использовании или угрозе использования террористическими организациями и их членами ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников и ядерных материалов, огнестрельного оружия, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, материалов и оборудования, которое может

быть использовано при их создании;

- осуществлении или угрозе осуществления террористической деятельности данными организациями и их членами;

- незаконном изготовлении, распространении террористическими организациями пропагандистских материалов независимо от форм их представления;

- источниках и каналах финансирования террористических организаций и также их членов;

- а также о характерных чертах, закономерностях, методах и способах деятельности террористических организаций.

Кроме того, Соглашение предусматривает укрепление сотрудничества в области научно-исследовательской деятельности, обмена техникой, освоения и совершенствования спецтехники, совместного производства спецсредств и оборудования, а также помощь в расследовании уголовных дел по запросам компетентных органов.

Сегодня основным предметом анти-террористического взаимодействия Китая с другими странами является международная террористическая организация (МТО) «Исламское движение восточного Туркестана» (ИДВТ). Основная идея ИДВТ - создание на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, Челикского района Алма-Атинской области Казахстана и восточных районов Киргизии независимого государства Уйгурстан (Восточный Туркестан) [12].

Интеграционные процессы позволили представителям ИДВТ действовать не только на территории Китая и приграничных с ним государств, но и активно участвовать в террористической деятельности в Сирийской Арабской Республике и Исламской Республике Афганистан под эгидой таких МТО, как «Исламское государство», «Джебхат ан Нусра» и др. Основная цель такого «союза» для ИДВТ – получение навыков террористической деятельности в условиях масштабных боевых действий, обучение идеологической работе, получение поддержки со стороны более многочисленных террори-

стических организаций и вовлечение их в реализацию собственных целей.

Прогнозируя возможное развитие событий, китайское руководство принимает меры по укреплению антитеррористического сотрудничества с Российской Федерацией по всему спектру вопросов, предусмотренных Соглашением и другими актами. По итогам июньской встречи Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина в Пекине «стороны призвали к скорейшей ликвидации террористической угрозы и прекращению вооруженного конфликта в Сирии политико-дипломатическими средствами через широкий межсирийский диалог без предварительных условий и внешнего вмешательства» [13].

Таким образом, политическая интеграция и регионализация России и Китая и партнёрские отношения со странами-участницами ШОС содействуют укреплению мира и безопасности в Центрально-азиатском регионе. Активное участие в выработке механизмов урегулирования национальных, конфессиональных, этнополитических конфликтов, содействие развитию совместных механизмов превентивной дипломатии, двусторонние контакты на разных уровнях, международный вес и авторитет двух стран могут оказать положительное влияние на формирование дуги стабильности на жизненно важных для них территориях, на выявление, минимизацию и устранение угроз региональной безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рос. газета. 31.12.2015.
2. Рос. газета. 20.09.2009.
3. Рос. газета. 17.07.2001.
4. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3864> (дата обращения 18.11.2016). Ратифицировано Федеральным законом от 05.03.2004 № 7-ФЗ. Штаб-квартира ПАТС – г. Ташкент.
5. Institute of economics and peace (2016): The Global terrorism index. // <http://www.visionofhumanity.org/#/page/indexes/terrorism-index> (дата обращения 18.11.2016)
6. WEF: The Global Competitiveness Report 2016-2017. Geneva. 2016.
7. WEF: The Global Competitiveness Report 2015-2016. Geneva. 2015.
8. URL: http://russian.news.cn/2015-12/28/c_134956122.htm (дата обращения 11.11.2016)
9. Рос. газета. 24.11.2016.
10. URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/> (дата обращения 11.11.2016)
11. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения 11.11.2016).
12. URL: <http://nbenegroup.com/syndrome/islamknr.html> (дата обращения 11.11.2016)
13. <http://www.kremlin.ru/supplement/5100>

Микерин А.А.

К ВОПРОСУ О РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА В ЕВРОПЕ

THE PROBLEM OF RECEPTION ROMAN LAW IN EUROPE

В статье рассматриваются основные вехи истории римского права в западной Европе в средние века и в новое время. Автором высказывается мнение, что доминирование социальной напряженности и конфликтности в европейском обществе обуславливает ведущую роль права в социальной регуляции.

Ключевые слова: римское право, рецепция, социальная регуляция, естественное право, кодификация, мораль.

The article examines the main stages in the history of Roman law in Western Europe in the Middle Ages and modern time. We argue that the dominance of social tension and conflict in the European society cause the leading role of law in social regulation.

Keywords: Roman law, reception, social regulation, natural law, codification, morality.

155

Право Древнего Рима – историческая первооснова развития правовых систем, входящих в состав романо-германской семьи и, в какой-то мере, финал этого развития. Последнее утверждение нуждается, конечно, в некоторых пояснениях, которые и будут даны ниже.

Правопорядок, сформировавшийся на обширной территории Римской Империи за 12 веков ее существования, породил правовую систему рабовладельческого общества, узаконившего частную собственность и видевшего в праве средство цивилизованного разрешения конфликтов, связанных с таким узаконением. Процессуальный ритуал Рима изобилует боевой символикой: виндикты, жезлы, копья – все, что лишней раз напоминало тяжущимся сторонам о древней альтернативе судебному процессу.

Со времен императора Тиберия (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) был установлен культ Юстиции – богини правосудия, которой

был возведен храм. При определяющем влиянии философской мысли Греции римляне формируют новую правовую культуру античного мира. В классической юриспруденции Древнего Рима были разработаны частноправовые юридические конструкции, детально проработаны принципы и институты собственности, обязательств, процесса. Римское право распространилось на крупнейшем пространстве древнего мира, оказывая влияние на правовое развитие народов, включенных в орбиту политического господства Рима.

Начало новой эры по Рождеству Христову принесло новое осознание права. В сочинениях римских правоведов утверждалось, что право — это искусство добра и справедливости и нужно подчиняться законам, чтобы быть свободным. В III в. один из авторитетнейших юристов античности Ульпиан характеризовал право как «искусство доброго и справедливого», благодаря которому люди «совершенствовались

155

Микерин Андрей Александрович, кандидат политических наук, доцент, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД России

e-mail: amik@list.ru

© Микерин А. А., 2016

не только путем страха наказания, но и ... стремясь к истинной философии...». (D.I.I.I) Как видно из приведенного определения, значительно расширились цель и социальное назначение права, поскольку правовое регулирование теперь не ограничивалось рамками упорядочивания общественных отношений, а распространялось на внутренний мир человека, служа средством его просвещения и тем самым совершенствования.

Значительное и в какой-то мере определяющее влияние на исход истории античного мира оказало распространение христианства. Евангельская проповедь, посеянная деяниями апостолов и политая кровью первых мучеников-христиан, довольно быстро дала обильные всходы. Миланский эдикт Константина Великого (313 г.), ставший решительным шагом по пути превращения религии христиан в государственную религию, ознаменовал начало нового периода истории античного правопорядка. На Никейском соборе (325 г.) Константин определил соотношение светской и духовной властей формулой «духовенство — епископы внутренних дел церкви, император — поставленный от Бога епископ внешних дел». Такое соотношение, получившее название «симфонии», отражало внешнюю (материальную) и внутреннюю (духовную) суть человеческого бытия и основывалось на признании суверенности светской и духовной властей, действующих на общее благо каждая в своей сфере. Произволу светской власти противопоставлялся духовно-нравственный авторитет учения Церкви. Царский скипетр обеспечивал защиту Церкви от внешних потрясений и еретических расколов.

При Феодосии II (408-450 гг.) было составлено первое официальное собрание законов Римской империи (438 г.). Показательно, что составлено оно было из постановлений императоров, начиная с Константина Великого - первого христианского императора. С появлением кодекса Феодосия вопросы религии, христианской церкви впервые становятся са-

мостоятельным объектом правотворчества. Шестнадцатая книга кодекса была целиком посвящена вопросам канонического права. Таким образом, в системе римского права появляется **jus religious** - религиозное право.

В 439 г. Феодосий переслал экземпляр уложения западному императору Валентиниану III, который ввел его в обязательное употребление на своих землях. После того как в 476 г. Западная римская империя была завоевана вестготами, действие кодекса Феодосия было распространено на римских подданных Вестготского королевства. В 506 г. Аларих - король вестготов - издал закон, известный как «Бревиарий Алариха», т.е. сокращение Кодекса Феодосия и некоторых других источников римского права.

Король остготов Теодорих Великий, подчинивший себе в начале VI в. большую часть Италии, считавший свое королевство частью Римской империи (Византии), распространил действие римского права не только на римских подданных своего королевства, но и на остготов. В состав эдикта Теодориха, вошли нормы заимствованные из кодексов византийских императоров, выдержки из сочинений Павла и Ульпиана.

Еще одним примером использования римского права варварскими королями является составление Бургундской правды, авторство которой приписывается бургундскому королю Гундобаду (ранее 455 – 516 гг.). Lex Romana Burgundionum содержал, помимо обычного права, бургундов римские юридические нормы.

Тем не менее, «юридическая романизация» варваров не дала сколь-нибудь важных результатов. Римское право оказалось слишком сложным и не имело соответствующей социально-экономической основы для использования. Кроме того, политическая нестабильность, отсутствие единого политического центра исключали возможность последовательного насаждения и развития нового правопорядка. Обычай одержал победу над преобразовательским пылом. Пери-

од с VI по IX вв. в истории западноевропейского права не без оснований можно характеризовать как период германского обычного права.

Не могло в этот период сложиться на западе и общее религиозное право (*jus religious*). Большинство германских племен исповедовали арианство, в то время как римское население было никенианами. Влияние готских королей могло быть основано на военной силе, политических компромиссах и договоренностях, но не на духовно-нравственном авторитете. В глазах христианского мира раннего средневековья они выглядели еретиками. Будущее связывалось с правителями племен франков, предводитель которых Хлодвиг, покорив значительные территории в Галлии, принял христианство в его ортодоксально-никийской традиции. В 508 г. византийский император Анастасий I возвел Хлодвига в достоинство почетного консула, что свидетельствовало о признании легитимности власти короля франков.

В дальнейшем франкские правители во многом определили исторический облик западной Европы раннего средневековья. Карл Мартелл (689-741 гг.) остановив продвижение арабов битвой при Пуатье, по сути, спас западную Европу для ортодоксального христианства. Его приемник, основатель династии Каролингов, Пипин Короткий, поддержав Папу Стефана II в борьбе с лангобардами, передал святому престолу отвоеванную у них Равеннскую область. Это событие оказало значительное влияние на последующую историю как Римской католической церкви, так и всей Европы, поскольку положило начало светской власти Римского Папы.

В 800 г. франкский король Карл Великий венчается имперской короной и становится императором Запада, объединившим под своей властью территории, входившие ранее в состав Западной римской империи. Создание каролингской империи породило мысль и об унификации права. К концу 9 в. приобретает значение

франкского закона Салическая правда, которая к 11 в. вытеснит нормы практически всех других правд и составит наряду с римским правом основу последующего развития германского права. На протяжении 9 в. весомым средством, противопоставленным каролингами правовому партикуляризму, явились капитулярии - распоряжения, касавшиеся различных сторон государственного управления.

Однако вновь идея единого правопорядка не смогла пробить себе дорогу через объективно существовавшие социально-экономические условия. Общество, в котором основу социальных связей составлял акт коммемдации, не испытывало острой необходимости в правовом регулировании и вполне обходилось религиозными нормами, освящавшими формирующуюся иерархию сюзерено-вассальных отношений.

Феодальной раздробленности в Европе сопутствовала правовая партикуляризация. Специфика социально-экономического и исторического развития различных регионов Западной Европы определяла и специфику их правового развития. В областях северной Франции основным правовым источником становятся местные обычаи - кутюмы. Аналогичное положение было характерно и для Германии. На юге Франции и в Италии, для которых был характерен более высокий уровень развития экономических отношений, наряду с местными обычаями, продолжали использовать римское право, за которым признавалась роль общего обычая.

С XI в. для социально-экономического развития Западной Европы присуще нарастающее усиление значения горизонтальных общественных связей, основанных не на деспотизме феодальной иерархии, а на взаимовыгодном консенсусе. Сама жизнь ставила задачу формирования общих «правил игры», основанных на принципах разумности и справедливости. Плодом интеллектуальных исканий Запада, направляемых и поощряемых римской церковью, стало развитие схоластики. Получив из рук арабов

и византийцев тексты работ классиков античной философии и юриспруденции, практичный западноевропейский ум изучал и интерпретировал их положения сообразно собственным реалиям и возможностям. Римское право, за которым, как уже отмечалось, закрепилась репутация писаного разума, становится объектом детального исследования и толкования различных университетских школ. Глоссаторы XI-XIII вв., опираясь на методы средневековой диалектики, трактовали содержание римского права, систематизировали его. Составленные ими глоссы в дальнейшем приобрели и практическое значение, поскольку получили преобладание над самими источниками и, в частности, в Германии, определили объем рецепции римского права: «Что не признает глосса, не признает и суд». Важно, что авторитет римского права был освящен Католической церковью. Апологет католицизма, Фома Аквинат (прим. 1225 – 1274 гг.) видел в римском праве продукт человеческого разума, который, в свою очередь, произведен от Разума высшего, т.е. от Бога. Само право мыслилось скорее в смысле божественного Логоса, некоторые аспекты которого были доступны человеческому разуму. Существовавшие обычаи, ордонансы королей, ассизы влиятельных сеньоров в том понимании права не составляли. Они могли получить оценку с позиций соответствия или несоответствия положениям канонического права и правовой доктрине, создаваемой учеными-юристами.

Возрождение идеи права в континентальной Европе явилось закономерным следствием социально-экономического развития. В Западной Европе, воспринимавшей себя единым христианским миром, все настойчивее проявляла себя идея общего, идеального правопорядка. Другим закономерным следствием становится рост социальных противоречий, стремящихся разрешиться силовым путем. В ходе кровавых столкновений и реформационных войн периода развитого средневековья Европа раскололась

на католическую и протестантскую. Тем самым была уничтожена идея канонического права. Его роль как регулятора общественных отношений значительно снизилась до сферы отношений внутри католической церкви. Голландский мыслитель Г. Гроций замечал: «Во всем христианском мире я наблюдал недостаток в ограничении отношений войны, чего даже варварские народы должны стыдиться; я наблюдал как люди хватаются за оружие по незначительным причинам или без причины вовсе, и когда оружие было поднято, все забывали о каком-либо уважении права, Бога и человека; это, как будто в соответствии общему решению, безумие дает всем свободу совершать любые преступления» [1].

Указанные выше обстоятельства дали импульс развитию новых правовых концепций. Тот же Г. Гроций способствовал обособлению права от богословия и ввел в эту область рационалистический метод. Если ранее естественное право отождествлялось с божественным законом, со времен Гроция оно начинает осознаваться как прирожденное право личности. Безусловный пиетет перед римским правом сменяется пониманием права как рациональной системы, основанной на идее субъективного права, предназначенной для повсеместного применения. С этого времени новое значение придается закону как продукту рационального творчества. Оказав, по сути, революционное влияние на развитие европейского публичного права (постулирование естественных прав и свобод человека), естественно-правовая концепция не затронула основных институтов римского права, подвергнув последнее лишь частичной ревизии и согласованию с требованиями рационализма, признания автономии личности, ее прав и свобод.

Буржуазные революции в Европе, как известно, привели к формированию национальной государственности и национальных правовых систем. Торжество буржуазного либерализма сопровождалось стремлением воплотить в жизнь то

идеальное университетское право, что создавалось на европейском континенте в течение средних веков. Реальным проявлением данного процесса стала кодификация.

Гражданский кодекс Наполеона считают классическим примером рецепции римского права. Разработчики кодекса отводили праву древнего Рима роль цивилизатора Европы. Во вступительном слове к кодексу один из его разработчиков, Порталис, обосновывает необходимость преемственности источников права, утверждая, что кодексы не пишут, что они создаются временем [2].

Изначально действующим признавалось римское право и в Германии, где, начиная с XVI в. формируется пандектное право, какобщегерманское праворимского происхождения. В соответствии с принципами пандектной системы было построено Германское гражданское уложение 1896 г.

Французский и германский кодексы, «замешанные на римском цементе», явились главными источниками формирования гражданского права, стран Европы и за ее пределами. Это объяснялось как политическими причинами, так и авторитетом французской и немецкой юридических школ, отличавшихся прогрессивными нормами, высоким юридическим уровнем и потенциалом оптимально эффективного регулирования буржуазных экономических отношений.

Предпринятый краткий исторический обзор позволяет наметить следующие выводы.

В период раннего средневековья в западной Европе предпринимались неоднократные попытки применения римского права, сохранения, тем самым, правопорядка, общего с Восточной империей (Византией). В то же время в идеальной картине мира право, как социальный регулятор, уступает пальму первенства христианской морали и добродетели. В

реальной жизни господствуют отношения феодального покровительства.

К XI в. приоритет правовой регламентации социальных отношений утверждается Римской церковью. Римское право воспринимается как идеальное, на его основе формируется право каноническое.

Ренессанс и Реформация формируют новую картину мира и места человека в нем. Рационализм и индивидуализм обоснованно укореняются в европейском мировоззрении и становятся столпами естественно-правовой концепции. В соответствии с новыми принципами модернизируется частное право.

Буржуазные революции открывают историю национальной государственности, основанной на принципах буржуазного либерализма. Формируются национальные правовые системы. Ведущие юридические школы континентальной Европы – французская и немецкая – признают за римским правом роль цивилизатора Европы. Римское право становится квинтэссенцией кодификаций гражданского права. В то же время на фоне преобладающего позитивизма размышляются нормы морали, представления о справедливом; лишённые своих религиозно-нравственных начал, они ставятся в положение, зависимое от буржуазно-либеральной анархии.

К исходу девятнадцатого столетия европейское общество с горечью осознаёт бесплодие вековых чаяний и попыток утверждения общества, основанного на идее справедливости и социальной гармонии. История четырнадцати европейских столетий продемонстрировала миру полное отсутствие прогресса в этом направлении. Афоризм Папиана «нет общества без права» обратился для европейцев в доказанную теорему. Юстиция восторжествовала над христианской Премудростью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроций Г. О праве войны и миров// Библиотека М. Грачева. http://grachev62.narod.ru/huig_de_groot/content.html (1.07.2016)
2. Захватаев В. Н. Кодекс Наполеона. М., 2012.

Шевко Н.Р.

ИНФОРМАЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИЩЕННОСТИ

THE INFORMATION COMPONENT OF ECONOMIC
SECURITY: THE NEED TO ENSURE SECURITY

В статье рассматриваются вопросы необходимости обеспечения экономической безопасности хозяйствующего субъекта, особенно защиты его информационной составляющей. Автором рассмотрены основные виды интернет-угроз, осуществляемых на современном этапе, в условиях глобализации экономики, а также проанализированы источники сбоев и способы кибератак на информационные ресурсы.

Ключевые слова: экономическая безопасность, информационная составляющая, Интернет-угроза, кибератака.

The article considers the questions necessary to ensure the economic security of the entity, especially the protection of its information component. The author describes the main types of Internet threats, carried out at the present stage in the conditions of globalization of the economy, and analyzed the sources of failures and methods of cyber attacks on information resources

Keywords: economic security, informational component, Internet-threat, cyberattack.

160

160

Отличительным признаком современности является переход человечества к информационному обществу. Информация является источником важных ресурсов, как материальных, так и энергетических. Сами по себе информационные ресурсы представляют отдельные документы и отдельные массивы документов в информационных системах (библиотеках, архивах, фондах, банках данных и других информационных системах, хранящих информацию). Сама информация для производителя представляет огромную ценность, так как нередко получение и создание такой информации является весьма трудоемким и дорогостоящим процессом.

Уже давно замечено, что информация стала полноценным фактором производства, наряду с землей, трудом, капита-

лом и предпринимательскими способностями. Теперь производство сбора, создания, обработки, хранения, анализа и передачи информации пользователю проходит очень сложные этапы, при этом сталкиваясь с различными проблемами. Одна из таких проблем – это обеспечение защищенности информационной составляющей, в том числе и экономической безопасности, сохранение надежности информации, её актуальности, ценности, полноты, достоверности и секретности, а также безопасность самих информационных систем и технологий. Искажение или фальсификация, уничтожение или разглашение информации ведет к разрушению процессов её обработки и передачи в системы, наносят огромный вред как юридическим и физическим лицам, которые участвуют в процессах информаци-

Шевко Наиля Рашидовна, кандидат экономических наук, начальник кафедры экономики, финансового права и информационных технологий в деятельности ОВД КЮИ МВД России

e-mail: nailya-shevko@rambler.ru

© Шевко Н.Р., 2016

онного взаимодействия, так и государству в целом.

Опасным явлением для экономической безопасности является возникновение «инцидента экономической безопасности» – любое непредвиденное или нежелательное событие, которое может нарушить деятельность или экономическую безопасность. То есть это те случаи, которые при своем появлении ведут к нарушению экономической безопасности.

Природа появления подобного инцидента весьма разнообразна: от случайной ошибки персонала или неправильного функционирования технических средств, влияния природного фактора (пожар, наводнение и т.д.) до предна-

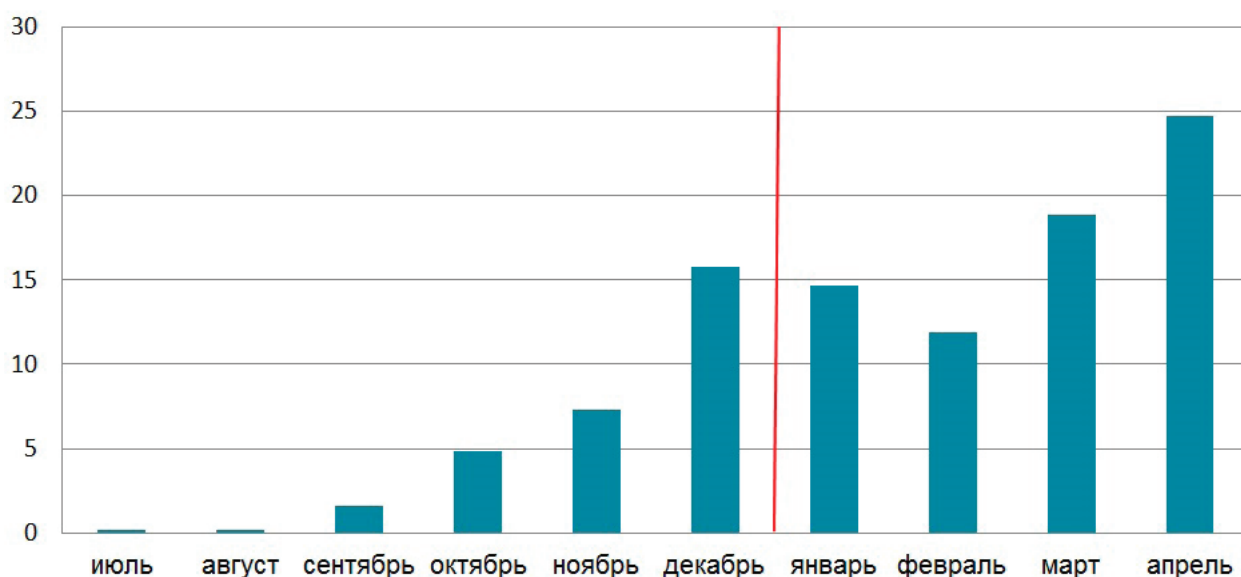
меренных злоумышленных действий, которые могут привести к нарушению целостности, секретности, доступности информации и т.д.

Все большую опасность обретают внешние угрозы обеспечения защиты информационной составляющей экономической безопасности.

Бизнес-пользователи в современном мире не работают в закрытой среде, поэтому их компьютеры подвержены атакам злоумышленников, разносящим вредоносные программы.

Данных атак очень много, и нацелены эти атаки в первую очередь на бизнес-пользователей (<http://www.kaspersky.ru/> (свободный доступ)).

Динамика заражения за 10 месяцев 2014-2015 гг.

Как видно из данных исследования, наибольшее количество атак приходится на РФ и СНГ (страны бывшего СССР).

DDoS-атаки остаются одним из самых популярных инструментов киберпреступников, причем целями злоумышленников становятся как крупные, так и небольшие компании из разных отраслей. Поскольку нарушение непрерывности работы сервисов ведет к серьезным финансовым и репутационным потерям, организациям необходимо заблаговременно выстраивать эффективную стратегию защиты от

DDoS-атак наравне с защитой от вредоносных программ, целевых атак и кражи данных.

Порядка 77% организаций в России неоднократно испытывают на себе действие DDoS-атак в течение года, при этом более трети (37%) компаний были атакованы четыре или более раз, показало исследование «Информационная безопасность бизнеса», проведенное «Лабораторией Касперского» и компанией B2B International.

В исследовании приняли участие бо-

Online threats

Last month

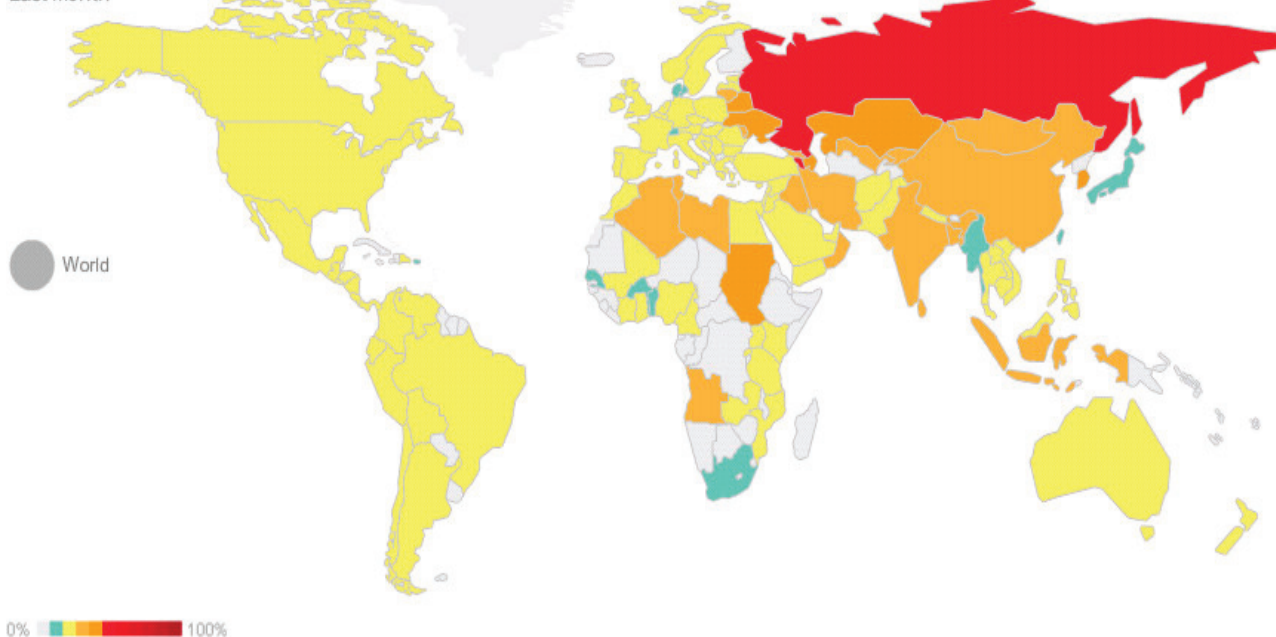

Рис. 1. Интернет-угрозы, которые детектируют при загрузке web-страниц

162 лее 4 тысяч IT-специалистов из 25 стран по всему миру, включая Россию, уточняется в сообщении «Лаборатории Касперского». Продолжительность DDoS-атак в 40% случаев составляет не более часа, а в 13% — до нескольких недель. Чаще всего жертвами этого вида угроз в России становятся компании, активно использующие различные веб-сервисы для своей основной деятельности — предприятия электронной коммерции, финансовые учреждения, государственные органы, СМИ. Также зачастую с DDoS-атаками сталкиваются высокотехнологичные организации, такие как телекоммуникационные и ИБ-компании.

«Лаборатория Касперского» отмечает, что на репутацию компаний негативно влияет не только сам факт атаки, но и то, что нередко они узнают о ней от внешних источников: в 21% случаев — от клиентов, а в 29% случаев — от подрядчика, проводящего анализ защищенности IT-инфраструктуры организации.

Согласно данным исследования, чаще всего киберпреступники атакуют внешние ресурсы: клиентские порталы (40%), коммуникационные сервисы (36%) и сайты

(52%) (<https://ria.ru> (доступ свободный)).

Соотношение внешних и внутренних угроз примерно можно охарактеризовать следующим образом: 82% угроз совершается самими сотрудниками и пользователями компьютеров при их непосредственном или опосредованном участии; 17% - внешние угрозы и, наконец, 1% - угрозы, совершаемые случайными лицами (Рис.2).

Как видно из данных исследования, наибольшую угрозу обеспечения безопасности информационной составляющей объектов экономики представляют сами сотрудники предприятия (т.е. большинство угроз совершается самими сотрудниками и пользователями компьютеров при их непосредственном или опосредованном участии).

Кроме того, по официальным данным, в 2015 году:

- на 58% компьютеров была отражена одна атака вредоносной программы, что на 3% больше, чем в 2014 году;
- 29% компьютеров подверглись одной атаке через интернет;
- файловый антивирус сработал на 41% компьютеров.

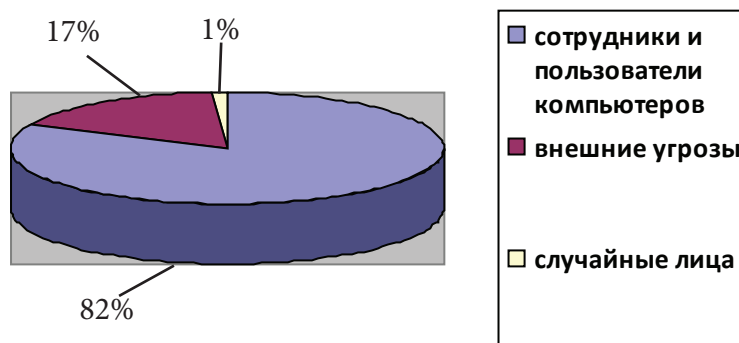

Рис. 2. Соотношение внутренних и внешних угроз

К сожалению, прогноз изменений в мире «кибербезопасности» на ближайшее будущее безутешен:

- киберпреступники осваивают целевые атаки,
- происходит фрагментация и диверсификация (изменение) атак,
- осуществляется эскалация (увеличение) атак на банкоматы и терминалы.

Ярким примером киберпреступности в 2014 году стала атака на финансовую организацию. Данная операция носила название Carbanak. По себе оно выглядело как простое ограбление банка, но через информационную сеть. Злоумыш-

ленники проникали в сеть банка, которая впоследствии становилась жертвой, и искали важную систему, при помощи которой путем атакования финансовой организации выводили денежные средства. Сумма краденного составляла от 2,5 до 10 млн долларов, и при этом преступники уже искали следующую жертву.

Большинство жертв этой кампании располагаются в Восточной Европе. При этом целью кибератаки было овладение финансовыми организациями США, Германии и Китая. Всего в мире насчитывается около 100 жертв атаки этой кампании, а убытки достигают почти миллиарда дол-

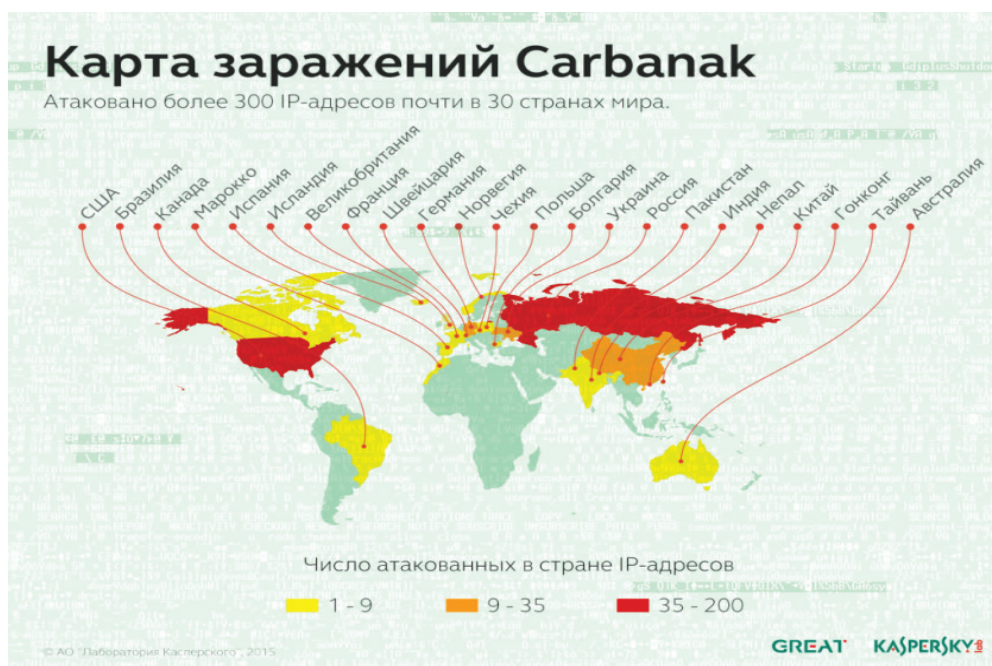

Рис. 3

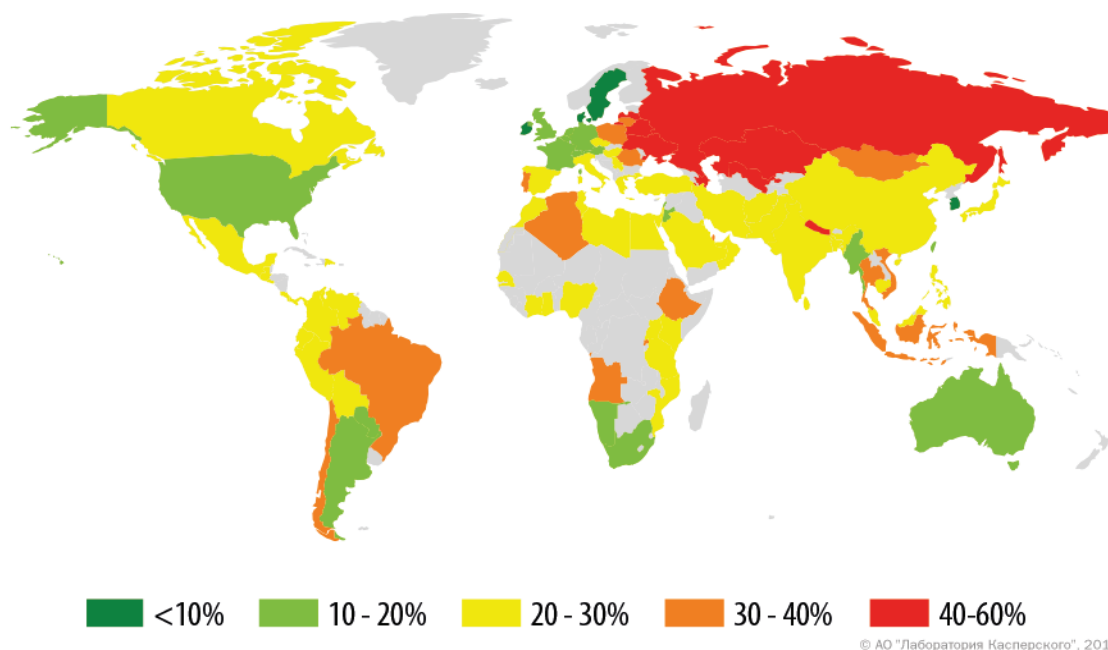

Рис. 4. География атак через веб-ресурсы, 2015 год
(% атакованных корпоративных пользователей в стране)

ларов (Рис. 3).

164

В 2015 году было отмечено увеличение атак. Например, во время расследования произошедшего случая на Ближнем Востоке экспертами из «Лаборатории Касперского» была выявлена активность неизвестной группировки, которая проводила таргетированные атаки (т.е. целевые атаки, направленные на определенное достижение какой-либо определенной цели).

Проблема поиска путей устойчивого развития в последнее время приобретает все более актуальный характер как в глобальном общемировом аспекте, так и на национальном и региональном уровнях. Все рассмотренные аспекты обуславливают возрастающее внимание со сторо-

ны бизнеса к проблемам обеспечения собственной экономической безопасности, которые выдвигаются на приоритетные позиции даже в режиме устойчивого функционирования экономики. При этом все более очевидной становится зависимость общего уровня экономической безопасности предприятия от защиты, в первую очередь, информационных ресурсов. Практика показывает, что любая целенаправленная недружественная акция, направленная против интересов хозяйствующего субъекта, начинается, прежде всего, со сбора информации. Поэтому в современных условиях особое внимание необходимо уделять защите информационной составляющей экономической безопасности.

164

Камалов Р.З.

**МЕТОДОЛОГИЯ СИТУАЦИОННОГО ПОДХОДА -
СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СТРУКТУРЫ
ИНТЕГРАЛЬНО-ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
КВАЛИФИЦИРОВАННЫХ БОРЦОВ**

**THE METHODOLOGY OF THE SITUATIONAL APPROACH -
AN INTEGRAL PART OF THE STRUCTURE
OF AN INTEGRATED INDIVIDUAL
TRAINING SKILLED FIGHTERS**

В статье рассмотрены возможности ситуационного подхода при технической, технико-тактической подготовке борцов и воспитанию у них ситуативных способностей - общих и специальных, основывающихся на логических, общенаучных, организационно-информационных, психологических, психофизиологических и их родовидовых тактических приемах и рекомендациях.

Ключевые слова: ситуация, предпосылки ситуационного подхода, классификация, операция, моделирование.

For more positive results when training skilled fighters, you must use situational opportunities, more rationally, contributing to technical and tactical training, and, based on them the education of athletes situational abilities, General and special, based on logical, scientific psychological, psycho-physiological rodo-species tactics [4,5,6,7,8].

Key words: the situation, background, situational approach, situational abilities, classification, modeling.

Необходимость разработки методологии ситуационного подхода в теории и практике спортивных единоборств возникла у автора после опубликования ряда статей по дальнейшему совершенствованию мастерства борцов олимпийских видов единоборств: греко-римской, вольной борьбе, дзюдо. В статьях рассматривались философские аспекты, лингвистический анализ понятий «ситуации, виды ситуаций», «ситуационный подход», «теория ситуативности», которые релевантны и объективизируют формирование в методике единоборств педагогические процессы обучения технико-тактическим компонентам моделирования «благоприятных динамических условий» [1] и «бла-

гоприятных динамических ситуаций» [2], способствующих реализации технических приемов. Тактические и технико-тактические операции (или комплексы по Г.С. Туманяну) приемлемы и при моделировании благоприятных ситуаций для достижения успеха не только в спортивных единоборствах, но и в современных прикладных ее видах: фехтовании, игровых видах спорта и боевых искусств [3, с. 94-96.].

Среди тех, кто стоял у истоков внедрения методов моделирования в борьбе, - А.И. Исаев (1981), А.А. Новиков (1976, 1981), А.И. Колесов (1977), В.М. Игуменов (1986), В.Е. Рублевский (1989).

В природе единоборств принято выделять ряд предпосылок: соматических,

Камалов Рашат Зигангирович, кандидат юридических наук, МСМК СССР по греко-римской борьбе, тренер-консультант Училища олимпийского резерва Республики Татарстан и кафедры физической подготовки Казанского юридического института МВД России

e-mail: doctorkrz@mail.ru

© Камалов Р.З., 2016

психических, психофизиологических, динамических ситуационных систем, а также объясняемые методологией общенаучной, междисциплинарной теорией ситуации, способствующие совершенствованию ситуативных способностей борцов в процессе обучения, тренировки и участия в соревнованиях.

Системный подход зародился на основе общей теории систем и в 1970 году выделился в отдельное специальное научное направление. Автором системного подхода в теории спортивной борьбы, ориентированного на получение синергетического эффекта при подготовке высококвалифицированных борцов, являлся О.П. Юшков (1994). Информация о ситуационном подходе появилась в печати в 50-60 годах XX века, но затем развитие этого метода прекратилось. Лишь в 2004 году в Центре ситуационных исследований, созданном при кафедре философии Казанского НИТУ им. А.Н. Туполева (КАИ) под началом Н.М. Солодухо, теория ситуации оживилась и получила распространение как в России, так и в странах СНГ, Европы и США.

Для надлежащей оценки перспектив ситуационного подхода сопоставим эти предпосылки с позиций системного подхода и ситуационного.

Первая предпосылка системного подхода – использование операции абстрагирования для выделения одного существенного объекта или свойства в качестве главного, существенного центра, вокруг которого концентрируются другие элементы. Для ситуационного подхода, наоборот, характерно наличие множества равнозначных центров или отсутствие центра.

Вторая предпосылка системного подхода – принцип ограничений, используемый в физике («все имеет ограничения»). Все предметы, свойства, процессы имеют четко определенные границы. Отказ от жесткого применения принципа ограничений целесообразен для ситуационного подхода.

Третья предпосылка системного подхода – принцип квантифицируемости, т.е.

все может быть измерено. Этот принцип означает главенство количества над качеством. Действительно, засилье количественных методов в спорте, политике, экономике, образовании и в других сферах общества, государства считается определенной недооценкой качественных методов. Как резюмирует В.П. Павлов: «Не все измеряется в количественной мере» [4].

Рассмотрим с логико-лингвистических позиций возникновение ситуации с ее взаимообусловленностью с такими понятиями, как «задача», «цель», «процесс», «операция», «событие», «результат».

В советской и российской теории спортивной борьбы сформировалась классификация четырех родов ситуаций, где используются тактические приемы, используемые для реализации техники, приносящие победу борцу: тактика ведения поединка, тактика реализации единиц техники, тактика подготовки и участия в соревновании [5] и тактика, стратегия подготовки при участии в череде соревнований [6]. Этим ситуациям соответствует расширенная многофакторная классификация родо-видовых тактических приемов [7, с.91-95; 8, с. 49-53; 9, с.153-155; 10, с.155-156]. (См. таблицу в приложении).

Как и любая ситуация, она содержит возможности и условия. Задача состоит из двух частей-условий и цели. Условия являются частью ситуации и пассивны. Цель – активная часть, на ее основе определяются критерии, которые и становятся условиями. Задача возникает в результате взаимодействия, сочетания исходных условий, которые приводятся в описании ситуаций, и того, что приносится субъектом, а именно: цели и инструментальные средства [4, с. 54-57.].

Рассмотрим эти взаимосвязанные понятия в их преломлении к процессу моделирования благоприятных статодинамических ситуаций, способствующих реализации техники.

Общеизвестно, что квалифицированного борца отличает сочетание тактического построения в целом поединка и технико-тактического разнообразия, ва-

риантов создания этих благоприятных ситуаций реализации атаки, контратаки.

Борец, в совершенстве владеющий техникой исполнения, но не имеющий в арсенале достаточных технико-тактических компонентов, (операций) создания благоприятных ситуаций, больше проигрывает, чем выигрывает [6].

Ситуация в свою очередь является и условием, т.к. за счет технико-тактических операций (действий): смены захватов, маневра, выведения из равновесия, швунгов, толчков, теснений, рывков, сковываний – ставит соперника в невыгодное для него условие: тот теряет равновесие, опаздывает в сенсорно-моторных действиях, у него ослабевает контроль за быстро меняющимися ситуациями. Единоборцы, с позиции ситуативности, – деятельные субъекты, имеющие общую цель – победу. К тому же цель и задача должны подкрепляться соответствующей мотивацией [5]. При недостаточной степени мотивации цель может быть не достигнута и задача может быть не выполнена.

Единоборство представляет собой сложный динамический ситуационный процесс взаимодействия соматических, кинезиологических систем с постоянно меняющимися событиями, в котором одному событию предшествует другое событие. Процесс – целостная взаимосвязанная совокупность действий, протекающих во времени. Если процесс имеет целенаправленный характер, то результирующим термином исполнения процесса является операция. Действительно, событие может наступить, только если выполнены все условия. Следовательно, событие – это по существу другое название результата, а поставленная задача – спланированная операция [11], исполненная технико-тактическими вспомогательными операциями, оцениваемая судьями внешняя и техническая активность соперников. Операция представляет мельчайшую единицу борьбы, входящую в качестве составной части в различные действия борца, она выполняется борцом автоматически и не приносит спортсмену преимущества над

соперником [12]. А.Ф. Карашук не согласен с использованием понятия «операция» в тактических действиях [13]. В философской энциклопедии операция рассматривается как «способ достижения определенной цели; совокупность приемов или операций практического или теоретического освоения действительности» [1, с.266.]. Данная интерпретация укрепляет позиции автора термина «операция» при проведении и тактических действий, при моделировании необходимых благоприятных ситуаций реализации техники. Операциями в борьбе являются различные рывки, толчки, маневрирование, зацепы, швунги, осуществляемые сменой захватов, определяемые как двигательные, а также поведенческие действия, притупляющие бдительность соперника, направленные на симуляцию состояния утомления, страха, возбуждения, самоуверенности и на тщательную маскировку реальной мощности атак и контратак, обеспечивающие внезапность атаки.

Структура этих активных приемов состоит из нескольких переходных фаз, условий, событий. При создании благоприятных ситуаций возникает фаза «вхождения в прием», или входа в следующую ситуацию, осуществляемого завершающим захватом, который может осуществляться налету, где захват за руку, туловище, шею совпадает с проведением основной части приема – броску соперника на «мост» или спину, т.е. «выходом из ситуации». Завершающая ситуация в свою очередь переходит в оценочную ситуацию судей, которая может перейти из-за мотивированных или немотивированных ошибок к конфликтным, стрессовым ситуациям, влекущим негативные последствия для рейтинга спортсмена. Эти нежелательные в соревнованиях недостатки охватываются понятием ситуационность и случаются не часто. В единоборстве оба субъекта взаимно воздействуют друг на друга психологическими, физическими, функциональными, техническими, тактическими способами. И реализация техники требует соответствующего индивидуального ситу-

ативного подхода в совершенствовании этих дискретных качеств личности спортсмена. Так, психологические способности обеспечивают логическую оценку создаваемых или возникающих стихийно ситуаций, умение предвидеть возможные действия соперника. Психофизиологические качества борца обеспечивают своевременную сенсорно-моторную реакцию на стартовую ситуацию «вхождения в прием», исполнение основной фазы-ситуации и завершающей, конечной ситуации.

По исследованиям Р.Н. Исхакова, ситуация в общем виде характеризует систему и процесс, ее размеры, положение в пространстве и времени, скорость, энергетические качества, функциональные параметры, психические и духовные свойства чело-века и т.д. [14, с.30-39.]. Эти индивидуальные качества борцов, необходимые и реализуемые в единоборствах, отмечал как ситуативные индивидуальные качества борцов и известный теоретик борьбы Г.С.Туманян [6].

Ситуационные системы отличаются составом ситуаций, обратимостью или необратимостью переходов между ситуациями, временем перехода, целостным свойством систем, круг понятий ситуаций является для них общим, объемным понятием, включающим бесконечный спектр бытийных, а также виртуальных предметов и их свойств [11, с.23-30].

Рассмотрим эти составные признаки на нашем предмете исследований. Механизм реализации каждого технического приема, входящего в различные группы приемов, требует специфических для данного приема технико-тактических подготовительных операций для моделирования своего состава ситуации, обладающих как обратимостью, так и необратимостью.

В спортивной борьбе ситуационные системы, моделирующие благоприятные ситуации реализации техники, должны отвечать следующим критериям: эффективности, нагрузочности, надежности, валентности, вариативности и приспособляемости.

Эффективность характеризуется ча-

стотой реальных атак, судейскими оценками, частотой чистых побед над соперниками.

Нагрузочность характеризуется степенью и направленностью психологического и физиологического воздействия на спарринг-партнеров.

Надежность отражает частоту оцениваемых попыток и реальную возможность выполнения атак, контратак. А.А.Новиков [1999] считает, что «надежность технического приема реально зависит от преодоления сбивающих факторов».

Валентность приемов и контрприемов определяется числом связей с другими технико-тактическими операциями: чем таких связей больше, тем выше валентность и валентная зона, отражающая комбинационную мощь (эффективность) [15].

Вариативность подготовительных операций реализации единиц техники определяется возможностью варьировать способы их выполнения: чем больше валентных операций, способов, тем больше диапазон отклонений в пространственных, временных, силовых и ритмических характеристиках, тем выше вариативность, а следовательно, и приспособляемость к выполнению в различных условиях опоры с различными соперниками, обладающими различными личностными и антропометрическими данными [6].

В философии предложен ряд общих видов классификации ситуаций: детерминированная-случайная, планированная - непланируемая, устойчивая - неустойчивая, предсказуемая-непредсказуемая, разрешимая - неразрешимая, объективная-субъективная, материальная-виртуальная, критическая-некритическая, измеряемая - неизмеряемая, представимая - непредставимая, мыслимая-немыслимая, общая-частная [14]. Перечисленные виды ситуаций позволяют создавать классификации или типологии формирования статодинамических благоприятных ситуаций реализации техники, выбор которой может быть использован при ситуации тактического риска с целью успешной ре-

ализации тактического риска или ее минимизации [8, с. 49-53; 9, с.153-155; 10, с. 155-156].

Еще один важный аспект ситуационного понимания объектов, как отмечает основатель Центра ситуационных исследований Н.М. Солодухо, связан с динамикой ситуаций. Все существующие в мире ситуации обладают способностью изменяться, переходить в другое состояние. В понятии «ситуационность» еще нельзя усмотреть отмеченного отличия разных ситуаций. И поэтому «ситуационный подход» в познании предполагает рассмотрение и стабильных и нестабильных ситуаций. А вот в понятии «ситуативность» явно присутствует указание на изменчивый, подвижный, динамичный характер ситуаций [16, с. 5-11.]. И ему вполне будет отвечать «ситуативный подход» в исследовании, представляющий собой разновидность ситуационного подхода, который релевантен педагогическому процессу обучения, тренировке, соревновательной практике необходимых интегрально-ситуативных (индивидуальных) способностей борцов [7, с. 91-95; 10, с.155-156]. В своих исследованиях А.А.Карелин рассматривал в качестве интегральной составляющей, в первую очередь, индивидуальные качества борца, в особенности тактические, технико-тактические, а остальные качества - дополняющие результирующую борьбу [17].

Рассмотрение некоторых типов благоприятных и неблагоприятных (ситуация тактического риска) ситуаций, возможность их моделирования для реализа-

ции единиц техники были изложены нами ранее [8,9,10]. А сведение ситуационных задач к задачам теории динамических систем открывает новые возможности эффективного моделирования и исследования сложных ситуационных проблем [14, с.30-39.] и наряду с этим - совершенствовать интегрально - ситуативную (индивидуальную) подготовку единоборцев.

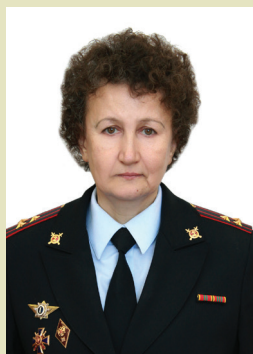
При моделировании комплексного мышления, характерного для соревновательных процессов, «необходимо осуществлять пространственно-временную организацию всей психической информации, получаемой по различным каналам, по физическим свойствам сигналов и по значимости для индивида содержащейся в них информации. Выделяются следующие модели работы мозга: нейрофизические и психологические. Нейрофизические модели являются машинами, воспроизводящими ансамбли нервной системы (у человека $1,5 \cdot 10^{10}$ нейронов). Психологические модели основаны на воспроизведении отдельных функций мозга, его поведения в разных условиях. Существуют следующие уровни детальности моделирования работы мозга: физиологический (исследование отдельных элементов мозга), психический (исследование поведения мозга в определенной ситуации), информационный (изучение принципов переработки информации в мозге). В моделировании мышление человека становится объектом познания, а машина, реализующая мыслительную деятельность, - субъектом познания» [18, с. 83-94.].

Классификация спортивных и личностных качеств единоборцев на родо-видовых таксонах тактических приемов и рекомендации				
Род логических, общенаучных, организационных, психологических приемов		Род тактических приемов ведения схватки	Род тактических приемов реализации техники	Род тактических рекомендаций при участии в соревновании
Видовой таксон				
Логические	Общенаучные	Организационные	Психологические	Видовой таксон
Анализ, синтез, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, абстрагирование и иные формально-логические приемы, использование при ситуативно складывающихся переходах: от фазы вхождения в прием до вы-хода из ситуации, до завершения исполнения техники. Благоприят-	Наблюдение, описание, сравнение, эксперимент, моделирование, измерение, вычисление, интуиция, кибернетические методы - компьютерное моделирование и ситуативное моделирование тех-тактического противостояния основным соперникам.	Приемы планирования: календарное, перспективное текущее, оперативное, планирование хватки, микро-, мезо-, макроциклов. Информационный сбор программы подготовки соперников. Видеозапись схваток. Информационная система подготовки и технико-тактического уровня основных соперников на мировой арене.	Диагностика структуры и подструктуры личности соперников: психические свойства: способности, направленность социальный опыт. Психологические признаки: степень участия сознания (высокая, низкая). Сформированный социальный опыт: система осознанных свойств характера - смелость, решительность, целеустремленность, настойчивость. Низкое участие сознания: автоматизм технико-тактических навыков, тип взаимодействия, тактические установки. Способности при высоком участии	1. Атакующая 2. Контратакующая 3. Защитная 4. Комбинированная 5. По Шулике Ю.А. 6. По рангу рефлексии (по Панюшкину В.) 7. По Петрову: парадоксальный; наступательный с более слабым соперником; наступательно-оборонительный во встрече с равным соперником (встречная борьба); оборонительно-наступательный в противодействии ветеранов с невысокой волевой и технической подготовкой, построенная на защите и контратаках оборонительно-тактическая против сильного соперника с целью удержания преимущества. 12. Дезорганизация
				1. Маневр. 2. Сковывание 3. Двойная атака. 4. Ложная атака. 5. Комбинация тех. приемов из одного захвата. 6. Подавление физических кондиций. 7. Угроза. 8. Внезапность 9. Вызов. 10. Отвлечение 11. Раскрытие. 12. Выведение из равновесия. 13. Силовое применение техники. 14. Скоростное применение техники. 15. Техничко-тактическое игровое применение техники. Содержание участия в череде соревнований аналогичны участию в одном соревновании. Однако на промежуточных этапах между соревнованиями необходима тщательная рабо-

ными ситуациями являются виды стоек, уход от захватов, скрепление ног, потеря равновесия, попытка осуществит захват - забралом. Дедукция позволяет при совершении вершении череды захватов, швунгов, толчков с маневром, перейти к реализации коронных приемов или расширительной техники и т.д.			сознания: координационные и кондиционные способности, психическая работоспособность, восприимчивость, пространств, времени, оперативно-тактическое мышление, антиципация. При низком участии сознания: наличия доли автоматизмов и менее условно-рефлекторной и сенсорной коррекции, что способствует контратакам соперников. Психологические свойства при высоком участии сознания - субъективные переживания психических состояний: активации, мобилизации, тревожности. При низкой степени сознания - рожденные свойства индивида ВНД и тип темперамента, уровень активности и агрессии, и иные свойства этой группы, а также формируемые - целеустремленность, мужество и мотивация.	привычного противоборства соперника. 13. Взаимодействие с соперником 14. Типовое ведение схватки по Пилюну Р.: 1 мин. - разведка, атака, защита; 2 мин. - атака, контроль захвата, демонстрация активности. На 3 мин. восстановление сил, контроль захвата, контратака. На 4 мин. - атака, к/атака, реа-лиз. захвата. 6 мин. удержание захвата.	та по устранению выявленных недостатков и использование медико-биологических методов контроля нагрузок, физио-терапевтических методов релаксации и вращения работоспособности потреблением поливитаминов и мультиминералов и необходимо соблюдения баланса белкового и угле-водного состава питания, влияющее на рост мышеч. и липидной тканей.
--	--	--	--	---	---

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карелин А.А. Система интегральной подготовки высококвалифицированных борцов: дис. ... докт.пед.наук. СПб., 2002. 406 с.
2. Алиханов И.И. Техника и тактика вольной борьбы. М.: ФиС, 1986. 303с.
3. Карашук А.Ф. Биомеханизмы как основа спортивной техники борьбы // Теория и практика физкультуры. Вып.2. М., 1999.
4. Павлов В.П. Ситуационные исследования // Методология ситуационного подхода и ситуационных систем: материалы международной научно-философской конф./ под ред. Н.М. Солодухо. Казань, 2011.
5. Петров Р. Совершенствование технико-тактического мастерства борцов. София: Медицина и физкультура, 1978. 272 с.
6. Шахмурадов Ю.А. Вольная борьба: научно-методические основы. Махачкала, 2011. 367 с.
7. Камалов Р.З. Использование классификации фактических приемов, как системного определителя спортивных и личностных качеств единоборцев в соревновательной практике // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. №1.
8. Камалов Р.З. Тактико-организующее начало в системе спортивного единоборства // Ученые записки НГУ имени П.Ф. Лесгафта. 2013. № 4(98).
9. Камалов Р.З. О некоторых перспективах интеграции и дифференциации знаний в систему тактики единоборств // Сб. материалов VI Международного конгресса "Спорт. Человек. Здоровье." СПб., 2013.
10. Камалов Р.З. Ситуативность - основа моделирования благоприятных ситуаций при реализации техники в спортивном единоборстве, и, как частная теория // Сб. материалов VI Международного конгресса "Спорт. Человек. Здоровье." СПб., 2013.
11. Сиразетдинов Т.К. Аналитическое проектирование динамических систем: учебное пособие. Казань, 1978. 79 с.
12. Эминов Б.Ф. Модели ситуационного управления как инструмент познания // Типология ситуаций / под общей редакцией проф. Н.М. Солодухо. М., 2006.
13. Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.
14. Исхаков Р.И. Понимание ситуации и ситуационного подхода // Ситуационная картина мира / под ред. Н.М.Солодухо. Казань, 2011.
15. Пилюян Р.А., Джапаралиев В.Т. Совершенствование тактики ведения поединка // Спортивная борьба. М.: Ф и С, 1984.
16. Туманян Г.С. Школа мастерства борцов, дзюдоистов и самбистов: учебное пособие. М.: Ф и С, 2006. 591с.
17. Ленц А.Н. Классическая борьба: учебное пособие. М.: Ф и С, 1960. 215с.
18. Солодухо Н.М. Основные характеристики ситуации // Типология ситуаций: материалы всероссийского семинара / под ред. Н.М. Солодухо. Казань, 2006.

Уразаева Г.И.
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ
ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

THE POSITION AND THE PROBLEMS OF
 THE EDUCATIONAL WORK IN THE LAW
 ENFORCEMENT AGENCIES OF RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматриваются состояние и проблемы воспитательной работы в органах внутренних дел на современном этапе реализации реформы Министерства внутренних дел Российской Федерации. Один из ресурсов, не в полной мере используемый в воспитательной работе в органах внутренних дел, связан с наставничеством как основной формой индивидуальной воспитательной работы с молодыми сотрудниками (стажерами).

Ключевые слова: воспитательная работа в органах внутренних дел, наставничество в органах внутренних дел, профессиональная мотивация личности, профессиональная деформация сотрудника полиции, проблемы воспитательной работы в органах внутренних дел.

The position and the problems of the educational work in the law enforcement agencies at the modern stage of the realization of the reform of the Ministry of the Interior of Russian Federation are studied in the article bellow. One of the resources is connected with tutorship. It is partly used in the educational work in the law enforcement agencies and it is the main form of the individual educational work with young specialists.

Keywords: the educational work in the law enforcement agencies, the tutorship in the law enforcement agencies, the professional motivation of the person, the professional deformation of the policeman, the problems of the educational work in the law enforcement agencies.

Приоритеты государственной молодежной политики
 должны быть направлены на формирование
 всестороннего развития личности, гармоничной личности,
 на воспитание гражданина России – зрелого общественного человека,
 в котором сочетается любовь к своей большой и малой родине,
 общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре,
 традициям людей, которые живут рядом с тобой.

В.В.Путин [1]

Успешное выполнение органами внутренних дел стоящих перед ними оперативно-служебных задач, совершенствование работы с кадрами напрямую связаны с формированием у сотрудников высоких профессионально-нравственных качеств, укреплением морально-пси-

хологического климата, дисциплины и законности в служебных коллективах. Это, в свою очередь, требует повышения уровня воспитательной работы с личным составом, выделения приоритетов в системе воспитания личного состава, в числе которых ведущим является формиро-

Уразаева Гульнора Ильхамовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России
 e-mail: urazayeva_gylnara@mail.ru
 © Уразаева Г.И., 2016

вание всестороннего развития личности (всестороннее развитие личности – целостное и полноценное развитие всех сущностных сил человека, его способностей и дарований, развитие различных сторон личности, её физических и духовных сил, всех её творческих способностей и дарований; развитие человека, способного к умственному и физическому труду, носителя высоких нравственных качеств, эстетических и культурных ценностей, с разносторонними материальными и духовными потребностями) сотрудника российской полиции, развитие гармоничной личности (Гармоничное развитие личности – процесс согласованного обогащения рационально-психологической сферы духовного мира человека, предполагающий достижение единого направления его разума, воли и чувств).

Воспитательная работа в органах внутренних дел – целенаправленная деятельность руководителей, кадровых и воспитательных аппаратов, общественных институтов; процесс формирования высоких профессиональных, гражданских и морально-психологических качеств, повышения уровня общей культуры сотрудников, мобилизации их на эффективное выполнение оперативно-служебных задач [2]. Воспитание сотрудника как профессионала-специалиста, нравственной личности, гражданина и патриота, знающего и любящего свою Родину, не осуществимо без глубокого познания духовного богатства своего народа и приобщения к его этнокультуре, честности и порядочности, равнодушия к боли и страданиям окружающих [3, с.30].

Известен факт: личность воспитывается личностью. В современных условиях одним из ведущих рычагов воспитания личности сотрудника в органах внутренних дел остается наставничество как форма индивидуальной воспитательной работы. Наставничество в органах внутренних дел представляет собой важную форму повышения профессионального мастерства, трудового и нравственного воспитания сотрудников. Целью настав-

ничества является ускорение процесса становления молодых сотрудников в занимаемых должностях как активных, трудолюбивых и квалифицированных специалистов, политически грамотных, обладающих высокими нравственными качествами [4]. Значение института наставничества обусловлено задачей коренного улучшения качества отбираемых на службу в полицию профессионально подготовленных кадров [5].

Сложившаяся к настоящему времени система воспитательной работы с личным составом органов и подразделений внутренних дел не соответствует современному этапу развития Министерства, не обеспечивает необходимого влияния на эффективность выполнения сотрудниками стоящих перед ним оперативно-служебных задач. Реализуемые направления воспитательной работы на местах зачастую не в полном объеме соответствуют предъявляемым требованиям, неадекватны условиям жизни и деятельности сотрудников. Анализ ситуации в конкретных подразделениях и органах внутренних дел свидетельствует о том, что до настоящего времени кадровая работа не стала приоритетной задачей для руководителей всех уровней системы МВД России.

Это обуславливает и одну из наиболее острых проблем современной полиции – проблему текучести кадров. Ряд сотрудников увольняется из органов внутренних дел, не справившись с объемом работы в эмоционально напряженных условиях. Часть квалифицированных сотрудников поглотила волна сокращения. Резко подняв уровень заработных плат военным и сотрудникам полиции с 1 января 2012 года, бюджет попал в довольно сложную ситуацию. Министерство финансов РФ предложило не индексировать зарплаты в 2013 году госслужащим, военнослужащим, судьям, прокурорам. Как ожидалось, это должно было позволить сэкономить 31 миллиард бюджетных рублей. Однако, по прогнозам специалистов, и эта мера не помогла решить проблему.

В сложившейся ситуации правительство вновь стало рассматривать вопрос о сокращении штата МВД. Согласно указу Президента, с 1 января 2014 года численность МВД зафиксирована на уровне 1 миллиона 89 тысяч 870 человек, из которых 782 тысячи - полицейские, а остальные военнослужащие внутренних войск МВД и сотрудники внутренней службы [6].

Реформа МВД в направлении массового сокращения – вынужденная мера. Понятно, что реформирование любой профессиональной структуры, безусловно, вызывает существенные изменения в сознании и психике в целом у ее сотрудников [7, С.45-50]. Причем эти психологические личностные изменения далеко не всегда позитивные, когда мы анализируем возникающие у сотрудников внутриличностные конфликты [8, с. 72-76]. Именно поэтому в процессе принятия решения о реформировании полицейской системы были рассмотрены все возможные последствия. Например, нехватку кадров планируется компенсировать за счет модернизации системы управления кадрами и совершенствования кадровой политики в целом. Понятно, что все те, кто останутся в числе вневедомственных сил государства, в нагрузку получают большее количество работы и обязанностей.

Все это, соответственно, снижает мотивацию профессиональной деятельности действующих сотрудников. Профессиональная мотивация личности может быть представлена как процесс взаимного стимулирования субъектами труда (себя и других людей) к достижению определенных профессиональных успехов. Кроме того, мотивация профессиональной деятельности может быть раскрыта как система реально действующих конкретных побуждений, которые обуславливают изначально выбор профессии и продолжительное выполнение обязанностей, связанных с этой профессией. Многие руководители органов внутренних дел утратили чувство личной ответственности за состояние, организацию и эффективность воспитательной

работы с подчиненными, смирились с позорящими полицию нарушениями служебной дисциплины и законности у некоторых сотрудников, используют в работе с сотрудниками, главным образом, мотивацию негативного пугающего характера.

Подчеркнем, что мотивация профессиональной деятельности каждого отдельного сотрудника включает в себя помимо индивидуальных личностных регуляторов деятельности, те побуждающие факторы, которые воспринимаются им в коллективе и непосредственно от руководителя. Если в коллективе формируется общее «пофигистское» - формальное отношение к выполнению служебных заданий и контроль со стороны руководителя предполагает лишь его активное внимание к «палочным» показателям, все содержание воспитательной работы и действительное влияние наставника также могут приобретать «показушный» характер.

На этом общем фоне становятся все более приемлемыми негативные отклонения от норм и ценностей профессиональной деятельности сотрудника полиции, порой принимающие характер служебного правонарушения, должностного преступления. Сотрудник с явно выраженной ситуативной житейской психологией начинает выполнять лишь те служебные задачи, решение которых требуется по приказу и распоряжению его руководителя, при этом руководитель озвучивает карающие санкции в случае несвоевременного исполнения. Получается, что нередко сотрудник флегматично реагирует на требования-угрозы данного момента. Соответственно, если от него требуются растущие планируемые показатели, он их будет добывать любой ценой, вплоть до преступления. Преступление может совершаться сотрудником и ради утоления чрезмерных амбиций или удовлетворения корыстных устремлений.

Количество сотрудников органов внутренних дел, привлеченных к уголовной ответственности за совершенные преступления, продолжает оставаться значительным. В первом полугодии 2014

года поставлено на учет в ФКУ «ГИАЦ МВД России» 1656 (+4%) сотрудников органов внутренних дел, совершивших преступления (из них общеуголовные – 747 (+1,6%), должностные и против правосудия – 1010 (+5,4%)) [9]. В отношении 270 (+23,9%) руководителей возбуждены уголовные дела, в т.ч. 169 (+32%) – за совершение должностных преступлений.

Простое перечисление многообразных и разнообразных должностных нарушений сотрудниками полиции свидетельствует о явной профессиональной деформации части из них. Только за неделю с 9 по 15 ноября 2015 года выявлены следующие факты должностных правонарушений и преступлений [10]: в Чебоксарах экс-оперуполномоченного по борьбе с коррупцией осудили за взятки; в Москве нетрезвый сотрудник полиции, находясь за рулем, стал виновником ДТП; в Костроме за взятку в размере 60 тысяч рублей от подчинённого задержан сотрудник полиции – командир батальона ППС; в Саяногорске бывший сотрудник полиции – старший специалист направления тылового обеспечения ОМВД России по городу Саяногорску – предстанет перед судом за совершение хищения огнестрельного оружия и боеприпасов (Хакасия); в Екатеринбурге двое полицейских выращивали коноплю в офисе; в Карелии начальник уголовного розыска изъясил на незаконных основаниях дорогую машину у бизнесмена; в Бурятии полицейский вымогал взятку у сотрудников центра занятости; полицейские на Ставрополье обвинены в превышении полномочий, что нашло отражение в факте избиения одного и ранении из табельного оружия другого жителя города; в петербургском отделении полиции задержанный погиб от выстрела из табельного пистолета; в Омске многодетный полицейский был задержан с наркотиками; подмосковного участкового задержали при получении «дополнения» в полмиллион рублей к двухмиллионной взятке; экс-полицейского 23-летнего сотрудника ДПС в Нижнем Новгороде осудили за рукоприкладство,

побои и превышение должностных полномочий по отношению к водителю остановленного автомобиля, который отказался выйти из машины по требованию сотрудника; челябинского полицейского задержали за взятку в 100 тысяч рублей.

Феноменология преступлений сотрудников органов внутренних дел свидетельствует о глубине деформации личностных регуляторов деятельности и поведения. Профессиональная деформация сотрудника полиции представляет собой результат искажения профессиональных и личностных качеств работника органа правопорядка под влиянием отрицательных факторов деятельности и окружающей среды. При отсутствии у сотрудника достаточного уровня психологической и нравственной устойчивости часто наблюдается развитие его профессиональной деформации. При этом профессиональная деформация негативно влияет на деловое и межличностное общение сотрудника и эффективность его служебной деятельности [11].

Имеющийся анализ большого числа нарушений служебной дисциплины и законности полицейскими [11, С.14-21], в том числе, молодыми сотрудниками, в реальных условиях профессиональной деятельности [12, С.48-53], позволяет констатировать противоречие между запросами общества на качественную и надежную работу полиции и дефектами воспитательной работы в органах внутренних дел, нацеленной, по существу, на обеспечение этой надежной и качественной работы полицейских, но данной цели не всегда достигающей.

Поэтому сегодня как никогда МВД России остро нуждается в новом поколении специалистов, способных на высоком профессиональном уровне своевременно, эффективно и качественно решать злободневные задачи по предупреждению и пресечению, выявлению и раскрытию преступлений, защите личности, общества, государства от противоправных посягательств и др. [13]. Это такие сотрудники, для которых, по выражению

кубинского поэта, писателя, публициста Хосе Марти: «Родина — это алтарь, а не пьедестал» [14] (с исп.: *La patria es ara y no pedestal* - то есть Родине надо приносить жертвы, как на алтаре, а не только ждать от неё наград, как на пьедестале).

Целью нашей исследовательской деятельности в рамках заявленной темы является изучение особенностей совершенствования воспитательной работы в органах внутренних дел с использованием возможностей наставничества в системе МВД России. Первоначальным этапом исследовательской деятельности в достижении данной цели в рамках данной статьи является решение задачи по изучению состояния и проблем воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации в современных условиях.

177

В соответствии с разными этапами нашего исследования использованы следующие методы: 1) методы организации исследования (комплексный, сравнительный); 2) методы сбора данных (выявление, анализ и обобщение педагогического опыта (опыта наставничества); педагогическое наблюдение; беседа, интервьюирование, анкетирование; педагогический анализ ситуаций и фактов; экспертные оценки 3) методы обработки данных (качественные – теоретический анализ, сравнение, систематизация, группировка, типологизация, синтез и обобщение); 4) методы интерпретации и оценки данных: теоретические (интерпретация и оценка собранного материала на основе теории А. Маслоу о потребностях личности и ее самореализации); сравнительные (интерпретация и оценка полученных данных в сравнении с ранее собранными материалами); каузальный (констатация и объяснение причин, движущих сил наставничества как педагогического процесса); феноменологический (описание фактов и отдельных случаев, представляющих изучаемый феномен); системный (выявление взаимосвязи элементов, системных свойств и функций); генетический (прослеживание процессов

становления и развития личности молодого сотрудника).

Научное исследование проблем организации и совершенствования деятельности молодого специалиста выполняет свою важную роль в противодействии коррупции и обеспечении собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации, которое является одним из основных направлений оперативно-служебной деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Руководством МВД России вопросам борьбы с коррупцией в собственных рядах уделяется особое внимание, что предполагает предварительное изучение данного системного явления в рамках научной интеграции [15, 16].

Следует отметить, что теоретические аспекты содержания и организации воспитательной работы и, в частности, наставничества как формы индивидуальной воспитательной работы, разработаны в педагогической науке достаточно полно и содержательно. Проблемы часто возникают на пути согласования теории и практики воспитательной работы на этапе затянувшегося переходного периода к новому типу общественно-экономического развития российского общества в условиях мирового кризиса.

Проблемы воспитательной работы в органах внутренних дел в современных условиях имеют комплексный и системный характер. На их возникновение и существование оказывает влияние целый ряд факторов общественной жизни и социальной среды, а также несформированность процесса воспитательной работы в его целостности и глубине, выраженность явлений фрагментарности в его структуре и поверхностности в динамике желаемых изменений в сочетании с их эпизодичностью.

Так, например, на данный момент одной из основных классических проблем воспитания молодого сотрудника является отсутствие однородной воспитывающей среды. Традиционный воспитывающий образ жизни (семейный, об-

177

щественный, национальный) со своими духовно-нравственными ориентирами разрушен. На смену коллективистскому социально ориентированному воспитанию пришло потребительски-индивидуалистическое. Условия жизни изменились: ушла в прошлое коллективистская психология ради «светлого будущего» и на ее месте сформировалась идеология актуальной жизни в настоящем, сиюминутном удовлетворении субъективно выраженных потребностей «здесь и теперь». При этом требования общества и самого полицейского ведомства к воспитанию у молодого сотрудника высокоразвитых нравственных устоев личности остались столь же высокими. В сотруднике полиции нужно воспитать гармонично развитую личность, с гражданской активной позицией, патриота своей родины, нравственного человека, сознательно делающего выбор в сторону общественного блага.

178

Вместе с тем такое воспитание может дать желаемые плоды лишь в обществе с доминирующими нравственными и социальными установками и устойчивым личностно значимым религиозным фундаментом. Российское же общество переживает кризис во всех областях его развития, испытывает, прежде всего, духовный кризис, не имеет пока единой идеологии, изменило в своем историческом развитии духовным и национальным корням. В таком трансформирующемся обществе эта задача формирования глубоко нравственной личности сотрудника полиции становится практически неразрешимой. Общество, государство и его граждане требуют от сотрудника того, чего не соблюдают сами.

Основополагающее педагогическое воздействие на человека на любом этапе его жизни и развития неизбежно оказывает микросреда, что отражено в народном суждении «С кем поведешься, от того и наберешься». Даже на уровне профессионального коллектива влияние на сотрудника значимых других становится процессом латентным и малоуправляемым, незаметным по силе и глубине

воздействия. Сотрудник, взаимодействуя параллельно с двумя общностями – социальной и криминальной, попадает в тиски двух совершенно противоположных по направленности, но устойчивых сложившихся систем с различными психологическими, нравственными, духовными и культурными установками. Это вынуждает его каждый раз адаптироваться к окружению и адекватно регулировать свое поведение в соответствии с требованиями среды, иначе возникают конфликтные ситуации. Попеременная адаптация к социальным полям с различной валентностью вызывает психологическое напряжение, которое усиливается, если сотрудник не может своевременно перестроиться, встроиться в изменившуюся систему отношений и принять адекватное ей и своей профессиональной роли решение.

Так постепенно разрушается единство, цельность личности, сознание «зависает» в процессе постоянной циклической перестройки и раздваивается. Психологическая «перезагрузка» происходит зачастую посредством внешних допингов (например, алкоголя) или внутренних инстинктивных регуляторов накопившегося психического напряжения (типа агрессии и аутоагрессии). Растет общее количество личностных неврозов и психосоматических заболеваний. Появляются немотивированные страхи. Чтобы их заглушить, человек начинает употреблять наркотики и алкоголь с целью забыться, расслабиться, не умея или не желая адаптироваться рефлексивно, и, в конечном счете, когда внутренние ресурсы организма и психики исчерпаны, дезадаптивность личности может завершиться суицидом.

При наличии множественных противоречивых по влиянию сред (социально позитивной, криминальной, профессионально деформированной) отсутствует основа основ педагогики – единые требования к сотруднику как к воспитуемому, что, в конечном счете, ведет к предоставлению молодого человека самому себе. Он обретает псевдосвободу выбора. Од-

178

Слушатели КЮИ МВД России в музее истории МВД Республики Татарстан

нако в силу возрастных или личностных свойств этот выбор может быть обращен во вред себе. Недостаточно сформированная личность (даже зрелого по паспорту) человека занимает себя поисками удовольствия и узконаправленного блага для самого себя и сиюминутных потребностей, истребляя в себе социальные чувства.

Отечественную систему воспитания (семейного, общественного, профессионального), как и состояние российской педагогики в целом сегодня принято характеризовать как кризисную и выделять в ней целый спектр актуальных проблем. Эти проблемы сохраняются и в профессиональной педагогике в деятельности органов внутренних дел как отрасли российской педагогики в целом.

В первую очередь, это проблема, связанная с поиском путей возрождения в российском обществе чувства истинного патриотизма как духовно-нравственной и

социальной ценности.

Чувство патриотизма немислимо без национального самосознания, основанного на ощущении духовной связи с родным народом. Исторический опыт показывает, что незнание культуры своего народа, его прошлого и настоящего ведет к разрушению связи между поколениями – связи времен, что наносит непоправимый урон развитию человека и народа в целом. В силу этого остро ощущается потребность возродить и развивать национальное самосознание всех, даже самых малых народов России. В этом смысл существования российской школы, ее деятельности в русле возрождения духовных традиций национального воспитания.

Российская Федерация – страна, в которой живут разные народы, народности, этнические и религиозные группы. Многие десятилетия воспитание основывалось на идее сближения, слияния наций и создания единой безнациональной общно-

сти. Современное российское общество живет в условиях особо повышенной социальной и этнической тревожности, поскольку столкновения в быту, общественном транспорте, в сфере торговли легко переносятся на межнациональные отношения. Взрывы национальной конфликтов побуждают проанализировать истоки подобных явлений, осознать их причины – и не только социально-экономические, но и психолого-педагогические. В силу этого особую актуальность приобретает проблема формирования культуры межнационального общения как действенного средства по достижению согласия между людьми, представителями разных наций и народностей.

Реальностью современного российского общества становится тот факт, что все больше наций и национальностей заявляют о полной самостоятельности, а Россию наполняют беженцы из всех республик бывшего Союза. Одновременно наблюдаются рост экстремизма, агрессивности, расширение зон конфликтов и конфликтных ситуаций. Эти социальные явления особо затрагивают молодежь, которой свойственны максимализм и стремление к простым и быстрым решениям сложных социальных проблем. В этих условиях в воспитании молодых сотрудников органов внутренних дел первостепенное значение приобретают проблемы формирования этики поведения в многонациональной среде, воспитание межнациональной толерантности. На решение этой задачи должна быть направлена воспитательная работа в целом и деятельность наставника молодого сотрудника (стажера) в частности. Именно в непосредственном взаимодействии с опытным и квалифицированным наставником могут и должны формироваться гуманистические ценности и реальная готовность к толерантному поведению у молодого сотрудника. Можно назвать и ряд других, наиболее актуальных проблем современного воспитания молодых сотрудников (стажеров), от успешного решения которых зависит их судьба и

профессиональная успешность. Однако есть и ряд проблем воспитательной работы в органах внутренних дел и иного плана, которые тоже следует отметить.

В настоящее время в органах внутренних дел, на наш взгляд, нет системности в организации воспитания личного состава. Нередко воспитательная работа проводится либо эпизодически, в связи с возникшей экстремальной ситуацией, либо по заранее определенному и утвержденному плану, но и в том, и в другом случае характеризуется формальностью. Поэтому наши основные усилия в этом вопросе направлены на то, чтобы воспитательная работа стала составной частью не только работы кадровых и воспитательных аппаратов, но и повседневной управленческой деятельности начальников всех уровней. Посредством этих рычагов влияния оказывается позитивное воздействие на результативность выполнения оперативно-служебных задач, укрепление законности и служебной дисциплины, улучшение морально-психологического состояния личного состава.

Ответственные лица, среди которых мы выделим и самих наставников, в рамках проводимой индивидуальной воспитательной работы решают следующие задачи: составляют типовые схемы организации индивидуальной воспитательной работы в подразделении внутренних дел или с отдельным воспитуемым; разрабатывают планы и издают приказы об организации индивидуальной воспитательной работы; оказывают методическую помощь в выборе форм и методов индивидуального воспитания в отношении различных категорий сотрудников; выявляют сотрудников, в отношении которых требуется проведение индивидуальной воспитательной работы (в первоочередном порядке лица, недавно принятые на службу в органы внутренних дел, молодые специалисты, сотрудники, имеющие низкие показатели в оперативно-служебной деятельности, допускающие нарушения служебной дисциплины). Кроме того, данные ответственные лица

осуществляют мониторинг, контроль и анализ состояния и эффективности индивидуальной воспитательной работы. По результатам проведенного анализа вносятся предложения по совершенствованию индивидуальной воспитательной работы и содержания наставничества. Данные задачи определяют место индивидуальной воспитательной работы в механизме воспитания кадрового состава органов внутренних дел.

Следует отметить, что в последние годы особое значение придается работе по профилактике коррупционных и иных правонарушений среди личного состава органов внутренних дел. Общее предупреждение коррупционных преступлений [17, с.75] может выражаться в глубоком изучении молодыми сотрудниками уголовного законодательства, в том числе, обсуждения возможного наказания или убеждения в недопустимости любых отклонений от норм закона. Во исполнение поручений Президента Российской Федерации приказом МВД России от 6 марта 2014 г. № 161 в структуре территориальных органов МВД России на окружном, региональном и межрегиональном уровнях созданы подразделения по профилактике коррупционных и иных правонарушений. Регламентирован [18] порядок организации работы по приему уведомлений от сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России о получении подарка в связи с протокольными и иными официальными мероприятиями, а также их приему, учету и хранению. Реализуется Программа по антикоррупционному просвещению на 2014 – 2016 годы, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2014 г. № 816-р. Осуществляется мониторинг чрезвычайных происшествий с участием сотрудников органов внутренних дел и реакции на них руководителей территориальных органов. Наиболее резонансные из них ставятся на контроль Департамента государственной службы

и кадров МВД России. Значительное внимание уделяется укреплению законности при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений и сообщений о происшествиях, повышению роли и ответственности руководителей всех уровней за организацию этой работы. Нормативную базу в данных направлениях обеспечивает Директива МВД России от 27 февраля 2015 № 1 дсп «О мерах по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел Российской Федерации». На наш взгляд, значительные возможности в работе по профилактике коррупционных и иных правонарушений среди личного состава органов внутренних дел по всем перечисленным направлениям имеет виктимологическая подготовка сотрудников [19, с.18-19] на этапе профессионального обучения, в том числе, с использованием возможностей наставничества как формы воспитательной работы с молодыми сотрудниками.

В настоящее время Департамент кадрового обеспечения МВД России значительные усилия направляет на реформирование системы воспитания личного состава, налаживание социально-психологической работы в органах внутренних дел, совершенствование нормативно-правовой базы организации этой деятельности. Работа с молодыми сотрудниками в настоящее время осуществляется в комплексе в рамках общей системы морально-психологического обеспечения. В Республике Татарстан для обеспечения профессионально-нравственного становления молодых специалистов в современных условиях в 2012 году была полностью пересмотрена система организации института наставничества - издан приказ МВД по РТ № 363-2012 «Об утверждении инструкции по организации наставничества в МВД по РТ» (доработан в 2015 году). По нашему мнению, позитивные результаты изменения существующей системы института наставничества скажутся не сразу, но обязательно будут.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В. От молодежи в значительной степени зависит будущее России: <http://azerros.ru/maintheme/19008-vladimir-putin-ot-molodezhi-v-znachitelnoy-stepeni-zavisit-budushee-rossii.html>.
2. Цели, задачи и принципы воспитания сотрудников ОВД. URL: <http://studopedia.org/11-49719.html>.
3. Жирикова В.В. Проблемы духовно-нравственного воспитания в современном мире // Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений: сборник материалов международной научно-практической конференции. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. 342 с.
4. Наставничество в органах внутренних дел. URL: <http://5fan.ru/wievjob.php?id=36535>.
5. Петрова А. С. Актуальные вопросы функционирования института наставничества в органах внутренних дел // Концепт. 2015. № 09(сентябрь). ART15315. 0,4п.л. URL: <http://ekoncept.ru/2015/15315.htm>.—ISSN 2304120X. 1
6. URL: <http://mvd.forumbb.ru/viewtopic.php?id=358>.
7. Мальцева Т.В. Влияние реформирования системы органов внутренних дел на психологические особенности будущих полицейских // Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности (Васильевские чтения - 2013) : материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2013.
8. Мальцева Т.В. Подходы к преодолению внутриличностных конфликтов у сотрудников органов внутренних дел // Прикладная юридическая психология. 2014. № 1.
9. URL: https://mvd.ru/upload/site1/document_file/z9uKzVax7Z.doc.
10. Криминальные будни российской полиции. 9-15 ноября. URL: <http://rusmonitor.com/kriminalnye-budni-rossijskojj-policii-9-15-noyabrya.html>.
11. Уразаева Г.И. Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы // Вестник КЮИ МВД России. 2014. № 2 (16).
12. Уразаева Г.И. Социально-психологическая детерминация преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 4 (59).
13. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 03.02.2014) «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 2011. N 7. Статья 2. Основные направления деятельности полиции.
14. Хулиан дель Касаль. Хосе Марти. Средь сумерек и теней. Избранные стихотворения: перевод с испанского Сергея Александровского. М.: Водолей, 2011. 256 с. (Звезды зарубежной поэзии).
15. Некоторые особенности воспитательной работы в органах внутренних дел: URL// https://interactive-plus.ru/article/17804/discussion_platform
16. Ищук Я.Г., Чистотина О.Н. Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел: учебное пособие. Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. 88 с.
17. Баранчикова М.В. Коррупционные преступления в органах внутренних дел: проблемы квалификации и предупреждения: монография. Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2015. 99 с.
18. Приказ МВД России от 5 апреля 2014 г. № 315.
19. Баранчикова М.В. Значение виктимологической подготовки сотрудников ГИБДД для обеспечения безопасности дорожного движения // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2016. № 7.

ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ МАЛКОВУ 85 ЛЕТ

7 октября 2016 года в Казанском юридическом институте МВД России был организован круглый стол, посвященный юбилею ученого. Предлагаем вниманию читателей материалы выступлений участников круглого стола.

Малков Виктор Павлович родился 8 октября 1931 г. в селе Биляр Можгинского района Удмуртской Республики в обычной крестьянской семье.

С сентября 1939 по май 1941 гг. В.П. Малков учился в Билярской семилетней школе, которую окончил на отлично. В связи с переводом отца на работу в село Удмурт-Сарамак Бемыжского района Удмуртской АССР с сентября 1941 г. по июнь 1943 г. учился в Удмурт-Сарамакской начальной школе. Учился он с большим интересом и только на отлично.

По окончании четвертого класса Удмурт-Сарамакской начальной школы в связи с отсутствием материальных возможностей для продолжения учебы (до окончания Великой Отечественной войны) Виктор Павлович трудился в колхозе «Удмурт» Бемыжского района Удмуртской Республики. Его труд оценен медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В годы войны научился плести лапти, весьма популярный в те годы вид обуви, деньги от приобретения которых шли на приобретение для семьи в те годы весьма дефицитных соли и спичек.

После мобилизации отца из Красной армии и по его настоянию поступил в 5-й класс Билярской семилетней школы. Несмотря на то, что по итогам контрольной проверки руководством этой школы остаточных знаний В.П. Малкова отцу было сказано, что знаний у него совсем нет и учиться он не сможет, отец Виктора Пав-

ловича настоял на том, чтобы сына приняли в пятый класс, поскольку очень хотел, чтобы сын учился далее.

В результате В.П. Малков успешно окончил Билярскую семилетнюю школу, а ее директор посоветовал для продолжения учебы поступать в Можгинское педагогическое училище, где в то время учащимся выплачивалась стипендия.

На втором курсе педучилища по учебному плану велась так называемая «пассивная педагогическая практика», и по просьбе Виктора Павловича вместе с его другом Меркушевым Николаем он был прикреплен к весьма опытной учительнице начальных классов базовой школы для практики.

На первом же уроке практики, вспоминает Малков В.П., случился конфуз с первоклассницей, вызвавший у практикантов неудержимый смех. За это нарушение учебной дисциплины их удалили из класса, а затем вызвали на воспитательную беседу к завучу педучилища. Все это произвело на них такое впечатление, что учителей из друзей не получилось. Они оба подали заявление об отчислении из педучилища.

В дальнейшем Виктор Павлович поступил в 10-й класс средней школы №1, а Н. Меркушев – в 10-й класс средней школы №4 г. Можги Удмуртской Республики. По окончании школы Н. Меркушев поступил в военное училище и свою военную службу завершил в воинском звании генерал-лейтенанта.

В августе 1951 г. В.П. Малков сдавал вступительные экзамены на отделение марксизма-ленинизма Казанского государственного университета, но не прошел по конкурсу (из-за тройки по немецкому языку). С оценками, полученными на конкурсных экзаменах в Казанский университет, он был зачислен на первый курс Казанского юридического института.

В связи с ликвидацией Казанского юридического института в 1952 г. был переведен на второй курс юридического факультета Казанского государственного университета. За отличную учебу и активное участие в общественной жизни университета на 4-м и 5-м курсах Виктору Павловичу назначалась именная стипендия им. В.М. Молотова. Он также был избран председателем Совета студенческого научного общества КГУ.

В июне 1956 г. В.П. Малков с отличием окончил юридический факультет Казанского университета и по распределению выпускников был направлен на работу в органы МВД г. Куйбышева (ныне Самара), где с августа 1956 г. до 15 октября 1962 г. служил в должностях оперуполномоченного уголовного розыска, следователя, старшего следователя, начальника следственного отделения и начальника районного отдела внутренних дел. За успехи в работе награжден значком «Отличник милиции».

В октябре 1962 г. бывшим деканом юрфака профессором А.Т. Бажановым был приглашен на научно-педагогическую работу в Казанский университет, с трудом уволился из органов МВД г. Куйбышева и с 15 октября 1962 г. по 1 января 1998 г. работал на юридическом факультете Казанского государственного университета, пройдя путь от стажера-преподавателя, ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой до декана юридического факультета.

В августе 1966 г. руководством Казанского университета был направлен в годичную целевую аспирантуру по кафедре уголовного права на юридический факультет МГУ им.М.В.Ломоносова, где

под научным руководством профессора Г.А. Кригера в июне 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уголовно-правовое значение».

По возвращении в Казанский университет был избран заместителем секретаря парткома КГУ. Занимая эту должность на освобожденной основе с октября 1968 по октябрь 1970 гг., одновременно на полставки работал доцентом кафедры уголовного права и криминологии.

В апреле 1972 г. был избран деканом юридического факультета и в этой должности работал три срока (11 лет). В 1979 г. за успехи в научно-педагогической и организаторской деятельности награжден орденом «Знак Почета».

В январе 1975 г. в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова защитил докторскую диссертацию на тему «Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву», которая была выполнена при научном консультировании д.ю.н. проф. Г.А. Кригера.

В ноябре 1975 г. по инициативе ректора проф. М.Т. Нужиной был избран заведующим кафедрой уголовного процесса и криминалистики, а в декабре 1982 г. – заведующим кафедрой уголовного права и криминологии и в этой должности работал до 1 января 1998 года.

В 1978 г. Виктору Павловичу присвоено ученое звание профессора по кафедре уголовного процесса и криминалистики. В октябре 1981 г. присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Татарской АССР».

В июне 1993 г. Малков В.Р. избран действительным членом (академиком) Международной академии наук высшей школы. В 1994 г. Указом Президента РФ был назначен членом Научно-консультативного совета по правовой реформе при Президенте РФ, в составе которого работал более четырех лет.

После увольнения из Казанского университета В.П.Малков некоторое время работал заведующим кафедрой публич-

ного права в Марийском государственном университете. В январе 2000 г. был приглашен на работу в Институт экономики, управления и права в г. Казань на должность профессора, а затем и заведующего кафедрой уголовного права и процесса.

С сентября 2013 года по настоящее время Виктор Павлович является профессором кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, а также является членом ученого совета института. С момента его появления в нашем институте под его руководством провели диссертационные исследования и уже получили степень кандидата юридических наук адъюнкт кафедры уголовного права Гарипов Т.И. и преподавать Усманов И.М. В КЮИ Малкова В.П. знают многие сотрудники, поскольку их научная деятельность фактически зарождалась под его чутким руководством. Так, Виктор Павлович являлся научным руководителем Гарафутдинова Марата Рафиковича, Крыловой Елены Сергеевны, Хайдарова Альберта Анваровича, Петровой Ирины Степановны, бывшего заместителя начальника института Демидова Виктора Николаевича, Мазуренко Павла Николаевича, долгие годы работавшего в нашем институте не кафедре криминалистики. Под его же научным руководством в 2013 году защитил кандидатскую диссертацию прокурор Республики Татарстан Нафиков Илдус Саидович.

Следует обратить внимание, что Вестник Казанского юридического института стал ваковским изданием именно благодаря активной работе по данному направлению нашего начальника, Зиннурова Ф.К., и огромной помощи, авторитету и поддержке со стороны Виктора Павловича. Сегодня Малков В.П. является авторитетным редактором нашего журнала.

За годы работы в Казанском университете, Марийском университете, Институте экономики, управления и права и Казанского юридического института МВД

России Малковым Виктором Павловичем опубликовано порядка 300 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий, более 40 учебников и научно-практических пособий, учебно-методических разработок. Из последних его трудов стоит выделить большой трёхтомный комментарий к Уголовному кодексу России, вышедший в 2016 году, который он готовил в соавторстве с такими учёными, как Епихин А.Ю., Демидов В.Н., Изосимов С.В., Кругликов Л.Л., Лопашенко Н.А., Сверчков В.В., Тихонова С.С. и другими. В 2014 году также в соавторстве с рядом авторитетных учёных им был переиздан учебник «Уголовное право России. Общая и особенная часть» (третье издание).

Спектр научных интересов Малкова В.П. не ограничен вопросами его диссертационного исследования и его главной разработкой - множественностью преступлений. Как представитель науки высшего разряда, своими разработками он охватывает множество проблем не только уголовно-правовой сферы, но и уголовного процесса, а также ряда других дисциплин.

Виктором Павловичем подготовлено более 70 кандидатов юридических наук. 11 докторов юридических наук, большей части из которых в настоящее время присвоено учёное звание профессор. Его активная деятельность распространилась на представителей вузов и НИИ Татарстана, Башкортостана, Удмуртской Республики, Чувашской Республики, Самарской области, г. Москвы и зарубежных стран. Он является заместителем Председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Самарском государственном университете, членом Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Татарстан с момента ее создания, член Общественного совета при МВД Республики Татарстан.

Малков В.П.

НЕОДНОКРАТНОСТЬ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК СРЕДСТВА КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ СОДЕЯННОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В российском уголовном законодательстве советского и постсоветского времени (чаще либо реже) периодически в качестве средства криминализации административного правонарушения либо декриминализации уголовно-наказуемого деяния используется признак неоднократного (или повторного) совершения такого деяния без указания на предварительное применение к лицу, его совершившему, мер административного наказания (взыскания), либо на повторное его совершение в течение указанного в статье УК срока (либо без указания такого срока) после применения к нему меры административного наказания (взыскания). В правовой науке последняя ситуация называется административной преюдицией.

Предварительно напомним, что в отечественном уголовном праве в качестве объекта криминализации содеянного берутся деяния, уже, как правило, признанные действующим законодательством административным правонарушением (проступком).

Это и понятно, поскольку административное и уголовное законодательство имеют своей задачей охрану в основном одних и тех же ценностей и интересов, а признаваемые (запрещаемые) этим законодательством формы и виды поведения людей по некоторым объективным и субъективным признакам часто во многом совпадают.

Таким образом, можно сделать вывод, что при определенных, указанных в уголовном законе, правовых условиях кри-

минализируются поступки (формы поведения) физических лиц (людей), которые уже признаны административным правонарушением, однако противодействие их совершению административно-правовыми средствами оказывается недостаточным (неэффективным).

Истории отечественного уголовного законодательства (в частности, советского времени) известны случаи, когда криминализировались поступки людей, которые прежде не признавались административными, гражданско-правовыми либо дисциплинарными правонарушениями, а с точки зрения общественной нравственности, расценивались как антиобщественные проступки [1].

Согласно ст. 2.1. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность.

Применительно к рассматриваемой в настоящей статье проблематике под административным правонарушением понимается противоправное, виновное действие (бездействие) лишь физического лица, поскольку по российскому уголовному праву юридические лица не признаются пока субъектами уголовной ответственности, а следовательно, предварительное применение к юридическо-

Малков В.П., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права КЮИ МВД России, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации и ТАССР

© Малков В.П., 2016

му лицу за совершенное правонарушение административного наказания не может рассматриваться в качестве основания для криминализации того или иного административного правонарушения, характерного для правонарушителей - юридических лиц.

По моему мнению, не могут быть предметом криминализации административные правонарушения, установленные законами субъектов Российской Федерации, но не признанные в качестве таковых федеральным административным законодательством.

Сказанное выше вытекает из п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, согласно которому судоустройство; прокуратура; уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство; амнистия и помилование; гражданское, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство; правовое регулирование интеллектуальной собственности относятся к ведению Российской Федерации.

Понятие (термин) «преюдиция» происходит от латинского *praejudicium* и в переводе на русский язык оно означает предрешение вопроса, за ранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о его последствиях. В юридической науке и практике этот термин означает предварительное решение вопроса, которое имеет известные правовые последствия [2].

Правовая категория «преюдиция» применительно к отечественному уголовному судопроизводству ныне получила официальную законодательную трактовку в ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. Преюдиция в трактовке ст. 90 УПК РФ означает следующее: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без допол-

нительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле».

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. административная преюдиция не использовалась в качестве средства криминализации отдельных административных правонарушений [3].

Это, вероятно, связано с тем, что использовавшиеся в отечественном уголовном законодательстве многие годы приемы криминализации и декриминализации содеянного путем указания на повторность (неоднократность) правонарушения, а также на административную преюдицию получили негативную оценку в публикациях и выступлениях на научных семинарах и конференциях известных специалистов уголовного права и криминологии (Б.В. Волженкина, М.И. Ковалева и др.).

Сошлюсь по этому вопросу на суждения широко известного, ныне покойного, криминолога и специалиста по уголовному праву проф. М.И. Ковалева. Он, например, писал, что если под преступлением понимается деяние, признаки которого описаны в законе, т.е. определенное фиксированное в законе поведение субъекта, то повторность поведения не может быть его составной частью, так как налицо два самостоятельных действия. В этом смысле и реакция закона на повторное его нарушение не может быть иной, чем на первое. Ковалев М.И. считал, что повторность проступка не в состоянии превратить его в качественно новое явление, которое требует уже не административно-правового, а другого, более строгого регулирования. По его мнению, иное противоречило бы органическому принципу нашей правовой системы, согласно которому разграничение различных правонарушений производится по предмету регулирования, а не по его субъекту.

Этот автор считал, что повторность не может изменить внутреннюю сущность поступка как события объективной дей-

ствительности, следовательно, не может изменить и предмет правового регулирования. Из этого, по мнению М.И. Ковалева, следует, что повторность обстоятельство, характеризующее личность преступника, а не его деяние [4].

М.И. Ковалев далее писал, что, коль скоро преступность и не преступность деяния определяется важностью объекта посягательства и значительностью причиненного ущерба, степень общественной опасности личности не может быть конструктивным признаком преступления, а поскольку повторностью характеризуется степень опасности личности, а не деяния, означенная повторность может служить только показателем степени опасности деяния, а не обязательным признаком преступления.

Наличие длительной законодательной практики учета повторности правонарушения как конструктивного (кримобразующего) признака преступления Ковалев М.И. объяснял тем, что законодатель в этом случае исходил из чисто практических соображений, главным из которых было стремление усилить репрессии за склонность к повторению однотипных действий, в совокупности повышающих общественную опасность деяния.

По мнению этого специалиста, повторность (или систематичность) лишь в том случае может превратить проступок в качественно новое юридическое явление - преступление, если выражает линию поведения субъекта. Если же повторность (или систематичность) сама по себе образует объективную сторону правонарушения, то она определяет степень общественной опасности деяния, а не субъекта, а значит, характеризует деяние, а не личность преступника [4].

Изложенные выше соображения М.И. Ковалева характеризуются противоречивостью, он не замечает, что в отечественном уголовном праве повторность правонарушения, совершение его систематически, в виде промысла, а также повторно после применения к лицу за такое же правонарушение мер административ-

ного наказания (взыскания) учитывается не только в качестве средства криминализации определенных административных правонарушений, но и в качестве средства частичной или полной декриминализации определенных преступлений.

Негативное отношение некоторых криминалистов к использованию административной преюдиции в качестве средства криминализации либо декриминализации отдельных форм поведения людей объясняется, вероятно, и отсутствием о том какой-либо информации в рекомендательном законодательном акте, в Модельном УК 1996 г., для государств-участников Содружества Независимых Государств.

Много аргументов против использования административной преюдиции в российском уголовном праве высказала Н.А. Лопашенко в выступлении на научном семинаре в г. Москве, проводимом под руководством проф. Наумова А. В. [5].

Однако в Послании Президента РФ Федеральному Собранию Д.А. Медведева от 10 ноября 2009 г., наоборот, прозвучал призыв в качестве средства гуманизации уголовного законодательства и сужения уголовной ответственности шире использовать так называемую административную преюдицию [6].

В научном обороте уголовно-правовой доктрины советского времени правовые понятия криминализации и декриминализации соответствующих форм поведения людей не употреблялись. Даже в новейших юридических энциклопедиях и словарях названные выше категории не упоминаются [7]. В Толковом словаре русского языка слово криминализация используется в смысле криминализации власти [8].

Понятия криминализации и декриминализации содеянного стали использоваться в отечественной уголовно-правовой и криминологической литературе лишь с 80-х годов прошлого века [9].

В моих публикациях прошлых лет и работах некоторых иных авторов использование преюдиции в качестве кримобразующего признака в уголовном праве расценивалось как удачная находка за-

конодательной техники [10].

В законодательстве РСФСР подобная практика стала использоваться еще до принятия УК 1922 г. Так, в п. 10 Декрета ВЦИК от 20 марта 1920 г. «О революционных военных железнодорожных трибуналах» устанавливались правила определения подсудности дел этим трибуналам, в числе которых указывалось на дела о «явно небрежном к ним отношении в случаях, имеющих для транспорта важные последствия, или при повторении упущений после двухкратного взыскания в дисциплинарном порядке».

В подпункте «д» п. 4 Постановления НКЮ от 26 февраля 1921 г. «Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при производственной работе» устанавливалось, что обязательному направлению в революционные трибуналы подлежат все дела: «д) о других, не перечисленных в предыдущих пунктах преступных деяниях, если совершение таковых обусловливалось совокупным действием нескольких лиц, а также если они носили организованный характер или систематический характер».

В п. 3 Декрета СНК от 15 июля 1921 г. «Об ответственности за нарушение декретов о натуральных налогах и об обмене» устанавливалось, что карается лишением свободы с конфискацией имущества или без таковой обмен, скупка и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеются специальные запрещения или ограничения центральной советской власти. Такого рода нормативные постановления содержались и в других законодательных актах того времени [11, с. 69,90,101].

Таким образом, уже в первые годы законодательства советской власти в качестве средства криминализации отдельных правонарушений использовались повторность, систематичность и совершение их в виде промысла, а также административная и дисциплинарная преюдиция.

Такая практика сохранилась и в УК РСФСР 1922 г. Так, в ст. 79 этого УК уста-

навливалось, что неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, карается в первый раз административными взысканиями, налагаемыми соответствующими органами власти в пределах, законом определенных.

Повторный и упорный неплатеж или отказ от исполнения работ или повинностей, или иные действия, устанавливающие злостность неплательщиков, карается лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже шести месяцев или др. наказаниями [11, с. 125-126].

В ст. 139 и 193 УК 1922 г в качестве средства криминализации соответствующих деяний признавалось совершение их в виде промысла, а в ст. 118 УК – совершение правонарушения повторно [11, с. 130,133,138].

Составов преступлений с конструктивным признаком повторности, систематичности и промысла в УК РСФСР 1926 г. на 1 июля 1950 г. содержалось 13. В качестве кримобразующего признака в этом УК в 1934 г. вновь введена административная преюдиция за проживание без паспорта или временного удостоверения в местностях, где введена паспортная система (ч. 2 ст. 192-а УК).

В УК РСФСР 1960 г. в качестве обязательного признака (средства криминализации) некоторых правонарушений предусматривалось совершение лицом соответствующего правонарушения повторно, систематически или в виде промысла, а также повторно после применения к лицу за предшествующее такое же правонарушение мер общественного, дисциплинарного или административного воздействия. По существу такая законодательная практика означала, что случаи преюдиции и повторности использовались в качестве средств криминализации либо декриминализации определенных форм поведения людей.

Так, если в первоначальной редакции

УК РСФСР 1960 года содержалось 17 статей с рассматриваемыми признаками, то на 1 марта 1996 г. в нем уже содержалось 32 таких статьи.

Отметим, что использование в уголовном законодательстве советского времени той или иной формы преюдиции не расценивалось как средство декриминализации тех или иных преступлений.

Вместе с тем напомним, что в те годы, особенно при подготовке УК РСФСР 1960 г., а также после его принятия и введения в действие при внесении изменений и дополнений в этот УК использовалась в качестве средства криминализации ряда правонарушений в основном административная преюдиция.

Если в первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. указания на административную преюдицию в качестве средства криминализации того или иного правонарушения содержались лишь в семи статьях, то по состоянию на 01.03. 1996 г. в этом УК уже содержались указания на административную преюдицию как кримобразующий признак в 24 статьях

Вместе с тем отметим, что административная преюдиция в УК РСФСР 1960 г. использовалась и в качестве средства частичной декриминализации содеянного.

Так, если в соответствии со ст.861 УК 1926 г. производство охоты в запрещенных местах, в запрещенные сроки или запрещенными способами или орудиями признавалось преступлением при совершении лицом этого правонарушения впервые, то согласно ч.1 ст. 166 УК 1960 г. охота без надлежащего на то разрешения или в запрещенных местах либо в запрещенные сроки, запрещенными орудиями и способами признавалась уголовно-наказуемым деянием при условии, если эти действия совершены после применения мер административного воздействия за такое же нарушение.

Указанное несомненно представляло собой частичную декриминализацию прежде признаваемого правонарушения преступлением при совершении его впервые по УК 1926 г., т.е. свидетельствовало

о сужении оснований уголовной ответственности.

Вместе с тем в УК 1960 г. в качестве средства криминализации либо декриминализации отдельных деяний использовались также и признаки совершения лицом соответствующего правонарушения повторно (неоднократно, систематически и в виде промысла).

Так, если в соответствии со ст. 99 УК 1926 г. изготовление, хранение и покупка с целью сбыта, а равно самый сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение, признавалось уголовно наказуемым деянием при совершении впервые, то согласно ч.1 ст. 162 УК 1960 г. то же деяние, уголовно-наказуемым признавалось, если занятие промыслом не влечет административной ответственности или если оно совершено после наложения административного взыскания за такое же деяние.

Несмотря на неоднозначное отношение теории отечественного уголовного права к использованию преюдиции, а также неоднократности (повторности) деяния как средства криминализации или декриминализации содеянного, законодательная практика их использования как средства криминализации правонарушений в УК РФ 1996 г. сохранилась (ст.154, ч. 1 и 2 ст.180).

Она сохранилась также в УК некоторых государств-участников СНГ и Балтии (ст. 174, 197.1, 333.1 и 333.3 УК Азербайджанской Республики; ч.1 ст.2091 УК Украины; ст. 191 УК Кыргызстана; ч.1 ст. 207, ст. 211, ст. 218 (1), ст.220 (1), ст. 240 (1), ст. 250, ст. 256 (1) и других статьях в УК Латвийской Республики 1998 г.).

Лишь в УК Литовской Республики 2000 г. ни разу не используются в качестве средств криминализации и декриминализации рассматриваемые признаки [1]. Во вступительной статье к УК Литовской Республики, подготовленной д.ю.н. В. Павилонисом, А. Абрамавичюсом, А. Дракшене, утверждается, что «введение в УК наряду с преступлением уголовного про-

ступка позволило исключить административную, дисциплинарную преюдицию в качестве признаков преступлений»[2].

Такое объяснение решения рассматриваемого вопроса нельзя признать убедительным, поскольку и уголовные проступки могут признаваться уголовно-наказуемыми при условии совершения деяния повторно после применения к лицу мер административного или дисциплинарного воздействия. Причина этого в другом, в ином подходе составителей проекта УК и законодателя Литвы к оценке личных качеств субъекта и влияния их на оценку опасности содеянного в зависимости от таких свойств деятеля. При подготовке УК Литвы использованы идеи, которые пропагандировались в публикациях проф. Волженкина Б.В. и его сторонников, а также концептуальные положения Модельного УК, опубликованного в 1996 г.

191

В УК Литовской ССР 1961 г. в качестве кримобразующего признака состава преступления широко использовалось указание на совершение проступка повторно, неоднократно, систематически либо повторно после применения к лицу мер административного воздействия за такое же нарушение (ч.1 ст.98, ч.2 ст.144, 156, ч.2 ст.161, ст. 162, 165, ч.1 ст. 173 и др.), а в качестве квалифицирующих (отягчающих) признаков отдельных составов преступлений совершение деяния повторно, лицом, ранее совершившим такое же деяние либо судимым, а также особо опасным рецидивистом (ст.ст. 90, 91, 92, 93, ч.2 ст. 98, п.8 ст.105, ч.2 ст. 111, ч.2 ст. 118, ч.3 ст.124, ч.2 и 3 ст. 146 и др.).

В УК Республики Беларусь 1999 г. и УК Республики Узбекистан 1994 г. в качестве средства криминализации определенного правонарушения наиболее часто используется указание на совершение его повторно после применения к лицу мер административного или дисциплинарного взыскания / воздействия/ (ч.1 ст. 188, ч.1 ст. 189, ч.2 ст. 201, ст. 224 и др. УК Республики Беларусь; ч.1 ст. 127, ч.1 ст. 139, ч.1 ст. 140 и др. УК Республики Узбекистан).

В УК РФ 1996 г. возвращена в качестве

средства криминализации определенного правонарушения административная преюдиция. Так, в ст. 1511 этого УК за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции уголовная ответственность устанавливается при условии, если это деяние совершено неоднократно. В Примечании к указанной статье УК указывается, что «розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течение ста восьмидесяти дней».

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 178 УК, характеризуется следующим образом: недопущение, ограничение или устранение конкуренции путем заключения хозяйствующими субъектами - конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля), неоднократного злоупотребления доминирующим положением, выразившимся в установлении и (или) поддержании монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованном отказе или уклонении от заключения договора, ограничении доступа на рынок, если эти деяния причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо повлекли извлечение дохода в крупном размере.

191

В Примечании 4 к ст. 178 УК устанавливается, что неоднократным злоупотреблением доминирующим положением признается совершение лицом злоупотребления доминирующим положением более двух раз в течение трех лет, за которые указанное лицо было привлечено к административной ответственности. Сказанное означает, что в УК РФ 1996 г. вновь используется в качестве средства криминализации содеянного административная преюдиция.

Признак неоднократности деяния в качестве средства криминализации содеянного предусматривается в ст. 154, ч.1 и 2

ст. 180 УК РФ.

В отдельных государствах-участниках СНГ и Балтии в качестве средства декриминализации и криминализации содеянного используется административная и дисциплинарная преюдиция.

Административная преюдиция в качестве средства криминализации или декриминализации содеянного используется в 33 статьях УК Республики Беларусь, а однажды - дисциплинарная преюдиция (ст. 412). По этому УК соответствующее административное правонарушение признается преступлением, если оно совершено лицом в течение года после наложения административного взыскания.

Административная преюдиция в качестве средства криминализации деяния используется в 22 статьях УК Республики Узбекистан, в трех статьях этого УК ис-

пользуется дисциплинарная преюдиция (ст. 221 и 284 и 287).

Особенностью УК Республики Узбекистан является то, что при использовании преюдиции не определяется срок, в течение которого совершение административного правонарушения лицом после наложения административного взыскания может признаваться уголовно-наказуемым.

Все сказанное выше дает мне основание высказаться за более широкое использование в отечественном уголовном законодательстве и законодательстве государств-участников СНГ неоднократно и повторно совершения деяния, а также административной преюдиции в качестве средства криминализации или декриминализации содеянного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

192

1. Пушечников А.Г. Вопросы общественной преюдиции по советскому уголовному праву // Сб.: Труды юридического факультета Казахского гос. ун-та. 1953. С. 256- 271; Чугаев А.П. Малозначительное преступление и товарищеский суд // Изд-во Казанского ун-та, 1966. 256 с.
2. Латино-русский словарь. Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, М., 1949, с. 692. По этому вопросу см. также: Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дис... докт. наук. М., 2008; Малков В.П. Повторность проступка и уголовная ответственность. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. 124 с.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. -1996. № 25. Ст.2954, 2955.
4. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: - Свердловск, - 1982 - С.11-12 .
5. Сборник трудов Акад. Генеральной прокуратуры.
6. Российская газета. 2010.
7. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. - М.: ИНФРА-М.1999. С.327; Юридическая энциклопедия / под общей ред. акад. Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ. 2001. С. 251 и 473; Хачатуров Р.Л. Юридическая энциклопедия / под ред. В.А. Якушина. Том III. Тольятти: Волжск. ун-т им. В.Н. Татищева. 2004. С.309-318; Большая юридическая энциклопедия.- М.: Эксмо. 2005. С.272-276.
8. В.Даль слово «криминальный» толковал как «уголовный»: В.И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание. В 4-х томах, Т.2 // М.: Астрель: Транзиткнига, 2006. 318 с.; Ожегов С.И. и Шведова. Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополн. М.: Азбуковник, 1999. С.158, 307.
9. По проблеме криминализации и декриминализации первыми публикациями в российской правовой науке являются: Терентьев Б.П. НТР и вопросы криминализации технической неосторожности // Владивосток: ДВГУ. 1978. Вып.2. С.24-31; Панченко П.Н. Уголовно-правовые вопросы криминализации общественно опасных деяний //

192

Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С.3-16; Мальцев В.В. Криминализация поведения и общественно опасные последствия. Указ. сб. С.29-39; Сабитов Р.А. Общественная опасность как критерий криминализации. Указ. сб. С.17-28; Кудрявцев В.Н. Криминализация: оптимальные модели // Уголовное право в борьбе с преступностью // Сб. ст. М.: ИГПАН. 1981. С.3-10; Крылов Г.В. Проблемы декриминализации деяний в советском уголовном праве: автореф. дис... канд. наук // М., 1986, 23 с.; Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации: автореф. дис... канд. наук. М., 2001. 28 с.

10. Малков В.П. Повторность проступка и уголовная ответственность. Казань: изд-во Казанск. ун-та, 1968, 124 с.

11. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952. М.: Госюриздат. 1953. С.69, 90, 101.

Безверхов А.Г.

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЫМОГАТЕЛЬСТВО

В статье исследуются отдельные вопросы квалификации вымогательства по современному уголовному законодательству России. Особое внимание уделено юридическому анализу таких конструктивных признаков вымогательства, как его основной и дополнительный объекты, предмет этого преступления, потерпевший от вымогательства, момент окончания соответствующего посягательства и др., а также отграничению вымогательства от хищения чужого имущества и других смежных преступлений.

194

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, преступления против собственности, вымогательство, объект вымогательства, предмет вымогательства, потерпевший от вымогательства, вымогательское требование, момент окончания вымогательства.

Исходя из п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683, преступные посягательства, направленные против личности и собственности, продолжают оставаться одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации. Среди названных преступных посягательств повышенной общественной опасностью характеризуется вымогательство. Вымогательство занимает особое место в системе преступлений против собственности, по своей юридической природе принципиально отличаясь и от хищения чужого имущества, и от мошенничества,

и от других корыстных имущественных правонарушений. Вопросы квалификации вымогательства как самостоятельной разновидности преступных посягательств на собственность традиционно вызывают сложности в правоприменении.

В свете вышеизложенного подготовленное Верховным Судом РФ постановление «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» от 17 декабря 2015 г. № 56 представляет собой своевременный и плодотворный итог всестороннего и глубокого обобщения современной практики применения судами законодательства по названной категории уголовных дел. Этот источник судебной власти, будучи, с точки зрения истории судебного толкования, вторым постановлением Пленума Верховного Суда России о судебной практике по делам о вымогательстве [1], на более высоком уровне, гораздо глубже и детальнее разъясняет сложные вопросы правоприменения в области предупреждения имущественных преступлений.

Обратимся к особенностям рассматриваемой юридической конструкции. Как известно, одна из них - многообъектность вымогательства. В п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 подчёркивается, что «характер общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации, определяется направленностью посягательства на имущественные отношения, а также на личность (здоровье, неприкосновенность,

194

Безверхов А.Г., доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

© Безверхов А.Г., 2016

честь и достоинство, иные права и законные интересы)». Исключение из сказанного составляет разве что вымогательство, соединённое с угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, которое посягает в целом на имущественные отношения [2].

Этому многообъектному преступлению органически свойственны сложные (составные) основной и дополнительный объекты.

Что касается основного объекта вымогательства, он весьма широк по своему объёму и разнообразен по содержанию, включая в качестве составных частей любые виды имущественных отношений:

(а) собственнические отношения (общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией права частной, государственной, муниципальной и иной формы собственности);

195

(б) другие вещные отношения (общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией таких вещных прав, как право хозяйственного ведения имуществом, право оперативного управления имуществом, сервитуты и др.);

(в) обязательственные отношения (общественные отношения, складывающиеся в силу возникновения договорных и иных обязательств, когда одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности);

(г) иные имущественные отношения.

Обязательным дополнительным объектом вымогательства выступают разнообразные права, свободы и законные интересы личности: здоровье (соматическое и/или психическое) человека, физическая (телесная) неприкосновенность, свобода, честь и достоинство личности, доброе имя, деловая репутация гражданина и юридического лица, неприкосно-

венность частной жизни, личная и семейная тайна и др.

Как свидетельствует судебная практика, вымогательство может посягать одновременно на два и более дополнительных объекта (в частности, личную неприкосновенность, свободу, здоровье человека). Согласно материалам уголовного дела, по дороге домой автомашина потерпевшего была остановлена, нападавшие были в камуфляжной одежде с масками на лицах, один из них в форме сотрудника ГИБДД, у двоих в руках были автоматы Калашникова. Потерпевшего поместили в другой автомобиль, положили лицом вниз, надели наручники и шапку, перевезли в незнакомый дом, в котором насильно удерживали до момента выполнения требования о выплате денежных средств. Указанную сумму бухгалтер фирмы З. привезла в назначенное место, после чего потерпевший был отпущен [3].

195

Реальное причинение вреда названным дополнительным объектам вымогательства влияет на квалификацию содеянного. Как представляется, вымогательство, сопряженное с похищением человека, незаконным лишением свободы или захватом заложника, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 163 и 126, 127 или 206 УК.

Согласно п. 9 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56, если вымогательство сопряжено с побоями, совершением иных насильственных действий, вызвавших физическую боль, а также с причинением легкого или средней тяжести вреда здоровью, истязанием, то такие действия виновного следует квалифицировать по пункту «в» части 2 статьи 163 УК как вымогательство, совершенное с применением насилия, без дополнительной квалификации по статьям 112, 115, 116 или 117 УК.

В случае же умышленного причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему содеянное квалифицируется по пункту «в» части 3 статьи 163 УК РФ, не требуя дополнительной квалификации по статье 111 УК.

Вымогательство, сопряженное с причинением смерти, образует совокупность преступлений и, соответственно, требует дополнительной квалификации по другим статьям УК. Так, если при вымогательстве причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего повлекло по неосторожности его смерть, содеянное следует расценивать как совокупность преступлений, предусмотренных пунктом «в» части 3 статьи 163 УК РФ и частью 4 статьи 111 УК. Вымогательство, сопряженное с убийством, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных пунктом «в» части 3 статьи 163 и пунктом «з» части 2 статьи 105 УК РФ [4].

В соответствии с п. 12 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 распространение в ходе вымогательства заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство потерпевшего и (или) его близких или подрывающих его (их) репутацию, незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, незаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статей 128.1, 137, 155 или 183 и статьи 163 УК.

В отличие от утратившего силу постановления Пленума от 4 мая 1990 г. № 3 новые судебные разъяснения уделяют повышенное внимание предмету вымогательства. Такой подход представляется совершенно обоснованным. Ведь предмет - еще одна специфическая особенность вымогательства, делающая его непохожим на все другие имущественные правонарушения.

Согласно п. 2 постановления Пленума от 17 декабря 2015 г. № 56, «к предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно: вещи, включая наличные денежные

средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права». При этом под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве (ст. 163 УК), Пленум понимает «удостоверенную в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества».

Как разъяснено Верховным Судом РФ в п. 3 нового постановления, «к другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств)».

Как видно, предмет вымогательства во всем многообразии и самобытности включенных в его содержание имущественных ценностей весьма широк и вбирает в себя (как и предмет взяточничества) любую выгоду имущественного характера. Имущественная (материальная) выгода – самостоятельная юридическая категория, имеющая особый правовой смысл. Квинтэссенция имущественной выгоды заключается в фактическом обогащении (увеличении) либо в сохранении (сбережении) имущественного состояния выгодоприобретателя. Имущественная (материальная) выгода вообще – это полученное в денежной или натуральной форме имущество, приобретенные имущественные права, а также имущество, сбереженное в связи с полным или частичным освобождением от исполнения имущественных обязанностей. Перечень таких выгод весьма широк и является открытым: безвозмездное обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц; приобретение имуществен-

ных прав; уменьшение стоимости передаваемого имущества (в широком смысле слова); временное безвозмездное или по заниженной стоимости пользование чужими движимыми или недвижимыми вещами. Выгода имущественного характера может выражаться в незаконном получении льгот, кредита, освобождении от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т. п. [5]. Предметом вымогательства могут выступать как вещи (*res corporales*), так и иные объекты имущественных отношений (*res incorporales*) в той части, в какой они составляют экономическую ценность, имеют стоимостное выражение и подлежат денежной оценке.

По конкретному делу виновный вынудил потерпевшего подписать передаточное распоряжение на перерегистрацию акций на имя преступника, а также подписать две расписки о будто бы полученных от последнего денежных средствах. Затем вымогатель и неустановленные лица связали жертву, закрыли рот и нос с помощью скотча, умышленно лишив потерпевшего жизни [6].

Очевидно, что предмет вымогательства гораздо шире предмета хищения. Если хищение имеет своим предметом исключительно чужую вещь, то предмет вымогательства независим от вещественного содержания. Такая широкая трактовка предмета вымогательства придает этому посягательству своеобразный характер, отличающий его по действующему УК от всех других имущественных преступлений.

Перечень разновидностей предмета рассматриваемого явления представляется не только весьма широким, но и к тому же открытым. Предметом вымогательства могут быть имущественные выгоды в виде:

а) получения наличных денег и безналичных денежных средств, документарных и бездокументарных ценных бумаг, валютных ценностей, иного движимого или недвижимого имущества (земельного участка, участка недр, квартиры или

комнаты в жилых домах, нежилого помещения, предприятия или иного объекта, представляющего собой имущественный комплекс). При этом получение вышеуказанных имущественных ценностей может быть как связанным, так и не связанным непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав;

б) уступки (предоставления) имущественных прав, включающих в свой состав как право на имущество, в том числе право требования кредитора, так и иные права, имеющие денежное выражение, например, исключительное право на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации;

в) выполнения работ (например, выполнение строительных или ремонтных работ) или оказания услуг (например, передача виновному лицу купленных потерпевшим туристических путевок, ремонт квартиры или машины, строительство дачи и пр.), имеющих денежное выражение;

г) прощения долга (отказ от требования возврата долга путем, например, уничтожения долговой расписки); скидки с долгов; отсрочки или рассрочки платежей; уменьшения размера арендных и иных платежей; получения льготных кредитов (снижение процентных ставок за пользование банковскими ссудами); исполнения потерпевшим имущественного обязательства виновного или других лиц (например, погашения долга);

д) иного полного или частичного освобождения от имущественных обязательств, а равно неправомерного извлечения других материальных привилегий или преимуществ.

Согласно материалам практики, вымогательское требование может касаться, в частности, необоснованной передачи векселя, неравноценного обмена квартир, «добровольного» отказа в суде от права собственности на офисное помещение [7].

По смыслу статьи 163 УК РФ имущественные выгоды могут быть получены виновным или другим лицом безвозмездно (бесплатно) или с явно неэквива-

лентным возмещением (по заниженной стоимости), на определенный или неопределенный срок. Например, вымогательское требование может быть направлено как на безвозвратное отчуждение чужого движимого или недвижимого имущества, так и на передачу его во временное безвозмездное пользование виновного или другого лица.

Предметом вымогательства может быть не только имущество, находящееся в момент совершения преступления в собственности или владении потерпевшего (наличное имущество), но и имущество, которое заведомо для виновного вообще отсутствует у потерпевшего (неполученные доходы, будущие имущественные блага). Как справедливо в связи с этим замечено в доктрине, вымогательство возможно и в отношении таких вещей, которые еще не принадлежат потерпевшему и не могут быть предоставлены им виновному немедленно, но могут оказаться в его распоряжении в будущем [8, с. 268].

Как было указано ранее, предмет вымогательства имеет стоимостное выражение независимо от наличия или отсутствия у него вещественного содержания. Стоимость предмета вымогательства — существо его экономического признака. Поэтому истребуемые вымогателем имущественные выгоды как в виде получения чужого имущества, приобретения имущественных прав, так и в виде выполнения работ, оказания услуг и пр., должны получить денежную оценку на основании представленных доказательств; при отсутствии сведений о цене стоимость может быть установлена на основании заключения эксперта. Это положение объясняется и тем обстоятельством, что стоимостный размер вымогательства влияет согласно закону на квалификацию содеянного [9].

При этом следует учитывать, что ответственность за вымогательство ядерных материалов, радиоактивных веществ, огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств, ядерного, химического, других видов оружия массо-

вого поражения, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, наркотических средств, психотропных веществ, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, а также предмета коммерческого подкупа или взятки предусмотрена в статьях 204, 221, 226, 229 и 290 УК РФ.

Еще одним признаком, характеризующим объект вымогательства, выступает потерпевший. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ, потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

В разъяснениях, содержащихся в п. 4 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56, Верховный Суд РФ уточняет, что «потерпевшим от вымогательства может быть признан не только собственник или законный владелец, но и другой фактический обладатель имущества (например, лицо, осуществляющее охрану имущества либо имеющее к нему доступ в силу служебных обязанностей или личных отношений), которому причинен физический, имущественный или моральный вред».

В дополнение к приведенным судебным разъяснениям замечу, что с учетом двухобъектности вымогательства и широты его предмета потерпевшим от этого преступления может быть и неимущее лицо:

а) которое вымогатель по ошибке принял за собственника;

б) у которого в момент совершения преступления нет наличного имущества, но последнее может оказаться в его распоряжении в будущем при обычных условиях гражданского оборота;

в) которое принуждается виновным к оказанию услуг, выполнению работ или совершению иных действий имущественного характера, не связанных с передачей имущества.

Наконец, вымогательство не исклю-

чает множественности потерпевших, например, когда необоснованное имущественное требование адресовано нескольким лицам (сособственникам и пр.) либо когда жертва, к которой обращено имущественное требование, и адресат угрозы применения насилия не совпадают в одном лице.

В действующем УК не конкретизирован и не определен круг лиц — адресатов вымогательских угроз применения насилия и уничтожения (повреждения) чужого имущества. По смыслу закона эти виды угрозы могут касаться как лиц, которым предъявлено требование, и их близких, так и других лиц. Другими словами, исходя из действующего УК, угрозы применения насилия и уничтожения (повреждения) чужого имущества могут быть адресованы не только лицу, которому предъявлено требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера, но и его близким, а также любому другому лицу.

Что касается вымогательского шантажа (запугивания распространением сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких), в действующем УК ограничен круг лиц — адресатов таких угроз. В соответствии с законом вымогательский шантаж может быть обращен к лицу, которому предъявлено имущественное требование, а также к близким этого лица.

В п. 5 постановления от 17 декабря 2015 г. № 56 разъясняется, что к близким потерпевшего следует относить «его близких родственников (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственников (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве с потерпевшим), а также лиц, состоящих в свойстве с потерпевшим, или лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги

потерпевшему в силу сложившихся личных отношений».

Соответствующее определение категории «близких потерпевшему лиц» дано в вышеприведенном источнике судебной власти в соответствии с положениями, закрепленными в пунктах 3, 4 и 37 статьи 5 УПК РФ. В соответствии с п. 6 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)», к близким потерпевшему лицам, наряду с близкими родственниками, могут относиться иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений. [10]. Хотя, на мой взгляд, точнее близких потерпевшему лиц определять как лиц, состоящих с ним в браке, родстве, свойстве, а также лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся личных отношений или других жизненных обстоятельств заведомо для виновного дороги потерпевшему.

С точки зрения объективной стороны, вымогательству не свойственно изъятие чужого имущества. Получение виновным имущественной выгоды — результат поведения самого потерпевшего, действующего под принуждением. Вымогатель не стремится завладеть чужим имуществом путем его захвата или насильственного отторжения. Его целью является получение имущественной выгоды «из рук» принуждаемого. Если имущество под угрозой причинения вреда изымается (отбирается) самим виновным, содеянное образует при наличии к тому оснований состав грабежа или разбоя.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда России в определении по делу К. и Л. подчеркнула: вымогательство предполагает передачу потерпевшим своего имущества виновному, разбой же — непосредственное изъятие виновным у потерпевшего имущества с помощью насилия, опасного для жизни

и здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия [11, с. 766-767]. Примечательно, что аналогичное воззрение превалировало и в досоветском уголовном праве. Так, редакционная комиссия по разработке Уголовного Уложения 1903 г. в объяснительной записке указывала: «Что касается приведения в бессознательное состояние, то оно, будучи возможным способом посягательства при разбое, невозможно при вымогательстве, необходимо предполагающем посредствующую сознательную деятельность потерпевшего» [12, с. 877].

Согласно действующему уголовному закону вымогательское требование состоит в склонении потерпевшего к активной форме имущественного поведения, направленного на обогащение вымогателя или других лиц, - к совершению того или иного имущественного действия (передаче имущества, уступке права на имущество, совершению других действий имущественного характера). В связи с этим складывается впечатление, что буквальное толкование закона не дает оснований для признания вымогательским требования имущественного бездействия, как-то: беспрепятственно уступить свое имущество, устранившись от владения, пользования или распоряжения конкретной вещью, отказаться от реализации имущественного права, освободить другое лицо от имущественных обязанностей, воздержаться от требования возврата долга, уклониться от совершения иных действий по имуществу.

Тем не менее представляется, что вымогательство есть принуждение жертвы не только к совершению имущественного действия, но и к отказу от его совершения – принуждение к имущественному бездействию. В подкрепление такой позиции можно обратиться к законодательному определению смежного с вымогательством преступления, предусмотренного статьей 179 УК. Здесь наказуемым обоснованно признается как принуждение к совершению сделки, так и принуждение к отказу от ее совершения.

По законодательной конструкции состав вымогательства является «усеченным». Сам факт передачи имущества либо совершения иных имущественных действий в пользу вымогателя или указанных им лиц может иметь место через известное время после совершения преступления, а может вообще не состояться. Получение в результате совершения вымогательства имущественной выгоды или, напротив, неосуществимость устремлений виновного по не зависящим от него обстоятельствам не оказывают влияния на правовую оценку содеянного.

Наличие у вымогательства «усеченного» состава делает невозможным, как правило, покушение на это преступление. Последнее мыслимо лишь в тех исключительных случаях, когда вымогательские требование и угроза не были доведены до сведений потерпевшего по причинам, не зависящим от воли виновного, в том числе в силу их своевременного пресечения правоохранительными органами. Например, не полученное адресатом письменное имущественное требование, соединенное с угрозой насилия.

В свете сказанного требовало своего уточнения определение момента окончания вымогательства, данное в ныне утратившем силу постановлении от 4 мая 1990 г. № 3. Напомним, что согласно п. 8 этого документа вымогательство признавалось оконченным «с момента предъявления требования о передаче имущества под угрозой причинения вреда потерпевшему или его близким». Этим правилом строго руководствовались и нижестоящие суды. Так, Московский городской суд по конкретным делам указывал, что вымогательство следует считать оконченным с момента предъявления незаконного требования на имущество, подкрепленного соответствующей угрозой. [13]. Содержание момента окончания вымогательства весьма удачно уточнено в новом постановлении от 17 декабря 2015 г. № 56, в соответствии с п. 7 которого «вымогательство является оконченным преступлением с момента, когда предъявленное

требование, соединенное с указанной в части 1 статьи 163 УК РФ угрозой, доведено до сведения потерпевшего. Невыполнение потерпевшим этого требования не влияет на юридическую оценку содеянного как оконченного преступления».

Таким образом, для признания вымогательства оконченным преступлением имеет юридическое значение, доведено ли требование до сведения жертвы.

Еще один вопрос квалификации – определение момента окончания вымогательства, совершенного «в крупном размере» и «в целях получения имущества в особо крупном размере». Сложность этого вопроса обусловлена неодинаковым законодательным описанием «крупного» и «особо крупного» вымогательства. В современной доктрине высказаны полярные точки суждения по данному вопросу.

201

По мнению одних исследователей, «вымогательство в крупном размере трактуется так же, как при любой форме хищения... Особо крупный размер должен ограничиваться лишь стоимостью требуемого имущества, поскольку в п. «б» ч. 3 ст. 163 УК речь идет не о факте, а о цели получения имущества в особо крупном размере, достижение или недостижение которой, как и при разбое, никоим образом не сказывается на квалификации деяния» [14, с. 285-287]. Другими словами, согласно этой позиции вымогательство, совершенное в крупном размере, может быть инкриминировано виновному как оконченное преступление лишь в случае реального достижения преступного результата – получения вымогателем или другим лицом имущественной выгоды в сумме, превышающей

250 тыс. руб. Тогда как при совершении «особо крупного» вымогательства окончание этого преступления связывается с моментом предъявления имущественного требования, подкрепленного угрозой.

По мнению других ученых-юристов, с учетом усеченного состава вымогательства фактическое завладение имуществом в крупном и особо крупном размерах для признания деяний оконченными не требуется. «Достаточно установить, что умыслом виновного охватывалось посягательство: на имущество; право на имущество; действия имущественного характера, эквивалентные суммам, превышающим 250 тыс. руб. (для вменения крупного размера) и 1 млн руб. (для вменения особо крупного размера)» [15, с. 625].

Верховный Суд РФ рекомендовал считать вымогательство «совершенным в крупном либо особо крупном размере, если требование направлено на передачу чужого имущества, права на имущество, производство работ или оказание услуг, стоимость которых на момент предъявления требования превышает стоимость, указанную в пункте 4 примечания к статье 158 УК РФ». Как видно, Пленум признал предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 163 УК преступление совершенным, если виновный требует от потерпевшего выполнить действия имущественного характера в целях получения выгоды в сумме, превышающей 250 тыс. руб. На мой взгляд, это весьма взвешенное судебное разъяснение, которое между тем не прекратит научные дискуссии по соответствующему вопросу.

201

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первое - постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 мая 1990 г. N 3 «О судебной практике по делам о вымогательстве» - признано в соответствии с п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 утратившим силу.
2. Несомненно, запугивание причинением имущественного вреда как крайне негативное психическое воздействие способно оказать влияние на состояние физического, психического и социального благополучия конкретного потерпевшего. Однако такая угроза непосредственно направлена на достижение другого результата, а не на причинение вреда здоровью человека. К тому же ее отношение к поражению указанного

блага носит потенциально возможный, а не реальный характер.

3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27.08.2015 № 48-АПУ15-33 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09 января 2016 г.).

4. См., в частности: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 19.03.2015 № 20-АПУ15-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08 января 2016 г.).

5. См., в частности: п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

6. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 06.05.2015 № 48-АПУ15-11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08 января 2016 г.).

7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10.07.2015 № 81-АПУ15-20 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10 января 2016 г.).

8. Познышев С.В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов Особенной части старого и нового Уложений. 3-е изд., испр. и доп. М., 1912. С. 268.

9. Постановление Президиума Верховного суда Республики Марий Эл от 11.04.2014 по делу № 44-У-18/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08 января 2016 г.).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 27 января 1999 г. «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)».

11. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева. - М.: Спарк, 2001. - С. 766-767.

202

12. Уголовное Уложение 22 марта 1903 г. С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Гос. Совет и журналов - особого совещания, особого присутствия департаментов и общего собрания Гос. Совета. СПб: Изд. Н.С. Таганцева. 1904. С.877.

202

13. См.: постановление Московского городского суда от 22.08.2012 № 4у/8-7027/12; постановление Московского городского суда от 08.11.2013 № 4у/8-7704 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11 января 2016 г.).

14. Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. III: Преступления в сфере экономики. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. С. 285-287.

15. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / Под ред. В.П. Коняхина и М.Л. Прохоровой. М.: «КОНТРАКТ», 2015. - С. 286. См. также: Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности. - СПб.: Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2011. С. 625.

Никуленко А.В.

О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

203

Преюдиция была хорошо известна советскому уголовному праву. Несмотря на то, что находились как сторонники, так и противники ее применения, в целом же, на наш взгляд, преюдиция играла положительную роль в предупреждении преступлений (имеется в виду административная преюдиция). Лицо, подвергнутое административному взысканию, предупреждалось о возможном его привлечении к уголовной ответственности в случае совершения им соответствующего правонарушения повторно в течение определенного периода времени (см. ст. 1522, 1564, 1565 и др. УК РСФСР). Следует подчеркнуть ее особое место в противодействии правонарушениям в торговой сфере. Правда, и в советский период, продавец, привлеченный к административной ответственности, дабы избежать возможной уголовной, переводился (на определенный период) на другое место работы или занимал вакансию, не связанную с продажей товаров или оказанием услуг населению.

В настоящее время, «воскрешению» института преюдиции в уголовном праве способствовало выступление в 2009 году Президента РФ Д. Медведева. В своем Ежегодном послании он определил: «Наше уголовное законодательство должно стать более современным. В уголовном законе следует шире использовать так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения».

Вот как определяется понятие прею-

диции в современной правовой науке: «Преюдиция в российском праве – это прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания о том, что вступившее в законную силу правоприменительное решение уполномоченного органа, принятое в установленном законом процессуальном порядке о наличии или отсутствии юридического факта, обязательно для всех правоприменительных органов, разрешающих юридическое дело, связанное с ранее разрешенным по поводу этого фактом» [1].

Конечно, процесс внедрения новых (старых – курсив наш, А.Н.) норм вызывает многочисленные споры.

Даже несмотря на появившиеся в УК России нормы, предусмотренные ст. ст. 1511, 178, 2121, примечания к которым законодательно закрепили необходимость повторного совершения деяния в течение определенного времени для привлечения лица к уголовной ответственности, ученые высказывают сомнения о возможностях их дальнейшего применения в законодательной технике при конструировании составов преступлений в Особенной части УК России.

В их числе глубоко укоренившееся мнение о том, что административная преюдиция – это пережиток прошлого, наследие советских времен. Тем более, что зарубежное уголовное законодательство (за исключением стран бывшего СССР) практически не содержит в себе таковых норм.

Впрочем, ряд авторов всецело выступают за восстановление института административной преюдиции в уголовном законодательстве [2, 3, 4, 5].

203

На наш взгляд, идея административной преюдиции в уголовном праве весьма перспективна. Определяя главное, на сегодняшний день направление для развития указанного института, прежде всего, следует законодательно закрепить определение и возможности преюдиции в Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Заметим, что законодательные нововведения, прямо посвященные рассматриваемому вопросу, уже появились в УПК РФ. Так, ст. 90 (Преюдиция) гласит: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее в рассматриваемом уголовном деле» [6].

На основе изложенного отметим, что в условиях либерализации уголовного законодательства и повышения его профилактической роли в общественной жизни и противодействии преступным проявлениям институт административной преюдиции способен развиваться и органично войти в основу уголовной ответственности за отдельные преступления. Стоит заметить, что значительная часть норм Особенной части УК является бланкетной, то есть предполагает совершение сходного по признакам административного проступка, который лишь при наступлении определенных последствий влечет уголовную ответственность. Таким образом, не должно возникнуть больших проблем при выстраивании возможных изменений закона.

Внедрение преюдиции в канву российского уголовного законодательства, на наш взгляд, существенно повысит эффективность предупредительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карданец А.В. Преюдиции в российском праве: Проблемы теории и практики: автореф. дис. канд. юрид. наук. 12.00.01. Н. Новгород, 2002. С. 10.
2. Борзенков Г.Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) // Уголовное право в XXI веке: Мат. межд. науч. конф. М., 2002. С. 114.
3. Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. N 5. С. 103.
4. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 2005. С. 299.
5. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 38.
6. См. подр. УПК РФ, а также Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Российская газета. 2012. 11 янв.

Норвартян Ю.Ю.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА ЗАРАЖЕНИЯ ИНФЕКЦИОННЫМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Криминологическим основанием криминализации инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, является распространение в социуме преступлений, сопряженных с виновным противоправным заражением опасными инфекционными заболеваниями других людей.

В Международных медико-санитарных правилах в понятие «инфекция» - входит поступление и развитие или размножение инфекционного агента в организме людей и животных, которые могут представлять риск для здоровья населения» [1].

В ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [2] под инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, понимают такие инфекции, которые характеризуются тяжелым течением, быстрым распространением среди населения (эпидемия), высоким уровнем инвалидности и смертности.

В связи с обострившейся проблемой распространения представляющих серьезную угрозу для общества инфекций Правительством Российской Федерации было принято постановление от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» [3]. К инфекционным заболеваниям, представляющим опасность для окружающих, законодатель относит такие заболевания, как: ВИЧ-инфекция; вирусные лихорадки,

передаваемые членистоногими, и вирусные геморрагические лихорадки; гельминтозы; гепатит В; гепатит С; дифтерия; инфекции, передающиеся преимущественно половым путем; лепра, малярия; педикулез, аккариоз и другие инфекции; сифилис и мелиоидоз; сибирская язва; туберкулез; холера; чума. Данный перечень носит закрытый характер.

Список инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, актуален на состояние 2004 года, когда принималось соответствующее постановление Правительства РФ. Однако, как известно, появляются и получают распространение новые социально опасные инфекционные заболевания человека. Примером тому может служить вирус группы А (H1N1), инфекция ЕНЕС (энтерогеморрагическая кишечная палочка), Эболавирус и другие инфекционные заболевания человека, характеризующиеся быстрым распространением среди населения, тяжелым течением, высоким уровнем инвалидности и смертности. В связи с этим, очевидно, что Перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715, со временем будет уточняться.

Как известно, в действующем уголовном законодательстве России отсутствует конструкция общего состава преступления в виде «заражения инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих». Вместе с тем в

205

205

Норвартян Ю.С., кандидат юридических наук, ассистент кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева

© Норвартян Ю.С., 2016

УК РФ предусмотрена ответственность за заражение конкретными видами социально значимых заболеваний - венерической болезнью (ст. 121) и ВИЧ-инфекцией (ст. 122). При этом следует подчеркнуть, что названные в этих двух статьях УК РФ виды болезней входят в перечень инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а оба выше-названных деликта относятся законодателем к группе посягательств на жизнь и здоровье другого человека как разновидности преступлений против личности.

Перейдем к анализу распространенности указанных выше инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, так как необходимым условием криминализации общественно опасного деяния является достаточно высокая степень его распространения [4, с.69].

О повышенном уровне опасности и распространенности ВИЧ-инфекции говорится в преамбуле Федерального закона от 30 марта 1995 г. № 38-ФЗ (в ред. от 23 июля 2008 г.) «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»: «Признавая, что хроническое заболевание, вызываемое вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция), приобретает массовое распространение во всем мире, вызывает тяжелые социально-экономические и демографические последствия для Российской Федерации, создает угрозу личной, общественной, государственной безопасности, а также угрозу существованию человечества, вызывает необходимость защита прав и законных интересов населения» [5]. За последние десять лет Российским научно-методическим центром по профилактике и борьбе со СПИДом было зарегистрировано ВИЧ-инфицированных: в 2005 г. – 300 252 чел.; 2006 г. – 373 718; в 2007 г. – 403 100; в 2008 г. – 471 676; в 2009 г. – 530 185; в 2010 г. – 589 581; в 2011 г. – 636 979; 2012 г. – 682 726 [6]; 2013 г. – 798 120 [7]; 2014 г. – 907 607 [8]. Общее число россиян, инфицирован-

ных ВИЧ, зарегистрированных в Российской Федерации на 31 декабря 2015 г., достигло 1 006 388 человек (по предварительным данным на 3.02.2016 г.) [9].

По данным Всемирной организации здравоохранения, в мире каждый год регистрируется около 300 млн случаев инфекций, передаваемых половым путем (ИППП). Отмечен рост заболевания ИППП в Российской Федерации. За период 1990–2013 г. число больных ИППП выросло более чем в 100 раз, среди молодых людей до 19 лет – более чем в 35 раз [10, с. 3].

По данным Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, каждый день 240 тысяч россиян обследуется на туберкулез, причем подтверждается диагноз у 320 человек [11, с. 81]. В России ежедневно излечиваются от туберкулеза 240 больных, прерывают начатое лечение 24 человека, умирают от туберкулеза 72 человека [12].

Увеличение случаев заболевания туберкулезом в сочетании с ВИЧ-инфекцией также становится угрожающим. Кумулятивное количество случаев заражения туберкулезом в сочетании с ВИЧ-инфекцией в 2009 г. составило 27 423 человека [13]; в 2012 г. – 41 713 человек [14]; в 2013 г. – 48 825 человек [15]. Как видно, число заболевших таким опасным инфекционным заболеванием, как туберкулез, стремительно растет.

Указанные обстоятельства представляются достаточными для обсуждения вопроса о криминализации заражения различными видами инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих. Данный вопрос ставится и в новейшей уголовно-правовой доктрине. Например, В.П. Малков, А.В. Денисова [16, с. 126] и С.В. Тасаков [17, с. 153] предлагают дополнить главу 16 УК РФ статьей, предусматривающей уголовную ответственность за заражение туберкулезом, если лицо знало о наличии у него этой болезни.

С такого рода подходом мы в целом согласны. Действительно, необходимо

криминализировать заражение указанным видом инфекционного заболевания. Однако, на наш взгляд, целесообразна постановка вопроса о криминализации заражения любым из инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а не только заражения ВИЧ-инфекцией, венерическим заболеванием, как это имеет место в действующем УК, а также заражения туберкулезом или другой опасной инфекцией, о чем ставится вопрос в специальной литературе.

Общественная опасность заражения анализируемыми инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, заключается не только в том, что они причиняют вред здоровью непосредственно потерпевшему как конкретному физическому лицу, но и здоровью населения.

Заметим, что в уголовном законодательстве некоторых зарубежных государств вопрос относительно объекта рассматриваемого деяния решается иначе. Так, нормативные предписания об уголовно-правовом противодействии заражению опасными инфекционными заболеваниями содержатся в ст. 231 «Распространение болезней» УК Швейцарии

[18]. Структурно эта статья включена в раздел 8 «Преступления и проступки против общественного здоровья» УК Швейцарии. В § 192 УК Дании [19] предусмотрена ответственность за заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих. Этот параграф расположен в главе «Преступления, вызывающие опасность для общества» этого закона.

Таким образом, считаем целесообразным включение в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» новой статьи 237.1. Именовать ее «Заражение инфекционным заболеванием, представляющим опасность для окружающих». При конструировании новой статьи важно обеспечить строгую дифференциацию уголовной ответственности за счет введения группы квалифицирующих признаков, конструирования новых санкций, установления специального вида освобождения от уголовной ответственности. В случае реализации законодателем вышеизложенных авторских предложений статьи 121 и 122 УК РФ подлежат исключению из действующего уголовного законодательства России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная организация здравоохранения «Международные медико-санитарные правила». Второе издание. Женева, 2005.
2. Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 14. Ст. 1650.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.
4. Дагель П. С. Условия установления уголовной наказуемости // Правоведение. 1975. № 3. С. 67-74.
5. Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 14. Ст. 1212.
6. Статистика по ВИЧ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/index.shtml> (дата обращения: 15.05. 2016).
7. Методические рекомендации МР 3.1.0087-14 «Профилактика заражения ВИЧ» (утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 18 марта 2014 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «ГАРАНТ» (дата обращения: 16.06. 2016).
8. Статистика по ВИЧ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.hivrussia.ru/stat/bulletin.shtml> (дата обращения - 20.06.2016 г.)
9. Вич-инфекция в Российской Федерации на 31.12.2015 г. порог [Электронный ресурс] // URL: <http://aids-centr.perm.ru/Статистика/ВИЧ/СПИД-в-России> (дата обращения: 15.02.2016).
10. Методические рекомендации «Здоровым быть модно!». Ханты-Мансийск, 2013. С. 3.

11. Хилл А.Т., Уильям А. Х. Уолес, Ховьер Эммануэл. Атлас респираторных инфекций / Адам Т. Хилл, / под ред. С.И. Овчаренко; пер. с англ. М., 2011. 238 с.
12. Актуальные проблемы туберкулеза в России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.medlinks.ru/sections.php?op=viewarticle&artid=2983> (дата обращения: 20.06. 2016).
13. Добромыслова О. Болезнь распада. Туберкулез победить можно. Но это дело не одного десятилетия // Российская газета. 2005. № 3734.
14. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека от 4 июля 2013 г. № 01/7570 – 13 – 32 [Электронный ресурс] // URL: <http://aids-orel.ru/doc/mery.doc> (дата обращения - 16.08.2016).
15. Департамент здравоохранения Вологодской области «О совершенствовании эпидемиологического надзора за ВИЧ – инфекцией, в том числе сочетанными формами ВИЧ – инфекцией и туберкулеза» [Электронный ресурс] // URL: <http://depzdrav.gov35.ru/docs/bank/2014/Противоэпидемическая%20деятельность/бланк%20письма%20департамента%20чистый.doc> (дата обращения: 16.06.2016).
16. Денисова А.В., Малков В.П. Уголовно-правовые рассогласования: отраслевой и межотраслевой аспекты. Казань, 2006. 144 с.
17. Тасаков С.В. Нравственные основы норм уголовного права о преступлениях против личности. СПб., 2008. 318 с.
18. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. 138 с.
19. Уголовный кодекс Дании [Электронный ресурс] // URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524><http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1241524&subID=100096345,100096366,100096653,100097092#text> (дата обращения 16.06.2016).

Артюшина О.В.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗМЕНЕНИЙ В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБОИ

Федеральным законом от 3 июля 2016 года была изменена редакция ст.116 УК РФ. Кроме этого, Кодекс был дополнен новой ст. 116.1. Эти поправки уголовного закона существенно изменили объем, содержание ответственности за побои, и ключевую роль в этом, на наш взгляд, сыграла норма с административной преюдицией.

Так, побои были частично декриминализованы. Уголовно наказуемыми остались только побои и иные юридически тождественные им действия:

1) совершенные в отношении близких лиц, по хулиганским, а также экстремистским мотивам (ст. 116 УК РФ);

2) совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ (ст. 116.1 УК РФ).

Еще во время рассмотрения проектов Федеральных законов, вносящих эти изменения, в литературе обозначилась дискуссия об их оценке. С критикой выступил В.И. Торговченков, который обратил внимание на процессуальные трудности привлечения виновного к административной и уголовной ответственности. Он пишет, что «круговорот» ответственности нельзя считать оптимальным расходом ресурсов и времени правоохранительной системы [1].

Однако, думается, что это неверный подход. При правотворчестве материальное – уголовное право имеет приоритет. Процессуальное – призвано его обеспечивать, а не наоборот. Важна криминологическая обоснованность изменений в уголовное законодательство, но не процессуальная.

А. Гуров пишет, что побои не должны

быть относимы к административным правонарушениям, поскольку объектом правовой охраны здесь выступает жизнь и здоровье человека [2].

Представляется, что непосредственным объектом побоев выступает телесная неприкосновенность, деяние не влечет даже легкого вреда здоровью. Поэтому вопрос о гуманизации ответственности за побои оправдан.

Я.И. Гилинский, представитель радикального направления уголовно-правовой и криминологической науки, еще 15 лет назад отмечал, что УК РФ избыточен по своему содержанию, перегружен нормами, составлен так, что каждый из нас, хотя бы раз в жизни совершил преступление [3]. Здесь он приводил в пример, прежде всего, оскорбление и побои.

Справедливости ради следует отметить, что отрицательно оценивают частичную декриминализацию побоев и ведущие специалисты в области уголовного права, в частности, Н.Е. Крылова, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова. Анализируя проект изменений, она приходит к выводу о том, что декриминализация побоев, совершенных без специальных признаков, и установление за них административной ответственности представляются необоснованными и способными снизить правовую защиту потерпевших от насилия лиц, а также породить новые проблемы на практике [4, 5, 6].

Несмотря на появление новых вопросов по квалификации побоев, конкуренции норм, разграничению со смежными составами, представляется, что в данном случае, напротив, налицо социальная обусловленность изменений УК РФ. Это дея-

Артюшина О.В., кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права КЮИ МВД России
© Артюшина О.В., 2016

ние по своей сути изначально не представляет достаточной степени общественной опасности. Уголовная ответственность – самый строгий вид ответственности, имеющийся в арсенале государства. УК РФ по своему предназначению должен быть лаконичен, а не избыточен. В связи с этим телесная неприкосновенность может быть объектом уголовно-правовой охраны только в особых случаях – например, при наличии признаков, указанных в ст. 116 УК РФ, и при повторности – согласно ст. 116.1 УК РФ.

Административная преюдиция в науке уголовного права исследуется с конца 60-х гг. XX века, прежде всего, в работах В.П. Малкова [7]. В современных источниках ее часто называют одним из репрессивных юридических инструментов [8]. При этом подчеркиваются также возможности гуманизации уголовного

законодательства и даже реанимации неработающих уголовно-правовых норм (например, ст. 119, 245 и др.) путем включения в составы преступлений признаков административной преюдиции [9].

В данном случае ст. 116.1 УК РФ выполняет особую роль. Без неё законодатель не провел бы частичную декриминализацию побоев. Она стала «золотой серединой», позволившей найти компромиссное решение, позволившее смягчить ответственность за деяние, но в рамках, границах разового его совершения.

Так, на примере изменений в регламентации ответственности за побои можно убедиться в широком диапазоне возможностей административной преюдиции в реализации уголовной политики. Этот прием юридической техники позволяет и криминализировать, и декриминализировать деяния.

1. Торговченков В.И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1.
2. Гуров А. Настало ли время? // ЭЖ-Юрист. 2016. № 10. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
3. См.: Криминология XX век. СПб.: Юридический центр Пресс, 2000. С. 13-58 (переиздание см.: Гилинский Я.И. Девиантность, преступность, социальный контроль. Избранные статьи. СПб.: Издательство Р.Арсланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 150, 318; см. также: URL: <http://www.crimpravo.ru/en/blog/2716.html>.
4. Крылова Н.Е. Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов Федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
5. Скобликов П. Ближе к гуманности, дальше от справедливости? Судебное ведомство выступило с инициативой декриминализации мелких хищений и побоев // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
6. Быков В.М. Об инициативе Верховного Суда РФ о смягчении наказания лицам, совершившим преступление небольшой тяжести // Законность. 2015. № 11. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
7. См.: Малков В.П. Повторность поступка и уголовная ответственность / под ред. А.Т. Бажанова. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 1968. 123 с.
8. См., в частности: Безверхов А.Г. Административная преюдициальность и уголовное законодательство России: истоки, задачи, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2011. 2(10). С.41.
9. См., например: Онколов Ю.П. Сочетание административной преюдиции и декриминализации как инструмент предупреждения административных правонарушений и преступлений // Административное право и процесс. 2013. № 2 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Шайдуллина Э. Д.

ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НЕОДНОКРАТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 180 УК РФ «НЕЗАКОННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)»

211

Объективная сторона рассматриваемого преступного деяния заключается в незаконном использовании товарного знака, наименования места происхождения товара, сходных с ними обозначения для однородных групп товаров (ч. 1 ст. 180 УК РФ), а также предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в РФ товарного знака или наименования места происхождения товара (ч. 2 ст. 180 УК РФ). Обобщая общепринятые определения понимания объективной стороны преступления, предусмотренного статей 180 УК РФ [1], под незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг) будем понимать применение этих средств или сходных с ними до степени смешения обозначений без разрешения правообладателя указанных средств индивидуализации на товарах, этикетках, упаковках товаров и продукции, которые производятся, предлагаются к продаже, продаются, демонстрируются на выставках и ярмарках или иным образом вводятся в гражданский оборот на территории России либо хранятся и (или) перевозятся с этой целью, либо ввозятся на территорию РФ.

Для того чтобы незаконное использование было признано преступным деянием, оно должно быть совершено неоднократно или причинить крупный ущерб. В свою очередь, признак неоднократности носит неоднозначный и довольно дискуссионный характер. Остановимся на этом более подробно.

Определение того, что включает в себя

признак неоднократности, представляет затруднения для правоприменителей, осуществляющих раскрытие и расследование таких преступлений. Так, в ходе опроса сотрудников правоохранительных органов РТ нами было предложено определить, что же в себя включает признак неоднократности в составе незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Большинство из опрошенных (39%) считают, что под неоднократностью понимается судимость лица за аналогичное преступление [2].

Однако согласно пункту 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 года № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» следует, что неоднократность по смыслу статьи 180 УК РФ предполагает совершение лицом двух и более деяний, состоящих в незаконном использовании товарного знака, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, а также предупредительной маркировки в отношении товарного знака или наименования места происхождения товара, не зарегистрированных в России. При этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара, так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации на одной единице товара [3].

211

Так, например, гражданин С. в период с ноября 2015 года по май 2016 года производил в целях сбыта и сбывал техническую спиртосодержащую жидкость под видом водки. При этом на бутылки, в которые С. разливал фальсифицированную алкогольную продукцию, он наклеивал этикетки, кольеретки продукции, производимой ОАО «Татспиртпром»: «Усадская Хлебная», «Казанская Престижная», которые ранее приобрел у не установленных следствием лиц, тем самым неоднократно незаконно использовал товарные знаки, принадлежащие ОАО «Татспиртпром»[4].

Исходя из трактовки ранее действовавшей статьи 16 УК РФ «Неоднократность преступлений», под неоднократностью понимают случаи, когда лицо было судимо за незаконное использование товарного знака, знака обслуживания или наименования места происхождения товара и вновь совершает какое-либо преступление.

Пленум Верховного Суда РФ фактически сузил применение признака неоднократности путем исключения из его содержания случаев, когда лицо имеет

неснятую и непогашенную судимость за совершение преступления и снова совершает тождественное общественно опасное деяние. Представляется, что подобная трактовка признака неоднократности обоснованна, поскольку реализует принцип справедливости в уголовном праве, согласно которому «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление» (ч. 2 ст. 6 УК РФ).

В то же время психологически правоприменитель, понимая дефиницию «неоднократность» именно в соответствии со статьей 16 УК РФ, продолжает считать, что неоднократное совершение лицом преступления, предусмотренного статьей 180 УК РФ, включает в себя раннюю судимость лица за совершение аналогичного деяния.

Дабы исключить подобное двоякое определение, полагаем, что в статье 180 УК РФ понятие «неоднократность» необходимо заменить на «повторность». Повторность преступлений – совершение двух и более преступных деяний, в том числе тождественных и однородных, ни за одно из которых лицо не было осуждено[5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См., например: Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2010. С. 241; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2011. С. 308; Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики. Авторский комментарий к уголовному закону: раздел VIII УК РФ. М., 2006. С. 228.
2. Такая позиция существует и в научных кругах. Например, И.А. Клепицкий считает, что неоднократность в статье 180 УК РФ необходимо понимать в узком смысле, то есть как совершение деяния лицом, ранее судимым за аналогичные преступления, если не истекли сроки давности (см.: Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2008. С. 319).
3. См., например: Российское уголовное право: в 2 т. / под ред. Л.В. Иногамой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. М., 2006. Т. 2: Особенная часть. С. 307–308; Кондрашина В.А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 53.
4. См. Архив Приволжского районного суда г. Казани, 2016, д. 1-989-06.
5. См.: Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006. С. 30; Иванов Н.Г. Модельный уголовный кодекс. Общая часть. ОПУС № 1. М., 2003. С. 58.

Шалагин А.Е.
Шарапова А.Д.

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Женская преступность является составной частью общей преступности, при этом характеризуется особыми количественными и качественными показателями, спецификой личности правонарушителя, отдельными детерминирующими факторами противоправного поведения. Деятельность по профилактике, пресечению и выявлению преступлений, совершенных женщинами, также имеет отличительные черты. В настоящий период удельный вес женской преступности составляет 15% [1], однако в различные исторические эпохи он был значительно выше (в большинстве это корыстные и насильственные преступления)[2].

Значительный вклад в исследование женской преступности внесли Л.З. Аджиева, И.С. Алихаджиева, Ю.М. Антонян, К.А. Демина, А.И. Долгова, С.М. Иншаков, Н.Ф. Кузнецова, В.П. Кутина, Н.А. Лопашенко, Е.В. Маковецкая, Я.Р. Мурадова, С.Г. Мусаев, В.Н. Орлов, Э.Ф. Побегайло, Т.А. Смолина, Ш.У. Степанян, Т.В. Урусова, Е.Р. Чернышева, Л.М. Щербакова.

К числу негативных тенденций женской преступности следует отнести:

- 1) рост преступного профессионализма и организованности в женской криминальной среде;
- 2) увеличение количества тяжких преступлений в общей массе женской преступности;
- 3) снижение возрастного порога при совершении первого преступного деяния;
- 4) совершение преступлений на поч-

ве мести, зависти, ревности [3];

5) тесная взаимосвязь с социально-негативными пороками общества (алкоголизмом, наркоманией, проституцией, лудоманией, тунеядством, попрошайничеством, бродяжничеством, суицидом и др.);

6) распространение женской криминальной субкультуры.

Женщинами наиболее часто совершаются такие преступления, как преступления против чужой собственности (кражи, мошенничества, присвоение или растрата имущества), вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, преступления в сфере экономической деятельности, розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, содержание притонов, незаконный оборот наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, преступления, связанные с организацией проституции и распространением порнографии. Высокая криминальная активность женщин регистрируется в сфере торговли, бытового обслуживания населения, банковского дела, кредитных и страховых отношений [4].

Женщины нередко выступают в роли скупщиков краденного, сводниц, укрывательниц, пособников и подстрекателей различных преступлений. Так, в Пензенской области мать наркоторговца долгое время укрывала своего сына от правосудия. Пытаясь повести расследование по ложному следу, она написала заявление

213

213

Шалагин А.Е., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Шарапова А.Д., адъюнкт Казанского юридического института МВД России

© Шалагин А.Е., 2016

© Шарапова А.Д., 2016

в полицию о пропаже сына, а позже опознала его в одном из утопленников. Такими действиями женщина умышленно препятствовала установлению истины по уголовному делу [5]. В другом случае, женщина угрожала физической расправой потерпевшему, спасая сына от скамьи подсудимых. В результате сама была привлечена к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 309 УК РФ [6].

В структуре женской преступности отдельное место занимают насильственные преступления. Казалось бы, женщины и насилие – несопоставимые категории, но следственно-судебная практика доказывает обратное. Женщинами совершаются убийства, как правило, на почве личных неприязненных отношений, семейно-бытовых проблем, злоупотребления алкогольными напитками.

Несмотря на то, что удельный вес убийства матерью новорожденного ребенка, в общем числе зарегистрированных умышленных убийств и покушений, составляет (0,8%), такие деяния отличаются высокой латентностью [7]. Женщинами совершаются убийства в состоянии аффекта, а также при превышении пределов необходимой обороны. Нередки случаи умышленного причинения вреда здоровью, побоев, истязаний, угрозы убийством.

Интерес к феномену женской преступности вполне объясним с учетом особого места женщин в системе общественных отношений, выполняемых ими социальных функций и ролей, а также неблагоприятных последствий их противоправного поведения. Тяжелая женская доля описана в произведениях отечественных классиков прозы и поэзии Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, С.А. Есенина, В.М. Дорошевича, В.В. Крестовского, В.Т. Шаламова, Э.А. Асадова и др.

Для женщин наибольшая криминальная активность приходится на возраст 27-40 лет. Чем выше образовательный уровень, тем ниже показатель совершения насильственных, корыстно-насильственных, имущественных преступле-

ний. Данное утверждение не относится к экономическим, должностным, коррупционным, компьютерным преступлениям. Семейное положение женщин, осужденных за совершение уголовно наказуемых деяний, выражается в том, что 34% из них никогда не состояли в браке, 28,6% на момент совершения преступления сожительствовали, 16% были разведены или вдовствовали и только 21,4% состояли в официальном браке [8].

На принятие решения женщиной совершить преступление значительное влияние оказывают следующие факторы: отсутствие стабильного заработка, нерешенность жилищной проблемы, длительная психотравмирующая ситуация. Около 31% осужденных женщин до совершения преступления страдали алкогольной или наркотической зависимостью. По истечении 1-2 лет после отбытия наказания в местах лишения свободы, 1/5 женщин вновь совершает общественно опасное деяние.

Среди женщин преступниц, оставивших свой след в истории, выделяются Лукреция Борджиа, Элизабет Батори, Дарья Салтыкова («Салтычиха»), Джейн Топпан, Белль Соренсен Ганнес, Софья Блювштейн («Сонька Золотая ручка»), Бонни Паркер, Антонина Макарова, Ирма Грезе, Эльза Кох, Эйлин Уорнос, сестры Гонсалес.

На криминологические показатели женской преступности оказывают влияние такие факторы, как: затяжной экономический кризис, низкий уровень заработной платы, инфляция, увеличение миграционных потоков, возрастающая напряженность в обществе, снижение значимости семейных ценностей. В то же время женщины более импульсивны и эмоциональны, чем мужчины. Их психологические травмы нередко носят затяжной характер [9]. Частые бытовые конфликты, неблагополучная семейная обстановка, отрицательные примеры аморального поведения могут являться причинами женской преступности, особенно среди несовершеннолетних и молодежи.

По нашему мнению, недостаточно изучена криминальная среда и субкультура женщин, отбывающих наказания в местах лишения свободы [10]. Стоит отметить, что стратификация женщин-преступниц в пенитенциарных учреждениях существенно отличается от мужской. До 70-х годов XX столетия к кастам осужденных относились «багдадки», «жучки», «воровайки». В настоящий период в иерархии женщин, содержащихся в местах лишения свободы, выделяются: «многоходки», «воровайки», «пацанки», а также группы унижаемых и эксплуатируемых заключенных [11].

В коллективах осужденных, как правило, имеется старшая отряда, которая поддерживает требования администрации уголовно исправительного учреждения. Она отвечает за порядок, дисциплину, психологический климат в группе. Женщины содержатся в общежитиях барачного типа по 40-60 человек. Для сна установлены двухъярусные кровати. На одноярусных кроватях, расположенных в более комфортных местах помещения, располагаются «смотрящая» и приближенные к ней женщины. Такое место называется «поляна» [12].

Уборка в камерах производится ежедневно. Нередко женщины объединяются в союзы – «семейки» на основе личных интересов, симпатий, увлечений, темперамента, взглядов на жизнь. За нарушение режима содержания предусмотрены взыскания в виде: а) выговора; б) дисциплинарного штрафа в размере до 200 руб.; в) водворения в ШИЗО на срок до 15 суток; г) перевод злостных нарушительниц в помещение камерного типа. К осужденным, отбывающим наказание в колониях-поселениях, могут применяться взыскания в виде отмены права прожи-

вания вне общежития или запрета выхода за его пределы в свободное время, на срок до 30 суток.

Общесоциальные меры предупреждения женской преступности разнообразны. К ним относят многочисленные экономические, политические, нравственно-психологические, правовые, а также организационные, педагогические, медицинские, санитарно-эпидемиологические, технические и иные мероприятия [13]. Особое внимание необходимо уделить реализации Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182 «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [14]. В нем наряду с общими превентивными мероприятиями выделяются меры социальной адаптации, реабилитации, ресоциализации, виктимологической профилактики.

Отдельной проработки заслуживает проблема духовного и нравственного воспитания подростков и молодежи. Требуется дальнейшего совершенствования системы психологической, педагогической и юридической поддержки лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, характеризующихся совершением антиобщественных поступков и правонарушений.

К эффективным мерам предупреждения данного вида преступности следует отнести: а) создание благоприятных условий для женского труда и отдыха; б) реализацию социальных гарантий; в) охрану материнства и детства; г) образовательное и культурное просвещение; д) обеспечение личной неприкосновенности женщины. Профилактику пьянства и алкоголизма, наркомании и токсикомании, проституции и половой распущенности [15], безнадзорности и семейного неблагополучия, религиозных и этнических конфликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Криминология: учебное пособие / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Питер, 2013. С. 232.
2. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М.: Росс. право, 1992. С. 14.
3. Криминология: учебник / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 449.
4. Степанян Ш.У. Особенности женской преступности в современной России // Гражда-

нин и право. 2009. № 11. С. 94.

5. <http://penza.rfn.ru/rnews.html?id=6389>.

6. <http://kirov-portal.ru/news/poslednie-novosti/zhenshchina-sovershila-prestuplenie-zashchishchaya-syna/>.

7. Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: динамика, детерминанты и проблемы предупреждения. Ставрополь: СГУ, 2007. С. 61.

8. Маковецкая Е.В. Предупреждение женской преступности (по материалам Южного федерального округа): автореф. дис. ...к.ю.н. Саратов, 2015. С. 23-24.

9. Щербакова Л.М. Женская насильственная преступность в современной России: криминологические проблемы: дис. ...д.ю.н. М., 2008. С. 205.

10. Шалагин А.Е. Криминальная среда как объект криминологических исследований // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 5 (17). С. 73.

11. Зугумов З.М. Русскоязычный жаргон. Историко-этимологический, толковый словарь преступного мира. М.: Книжный мир, 2015. С. 194.

12. <http://exzk.ru/ierarxiya-i-pravila-v-zhenskix-tyurmax/>.

13. Лелеков В.А., Урусова Т.В. О предупреждении женской преступности мерами общесоциальной профилактики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 13-14.

14. СЗ РФ. 2016. № 26 (Ч.1). Ст. 3851.

15. Шалагин А.Е. Предупреждение социально-негативных явлений, представляющих угрозу здоровью населения и общественной нравственности // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 167.

Владимиров С.В.
Владимирова О.А.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

217

Общественное и государственное развитие на современном этапе диктует необходимость поиска адекватных средств правоприменительной деятельности, формирования нового подхода к юридическому инструментарию, позволяющему наиболее рационально использовать нормы права. Необходим дальнейший поиск, как путей экономии, так и более эффективного превентивного воздействия различных видов репрессии, а также согласованности уголовного и административно-деликтного законодательства. Одним из таких механизмов является административная преюдиция в уголовном праве – применение уголовной ответственности за неоднократное совершение административного правонарушения.

В настоящее время в ряде норм УК РФ уже предусматривается применение такого механизма, как преюдиция (к примеру, ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» и др.). На сегодняшний день в Государственной Думе находится пакет законопроектов о включении административной преюдиции еще в 12 составов статей Особенной части Уголовного кодекса РФ. Отношение ученых к этому явлению неоднозначное.

Большая часть авторов являются противниками применения административ-

ной преюдиции, приводя в качестве аргументов различные рассуждения – от противоречия конституционному принципу, изложенному в ст. 50 Конституции РФ (никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение) [1], до различия в субъектах привлечения к уголовной ответственности (лицо привлекается к административной ответственности несудебными органами) [2].

По нашему мнению, такой юридико-технический прием, как преюдиция, особенно в сочетании с декриминализацией некоторых видов преступлений, имеет целый ряд безусловно положительных моментов. Во-первых, усиление нравственной роли уголовного законодательства в сочетании с его дальнейшей гуманизацией; во-вторых, предупреждение как административных правонарушений, так и преступлений; в-третьих, «оживление» некоторых уголовно-правовых норм; в-четвертых, обеспечение фактической неотвратимости и своевременности привлечения виновных к ответственности.

Однако, на наш взгляд, существует ряд проблемных аспектов эффективной реализации данного механизма. Нужен взвешенный учет всех факторов, влияющих на изменение законодательной оценки противоправного деяния.

Не вставая на путь тех авторов, которые категорически отстаивают позиции «за» или «против» применения админи-

217

Владимиров С.В., кандидат юридических наук, начальник кафедры физической и тактико-специальной подготовки, Самарский юридический институт ФСИН России

Владимирова О.А., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

© Владимир С.В., 2016

© Владимирова О.А., 2016

стративной преюдиции в современном уголовном законодательстве, рассмотрим данное явление с позиции реальности и правильности применения.

Для начала необходимо уточнить непосредственно формулировку термина «преюдиция» и возможность ее использования в различных правовых отношениях. Данный термин выражает сложное и многоаспектное понятие, нормативное закрепление которого находим в ст. 90 УПК РФ: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки». В УК РФ определение преюдиции отсутствует, а используется этот термин, как видим, в несколько ином понимании. Такая противоречивость отражается негативно на юридической конструкции как уголовных, так и уголовно-процессуальных норм, и как следствие создаст проблемы в их реализации.

Термин «преюдиция» произошел от латинского *praecedere* - включает в себя два элемента:

1) *praecedo* (в переводе на русский язык) - идти вперед, предшествовать;

2) *praecedere* - судить вперед предварительно, в которых приставка *pra-* имеет грамматические значения: «перед» и «впереди», а *judicium* эквивалентно правовому решению, имеющему юридическую силу закона. В результате синтеза указанных слов получаем: «предрешение вопроса, заранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о последствиях» [3].

Во-вторых, административная преюдиция пока «не встает» в сложившееся представление о понятии и составе преступления, а также других устоявшихся в уголовном законодательстве категорий. Так, общественная опасность деяния в случае превращения нескольких административных правонарушений в преступ-

ление отсутствует, здесь необходимо говорить об общественной опасности самой личности.

С одной стороны, общественная опасность есть сущность преступления, и, как пишет А.И. Марцев, «столь вольное обращение с ней недопустимо, поскольку, «проявляясь», сущность вещи не поддается точным измерениям, вся сразу не «показывается». Опасность может восприниматься только в каком-то весьма неконкретном, обобщенном виде [4]. С другой стороны – существует весьма условная граница между преступным и не преступным. Наглядно отражает это общий принцип уголовного права о том, что не считается преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.

Если говорить о субъективной стороне, то, исходя из логики уголовной и административной политики, при применении административной преюдиции следует, на наш взгляд, говорить только об административных правонарушениях, совершенных с умышленной формой вины.

Вообще необходимо определить круг административных правонарушений, которые наиболее общественно вредны, по сравнению с остальными. Выше мы уже указывали на законопроекты, содержащие нормы о внесении административной преюдиции по 12 составам, среди которых «Незаконное производство аборта», «Уклонение от уплаты налогов» и др. Почему именно эти деяния? В этом вопросе могли быть полезны криминологические исследования о состоянии и динамике конкретных видов административных правонарушений и преступлений, данные о рецидиве.

В-третьих, поскольку фактическое применение административной преюдиции в уголовном праве превращает административное правонарушение в преступление, то встает вопрос о порядке привлечения к ответственности. В част-

ности, о соотношении процедуры сбора и исследования доказательств по кодексу об административных правонарушениях и уголовно-процессуальному кодексу.

На практике в деле об административном правонарушении зачастую содержится лишь протокол об административном правонарушении, составленный уполномоченным лицом, обнаружившим правонарушение. Данный протокол является единственным средством фиксации доказательств. Достаточно ли такого подхода при привлечении к уголовной ответственности? Думается, что нет. Ведь речь идет о более серьезных последствиях для лица, совершившего деяние. Поэтому немаловажно и то, как был исследован первый факт совершения административного правонарушения. Современные системы учета состояния преступности и правонарушений, отчетности должностных лиц правоохранительных органов не позволяют уйти от обвинительного уклона при рассмотрении дела об административном правонарушении.

В целом, введение так называемой административной преюдиции – это положительная тенденция для уголовного

законодательства, но при условии, что применение ее будет носить универсальный характер. Для начала стоит разработать нормы общего характера, содержащие признаки, условия и основания такой серьезной уголовно-правовой меры. Соответствующих корректировок требует и уголовно-процессуальное законодательство.

Таким образом, на современном этапе развития юридической техники не создана совершенная модель административной преюдиции в уголовном праве, обеспечивающая эффективный порядок ее реализации. Нет единого понимания самого явления преюдиции, которое позволило бы законодателю более четко конструировать правовые нормы, содержащие условия и порядок применения данного механизма. Нет гарантий соблюдения прав и законных интересов всех участников правовых отношений при принятии решений по делам об административных правонарушениях, с тем чтобы органы уголовной юстиции могли признать их в дальнейшем без дополнительной проверки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 69.
2. Кузнецова М.Ф. Семь лет Уголовному кодексу Российской Федерации // Вестник Московского университета. 2003. Сер. 11. № 1. С. 6.
3. Худяков Е.А. Эффективность применения норм с административной преюдицией: учебное пособие. М., 1981. С. 9.
4. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000. С. 60.

Алешина-Алексеева Е.Н.

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТ. 151.1 УК РФ

220

Российское сообщество зафиксировала небывалый всплеск алкоголизации молодежи и несовершеннолетних в последние годы. Молодые граждане РФ – наше будущее. От того, каким оно будет, зависит, какие в настоящий момент мы принимаем меры и ставим задачи. На первое место выдвинута проблема решения приобретения несовершеннолетними алкогольной продукции. В связи с этим после длительного обсуждения общественности, заострения внимания первых лиц государства, в 2011 году в Уголовном кодексе РФ появилась ответственность за продажу алкоголя несовершеннолетним – ст. 151.1 УК РФ. Она была внесена ФЗ от 21.07.2011г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» [1]. В этой статье говорится о розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции, если это деяние совершено неоднократно. То есть, чтобы привлечь к уголовной ответственности лицо, продавшее несовершеннолетнему алкогольную продукцию, необходимо установить и документально подтвердить факт того, что продавшее лицо до этого раньше привлекалось к подобной ответственности в соответствии со ст. 14.16 ч. 2.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ в течение 180 дней. В указанной статье КоАП РФ разъясняется, что наложение административного штрафа влечет розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции, если это действие не содержит уголовно

наказуемого деяния. Оконченным будет считаться преступление в момент повторной продажи алкогольной продукции несовершеннолетнему лицу, привлекавшимся ранее за подобное деяния. Из этого следует, что данный состав преступления предполагает административную преюдицию. Важным в данной квалификации является субъективная сторона преступления, характеризующаяся прямым умыслом. То есть виновное лицо осознает, что лицо, которому он продает алкогольную продукцию, на момент отпуска товара не достигло возраста 18 лет, совершает указанные действия неоднократно и желает из осуществление. Что же делать тем продавцам, у которых возникает подозрение, что покупатель не достиг возраста совершеннолетия? Ведь не всегда граждане носят с собой паспорта. На это вопрос ответ дан в п.2 ст. 16 ФЗ № 171 от 22.11.1995 г. При возникновении сомнений у продавца относительно достижения покупателем совершеннолетия он имеет право потребовать у покупателя документ, удостоверяющий личность, в соответствии с которым он сможет установить возраст покупателя. При отказе от предоставления документа продавец не имеет право отпускать товар такому лицу. Из изученной практики следует вывод о том, что продавцы часто совершают одну ошибку – смотрят год рождения, а месяц, тем более дату, пропускают и внимания на них не обращают. Совершеннолетним же гражданин считается на следующий день после исполнения им 18 лет. Как итог - ошибка в возрасте покупателя. Однако умысел не исключается,

220

следовательно, и ответственность.

В 2011 году в Липецкой области было возбуждено 6 уголовных дел по данной категории преступлений [2]. Например, «в ходе предварительного следствия установлено, что Н., являясь продавцом продуктового магазина общества с ограниченной ответственностью «КБК «Вельвес», 19.07.2014 года продала покупателю одну банку слабоалкогольного напитка «Ягуар-Актив» стоимостью 74 рубля, зная, что тот несовершеннолетний. Ранее Н. уже подвергалась административному взысканию за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП (розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции)».

221

Данная санкция была введена в УК РФ своевременно, обоснованно, реализуя необходимые меры по снижению размера употребления алкоголя среди несовершеннолетних, ограничению доступности в приобретении алкогольной продукции.

Единственным остается момент, до настоящего времени не затронутый в УК РФ, считающийся актуальным в связи с инновационными технологиями - при-

влечение к уголовной ответственности лиц, продающих алкогольную продукцию через Интернет и стационарные телефоны. Санкции пока не предусмотрены, что требует разрешения и устранения данного пробела.

Необходимо не только запрещать продажу алкогольной продукции несовершеннолетним, но и проводить другие меры, которые будут эффективны в совокупности. К ним можно отнести профилактические и разъяснительные беседы с несовершеннолетними о вреде употребления алкоголя, последствиях - к чему это может привести. Приводить им в пример статистические данные, указывающие на то, какое количество преступлений совершается лицами в состоянии алкогольного опьянения, какое количество потерпевших на момент совершения в отношении них преступления находились в состоянии алкогольного опьянения с реальными примерами из судебной практики. Стимулировать несовершеннолетних к здоровому образу жизни, охраняя таким образом их здоровье, растить здоровое общество.

221

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российская газета. 2011. № 5537.
2. <http://48.mvd.ru/news/item/397353>

Коротков А.В.
Еремина Н.В.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

222

Формирование взглядов на восстановление ранее действующих институтов уголовного права обусловлено рядом тенденций, среди которых «новое – это хорошо забытое старое». Естественно, этот процесс вызывает много споров в юридической науке. Не стало исключением и восстановление института административной преюдиции в уголовном законодательстве. «Наше уголовное законодательство должно стать более современным. В уголовном законе следует шире использовать... так называемую административную преюдицию, то есть привлекать к уголовной ответственности только в случае неоднократного совершения административного правонарушения». Так, ежегодное послание Д.А. Медведева Федеральному Собранию в 2009 году предопределило одно из направлений уголовной политики в сфере развития уголовного законодательства. По нашему мнению, данный подход оправдан. Представляется, что современное законодательство должно отражать процессы, происходящие в жизни общества, и от этого оно не должно рассматриваться как нечто постоянное и не подлежащее изменениям. Меняются общественные отношения, требуется их охрана, причем мерами уголовного законодательства, значит, необходимы соответствующие подходы для их реализации. Следовательно, уголовное законодательство должно обладать признаками «живого организма» и меняться вместе с обществен-

ными процессами, которые направлены на формирование чувства защищенности от разного рода негативного воздействия.

К сожалению, несмотря на то, что в уголовном законе проявились статьи, отражающие институт административной преюдиции, например, ст.ст. 151.1, 154, 178, 180 УК РФ, нормативного определения до сих пор нет. Вместе с тем рассматриваемый институт достаточно активно использовался в нашей стране с 20-х годов прошлого века с нарастающим эффектом. Первые упоминания о рассматриваемом институте были в отечественном уголовном праве с 1922 г. В частности, согласно ст. 79 УК РСФСР 1922 г. «неплатеж отдельными гражданами налогов и отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, в первый раз карался административными взысканиями» [1]. Также за повторное административное правонарушение уголовная ответственность была установлена декретом ВЦИК и СНК от 15 декабря 1924 г., об изменении ст. 139-а УК «Об акцизных нарушениях». Институт административной преюдиции упоминался и УК РСФСР 1926 г.[2]. Наибольшее число составов, где устанавливалась уголовная ответственность за повторное совершение административного проступка, было в УК РСФСР 1960 года. Так, административная преюдиция отражалась в следующих составах: 1) нарушение избирательного законодательства (законода-

222

Коротков А.В., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ЛГУ им. А.С. Пушкина

Еремина Н.В., старший преподаватель кафедры теории права и гражданско-правового образования РГПУ им. А.И. Герцена

© Коротков А.В., 2016

© Еремина Н.В., 2016

тельства о референдуме) лицом, ранее подвергавшимся административному взысканию (ст. 133-1); 2) нарушение законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях (ст. 133-2); 3) необеспечение маркировки марками установленных образцов при производстве подакцизных товаров (ст. 152-2); 4) обман потребителей (ст. 156); 5) незаконный отпуск бензина или других горюче-смазочных материалов (ст. 156-4); 6) нарушение правил торговли (ст. 156-5); 7) нарушение государственной дисциплины цен (ст. 156-6); 8) занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности (ст. 162); 9) уклонение от подачи декларации о доходах (ст. 162-1); 10) незаконное предпринимательство (ст. 162-4); 11) незаконное усыновление (ст. 162-1); 12) продажа подлежащих маркировке марками установленных образцов подакцизных товаров без маркировки марками установленных образцов (ст. 162-10); 13) незаконная охота (ст. 166); 14) продажа, скупка, обмен шкурок пушных зверей (ст. 166-1); 15) самовольная добыча янтаря (ст. 167-2); 16) нарушение антимонопольного законодательства (ст. 175-1); 17) незаконная передача запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях (ст. 188-4); 18) нарушение правил въезда или проживания в пограничной полосе или пограничной зоне (ст. 197); 19) нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР (ст. 197-1); 20) уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов и воинского учета (ст. 198-1); 21) нарушение порядка организации или проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 200-1); 22) организация азартных игр (ст. 208-1); 23) незаконные приобретение или хранение

наркотических средств в небольших размерах (ст. 224-3); 24) незаконные посев или выращивание масличного мака и конопли (ст. 225-1); 25) жестокое обращение с животными (ст. 230-1 УК РСФСР).

Многие авторы пытались дать определение понятия административной преюдиции, но только на доктринальном уровне. Анализ этих источников показывает, что исследуемый институт обладает рядом типичных признаков, увязав которые, можно прийти к «единому знаменателю». Во-первых, уголовная ответственность напрямую связывалась с фактом совершения в прошлом деяния, ответственность за которое предусматривалось в административном законодательстве. Во-вторых, ответственность наступала за нарушения предусмотренных законом специальных правил поведения. В-третьих, устанавливался период, в течение которого при повторном совершении административного правонарушения создавалась возможность привлечения к уголовной ответственности. В-четвертых, такие деяния совершались, как правило, с прямым умыслом.

Исследователь данного института И.О. Грунтов определял сущность административной преюдиции как закрепленную специальной конструкцией состава преступления преюдициальную связь между несколькими аналогичными административными правонарушениями [3]. А.И. Лукашов считал, что административная преюдиция - это признак, характеризующий субъекта преступления [4]. Н.А. Бабий - что это условие криминализации неоднократно совершаемых деяний [5]. Е.В. Ямашева рассматривает административную преюдицию как привлечение к уголовной ответственности лица, если деяние совершено в течение определенного периода времени после наложения одного или двух административных взысканий за такое же правонарушение [6]. Следовательно, суть института административной преюдиции лежит в привлечении к уголовной ответственности за деяние, совершенное в течение опреде-

ленного периода времени после кратного административного взыскания за аналогичное правонарушение.

Вместе с тем в юридической науке до сих пор не сложилось единого мнения относительно места административной преюдиции в уголовном законодательстве. Одни считают, что данный институт усиливает репрессивность законодательства, другие рассматривают его как реальную необходимость, отражающую современные реалии. Несмотря на многолетнюю практику применения указанных норм, при принятии Уголовного кодекса 1996 года законодатель отказался от использования административной преюдиции, аргументируя ее излишней репрессивностью, возникшей в недрах советской школы уголовного права. При этом многие ученые также неоднозначно оценивали данный институт:

224

- административная преюдиция позволяет на практике манипулировать с преследованием людей за административные проступки;

- «административные проступки и преступления различаются качественно, а не количественно. Преступления – это общественно опасные деяния. Административные проступки также носят антиобщественный характер, но свойством криминальной общественной опасности не обладают. Количество непреступных правонарушений не может перерасти в качество преступлений, как сто кошек не могут приобрести качества тигра» [7];

- административные проступки свойством криминальной общественной опасности не обладают, поскольку рассматривают только факт вредоносности деяния, безотносительно к личности правонарушителя.

- за совершение административного проступка взыскание может налагаться не только судом, но и должностными лицами или административными органами, что идет вразрез с уголовно-процессуальным законодательством;

- включение в сферу уголовно-правовых отношений административных про-

ступков, даже совершенных повторно (что, впрочем, не меняло их сущности), явно не соответствовало принципам уголовного права, чрезмерно расширяло границы уголовно-правовой репрессии [8];

- признание некоторых проступков преступными и уголовно наказуемыми деяниями в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только такое общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава преступления, независимо от иных обстоятельств, в частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок [9];

- наличие административной преюдиции в нормах уголовного закона противоречит конституционному принципу о том, что никто не может быть повторно осужден за одно и то же правонарушение (ст. 50 Конституции РФ);

- административная преюдиция - это сугубо советская выдумка, и в уголовных кодексах стран Западной и Центральной Европы уголовно-правовых норм с административной преюдицией практически не найти.

Одновременно ряд авторов выступает за восстановление института административной преюдиции в уголовном законодательстве [10], обосновывая ее необходимость с различных аспектов:

- «административная преюдиция, при ее грамотном использовании, может стать эффективным средством противодействия преступности. Возрождение данного института в условиях современной действительности в первую очередь будет способствовать достижению следующих основных результатов: снимет значительное число вопросов правоприменительного плана, связанных с оценкой преступных последствий в виде имущественного ущерба как необходимого условия уголовной ответственности, в большинстве случаев – совершения преступлений экономической направленности; обеспечит соответствие действующего уголовного

224

законодательства таким специальным принципам, как экономия мер уголовной репрессии и целесообразность; исключит случаи объективного вменения, когда у виновного отсутствует предвидение указанных в законе последствий в виде причиненного имущественного ущерба гражданам или государству» [11].

Действительно, целесообразность применения административной преюдиции возникает там и тогда, когда меры административного законодательства оказались безрезультатны. Одной из основных задач, как уголовного, так и административного права, выступает предупреждение совершения новых деяний, подпадающих под действие указанных законов. Следовательно, закрепляя в уголовном законе составы преступлений с административной преюдицией, законодатель предполагает сначала осуществить воспитательную и предупредительную функции посредством административного взыскания, а уже при повторном совершении того же проступка - уголовным наказанием. Безнаказанность порождает преступление.

Введение административной преюдиции не столько усиливает репрессивность уголовного законодательства, а скорее, наоборот, дает возможность комплексно подходить к перераспределению усилий правоохранительных органов по профилактике правонарушений и преступлений, поскольку административная юрисдикция менее затратная, чем уголовная, как в процессуальном плане, так и в экономическом, и в криминологическом плане.

Взятая государством линия на либерализацию уголовного законодательства и декриминализацию преступлений позволяет, на наш взгляд, переводить преступления, не представляющие большой общественной опасности, в уголовные проступки, что также обуславливает необходимость включения в закон административной преюдиции. Эта необходимость может быть рассмотрена также с позиции принципа справедливости: «уголовное наказание следует устанавливать

в качестве последнего средства»[12], это позволит применять различный уровень репрессий.

Представляется, что основная проблема в неоднозначности восприятия административной преюдиции в уголовном законодательстве заключается в том, что при изучении этого института мы обращаем внимание на кратное совершение деяния в виде административного проступка, безотносительно к субъекту этого проступка. Получается, что мы оцениваем степень общественной опасности деяния, но не учитываем степень общественной опасности субъекта. А ведь, данный аспект во многом определяет необходимость преюдиционных мер. Именно субъект становится носителем признака общественной опасности, он не встает на путь исправления после предупредительных мер административного закона. Это подтверждается целым рядом примеров, когда наказанные в административном порядке лица продолжаюткратно нарушать те же нормы, за которые они были привлечены ранее (например, лишенные водительского удостоверения за управление транспортным средством в состоянии опьянения, задерживаются повторно за аналогичное правонарушение). В данном случае повышает степень общественной опасности не деяние, а субъект, совершивший это деяние, поскольку в этом он проявляет свое неуважение и пренебрежение к закону, обществу. Поэтому, как нам представляется, при разграничении сходных деяний на административные правонарушения и преступления должен учитываться и этот признак.

Если обратиться к тенденциям изменения уголовного законодательства, то последние изменения, которые были включены в УК, отражали личностные характеристики преступника (ст.ст. 15, 73, 131, 132 УК РФ).

Мировая тенденция в рассматриваемом вопросе также не однозначна. Несмотря на то, что в Модельном кодексе для СНГ административная юрисдикция не предусмотрена, все же в некоторых

странах осталась приверженность к рассматриваемому институту. Например, в УК Беларуси, Украины, Казахстана предусмотрена уголовная ответственность за повторное совершение административного или дисциплинарного проступка. При этом ряд стран давно рассматривает уголовный проступок как трансформацию административной преюдиции (Испания, Голландия Италия, США и т.д.).

Представляется, что возрождение института административной преюдиции в уголовном праве России – оправданный шаг. Было бы неплохо в Общей части уголовного закона предусмотреть норму

определяющую понятие административной преюдиции, в которой предусмотреть, что за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает уголовная ответственность, если за аналогичное деяние в течение определенного периода времени было наложено административное взыскание. Реализация уголовной политики должна решаться не только путем криминализации и декриминализации, но и восстановления и расширения рассматриваемого института административной преюдиции, поскольку уже настало время серьезно говорить об уголовно-правовом проступке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. СУ РСФСР. 1922. N 15. Ст. 153.
2. СУ РСФСР. 1926. N 80. Ст. 600.
3. Грунтов И.О. Уголовно-правовые нормы с административной преюдицией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 1985.
4. Лукашов А.И. Административная преюдиция: проблемы соотношения уголовной и административной ответственности // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики: сборник научных трудов. Минск: Изд-во МВД РБ, 1996. С.78-89.
5. Бабий Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть: учебник. Минск, 2010. С. 74.
6. Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России // Журнал российского права. 2009. N 10. С. 69.
7. Курс уголовного права. Учебник. Особенная часть. Т.3. /под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М., 2002. С. 11.
8. Гулько А.Л. История уголовной ответственности за хулиганство в России // Адвокатская практика. 2006. N 5. С. 40.
9. Гогин А.А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. N 5. С. 31.
10. Борзенков Г.Н. Тенденции и перспективы развития уголовного законодательства в XXI веке (опыт сравнительно-временного анализа) // Уголовное право в XXI веке: материалы межд. науч. конф.-и. М., 2002. С. 114; Устинова Т.Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. N 5. С. 103; Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 2005 с. 299; Ямашева Е.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе России //Журнал российского права. 2009. № 10
11. См.: Бавсун М.В., Бавсун И.Г., Тихон И.А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. N 6. С. 8.
12. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 269.

Марченко Д.Э.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

227

Спор о необходимости широкого использования административной юрисдикции в уголовном законе продолжается и поныне, несмотря на то, что еще в 2009 году данный прием юридической техники был закреплён в ряде составов преступлений. Призыв Президента Российской Федерации активнее использовать административно-правовую преюдицию после длительного перерыва в отечественном уголовном праве был реализован в ст. 178 «Недопущение, ограничение или устранение конкуренции», а также в ст. 151.1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции» [1].

Противники широкого использования административно-правовой преюдиции в уголовном законе в качестве главных аргументов выдвигают идеи о разной природе и степени общественной опасности преступления и административного правонарушения. В связи с этим спор об использовании административной преюдиции выходит за рамки отдельных отраслей права и приобретает характер теоретико-правового. На наш взгляд, он должен рассматриваться в рамках проблемы функционирования российского государства в целом.

«Под функциями государства понимаются определенные конкретным историческим этапом основные направления деятельности государства по управлению делами общества» [2]. В теории внутренние функции государства принято разделять на политическую, экономическую, социальную, экологическую, правоохранительную и другие.

Правоохранительная функция государства выражается в обеспечении точного и полного осуществления законодательных предписаний, охране и защите прав и свобод граждан, защите конституционного строя, охране общественного порядка, исполнении наказаний, профилактике правонарушений [3].

Анализируя задачи уголовного законодательства и законодательства об административных правонарушениях, можно прийти к выводу о том, что оба направления взаимодополняют друг друга и являются нормативной базой для выполнения органами государства правоохранительной функции.

Так, ст. 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях перечисляет задачи законодательства об административных правонарушениях: «защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, защита общественной нравственности...» [4]. Аналогичные задачи ставит государство перед уголовным законодательством. В ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации сказано: «задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя...» [5].

Кроме того, в отечественной практике нередки случаи перевода правонарушения из состава преступления в разряд административного проступка и обратно. К примеру, так произошло с таким правона-

227

Марченко Д.Э., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

© Марченко Д.Э., 2016

рушением, как клевета, которое 7 декабря 2011 году было исключено из Уголовного кодекса Российской Федерации и стало административным правонарушением, а уже 28 июля 2012 года законодатель вернул клевету в разряд преступлений [6].

Доказательством тому является огромное количество схожих, в том числе и по названию, составов административных правонарушений и преступлений («хулиганство», «хищение» и т.д.). Более того, нередко пресечением административных проступков и преступлений занимаются одни и те же правоохранительные органы.

Административно-правовая преюдиция является ярким примером такой взаимосвязи и взаимодополнения двух отраслей. Рассматривая применение административной преюдиции в нормах уголовного права как выражение межотраслевого способа реализации охранительной функции права, следует заметить, что применение административной преюдиции может использоваться как для усиления ответственности, так и для применения более гуманного.

Отсутствие административной преюдиции в ряде статей уголовного закона приводит к неэффективному выполнению охранительной функции государства в рамках предупреждения и пресечения административных правонарушений и, как следствие, способствует совершению преступлений.

Не секрет, что административное законодательство не обладает достаточно эффективными мерами наказания. Примером тому может служить ответственность за вождение в состоянии алкогольного опьянения. После нескольких изменений, внесенных в законодательство, повторное вождение в состоянии алкогольного опьянения уже лишенным прав на управление транспортным средством наказывается арестом на срок от 10 до 15 суток или, если не может быть применен арест, штрафом в размере 30 тысяч рублей.

Тем не менее, чередой крупных дорожно-транспортных правонарушений с уча-

стием пьяных водителей, неизменно растущее количество человеческих жертв показывают, что денежные штрафы и лишение прав недостаточно эффективно реализуют охранительную функцию государства в сфере безопасности дорожного движения.

В связи с этим в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект, в который включены новые меры наказания, предусматривающие усиление ответственности за вождение в состоянии опьянения лицами, лишенными водительских прав, а именно на два года лишения свободы [7].

Использование административной преюдиции в уголовном законе может использоваться не только для повышения уровня репрессии, но и для ее смягчения. Дело в том, что административная преюдиция предусматривает неоднократность, повторность поступков, при которой органы власти на первом этапе должны привлечь лицо к административной ответственности, а затем применять меры уголовного преследования. Это вполне соответствует современному представлению о предупредительной роли правоохранительных органов власти.

Привлеченный к административной ответственности человек, зная о том, что следующее наказание будет связано с применением уголовного закона, скорее откажется от совершения противоправных действий, чем лицо, на которое государственное воздействие не оказывалось вообще.

Таким образом, закрепляя административную преюдицию в уголовном законе, законодатель обеспечивает дополнительные гарантии эффективной работы органов государственной власти. Законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство взаимодополняют друг друга и направлены на реализацию одной и той же правоохранительной функции государства.

И в заключение хочется сказать, что,

на наш взгляд, административная преюдиция должна быть включена в такие составы преступлений, как незаконное предпринимательство без квалифицирующих обстоятельств (ч.1 ст.171); уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ч.1 ст.198); жестокое обращение с животными (ч. 1 ст. 245); незаконная охота (ч. 1 ст.258); незаконное приобретение, хранение, перевозка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта,

если размер этих веществ не относится к особо крупному (ч. 1 ст.228).

Изменения должны коснуться и административного законодательства. В первую очередь, считаем, что необходимо внести в определение административного проступка, изложенное в ст. 2 Кодекса РФ об административных правонарушениях, признак общественной опасности. Это позволит закончить дискуссию о разной природе преступлений и административных проступков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ежегодное послание Президента РФ к Федеральному Собранию от 30 ноября 2010 года// Парламентская газета 2010. 3 декабря.
2. Теория государства и права: учебник / отв. ред. А.В. Малько. М.: Издательство «КноРус», 2006. 48 с.
3. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. 6-е изд. М.: Издательство «Омега-Л», 2012. 157 с.
4. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года №195-ФЗ (с изменениями на 21 июня 2014г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996г. (с изменениями на 21 июля 2014г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25
6. Федеральный закон от 28 июля 2012 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2012.1 августа.
7. 558787-6 О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации. Дата внесения в ГД: 1 июля 2014 года. Инициатор: Верховный Совет Республики Хакасия /duma.gov.ru

Ахунов Д.Р.

**ПОВТОРНОСТЬ КАК ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 291.2 УК РФ**

Федеральным законом от 03 июля 2016 года № 324-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации внесены изменения, среди которых статья 291.2, предусматривающая ответственность за мелкое взяточничество. Данная статья в первой части предусматривает уголовную ответственность за получение взятки, дачу взятки лично или через посредника в размере, не превышающем десяти тысяч рублей, а во второй – за те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных статьями 290, 291, 291.1 и 291.2 УК РФ [1].

Внимание заслуживает часть вторая нормы, предусматривающей уголовную ответственность за мелкое взяточничество, которая содержит признак повторности совершения преступления в качестве квалифицирующего.

Уголовный закон не содержит понятий повторности, множественности преступлений, понятие неоднократности преступлений из него исключено. В теории уголовного права проблема повторности совершения преступлений, множественности преступлений, а также вопросы определения данных понятий, их классификации известны давно, однако до настоящего времени остаются достаточно дискуссионными и неоднозначными.

Одно из наиболее широких понятий множественности преступлений, включающее как основные признаки родового понятия, так и признаки её форм, дано В.П. Малковым. Им множественность преступлений определена как случаи, когда одно и то же лицо последовательно или одним действием (бездействием)

совершает два или более преступления, подпадающие под признаки различных либо одного и того же состава преступления, а также когда оно совершает новое (-ые) преступление (-я) после осуждения либо условного осуждения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление, если при этом не менее чем по двум из них не погашены уголовно-правовые последствия и отсутствуют процессуальные препятствия к возбуждению уголовного преследования [2, с. 182]. Встречаются и более узкие понятия множественности, сводящиеся к попытке определения данного института через соответствие юридических признаков в деянии. Так, А.Н. Фистин отмечает, что понятие множественности преступлений характеризуется как качественными показателями – числом совершённых общественно-опасных деяний, так и их юридической природой – соответствием содеянного признакам конкретных составов преступлений [3]. Другие авторы справедливо отводят существенную роль при характеристике признаков множественности не только и не столько соответствию деяния признакам конкретного преступления, а наличию в нём самостоятельного состава преступления. Например, И.Б. Агаев отмечает в качестве главного во множественности не количество деяний, а количество составов преступлений [4]. Тем не менее, как бы ни определяли множественность различные авторы, следует отметить основной признак данного института – совершение одним лицом нескольких преступлений, каждое из которых имеет уголовно-правовое значение.

Вопрос о формах, видах множественности преступлений также неоднозначен. На различных исторических этапах в отечественном уголовном праве выделялись разные формы данного института. До настоящего времени не сложилось единообразного понимания и у различных авторов в теории.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации выделяет две формы множественности – совокупность преступлений и рецидив, а также достаточно неопределённую и неоднозначную, хотя имеющую под собой теоретическую основу, – совокупность приговоров. Совокупностью преступлений признаётся совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание (реальная совокупность). При этом совокупностью признаётся и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ (идеальная совокупность) [5]. Рецидивом преступлений признаётся совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, за исключением исчерпывающего перечня случаев, среди которых судимости за умышленные преступления небольшой тяжести, которые не могут быть признаны рецидивом [5].

В теории уголовного права взгляды на формы множественности различны.

По мнению В.П. Малкова, основным критерием в определении форм множественности может служить социальный критерий, определяющий характер поведения преступника. На основе данного основания автор выделяется две формы множественности: идеальная совокупность преступлений и повторность. При этом отмечается разный смысл повторности в уголовном законодательстве – широкий и узкий. В широком смысле

повторность упоминается как обстоятельство, отягчающее наказание, в узком – как квалифицирующий признак конкретного преступления [6]. При рассмотрении вопроса о формах множественности В.П. Малков рассматривает понятие повторности преступлений в качестве широкого понятия, охватывающего все случаи совершения преступлений, совершенных в разное время.

Иной подход к выделению форм множественности у ряда авторов, среди которых К.А. Панько, П.С. Дагель, А.М. Яковлев, которые, в отличие от В.П. Малкова, кладут в основу деления юридический критерий и выделяют следующие формы множественности: повторность преступлений, совокупность и рецидив [7, 8, 9].

Более близкую к существующей в современном уголовном законодательстве классификация форм множественности преступлений выделяет Т.М. Кафаров. К ним автор относит повторность, реальную и идеальную совокупность, а также рецидив [10].

Отдельного рассмотрения, на наш взгляд, заслуживает неоднократность преступлений, ранее имевшая место в уголовном законе как форма множественности, однако в последующем из-за законодательных недоработок и противоречивости в части вопросов назначения наказания исключенная из него. В свою очередь, исключение данной формы множественности из уголовного закона оставило вопросы учета при назначении наказаний совершения лицом ряда тождественных и однородных преступлений, вопросы сочетания совершенных лицом неосторожных и умышленных преступлений и др. Представляется верным позиция Э.Ф. Побегайло, предложившего возможный путь преодоления проблем, из-за которых данная форма была исключена, путем внесения законодательных изменений в уголовный закон, согласно которым неоднократность преступлений не исключала бы их совокупности в случае, если виновный не был осужден за ранее совершенное деяние [11]. Подобные за-

конодательные разграничения возможно было реализовать и в отношении с рецидивом преступлений.

Кроме того, отметим, что не всегда повторность преступлений является неоднократностью. Законодатель, исключив данное понятие из Общей части УК РФ, тем не менее, оставил его же в Особенной части УК РФ в качестве признаков ряда составов преступлений. Данное обстоятельство порождает ряд проблем правоприменения, так как данная категория продолжает использоваться, но общими положениями уголовного закона не раскрывается.

Очевидно, что подходы многочисленных авторов к классификации форм множественности преступлений различны как по критериям (социальный и юридический) такой классификации, так и в понимании смысла (узкий и широкий) повторности, а также указанием на их соотношение в уголовном законе (Общей и Особенной части).

Как следует из диспозиции и санкции ч. 2 ст. 2912 УК РФ, предусмотренный в ней вид повторности не подпадает ни под один из предусмотренных действующим Уголовным законом. Учитывая наличие такого признака, как судимость, речь о совокупности идти не может. Рецидивом признать данную повторность также нельзя, так как санкция нормы предусматривает максимальную ответственность в виде лишения свободы сроком до трех лет, соответственно, преступление относится к категории небольшой тяжести. Совокупность приговоров как форма множественности законодательно не закреплена, не конкретизирована, несмотря на такую необходимость, по мнению

ряда авторов, в связи с чем определить указанную повторность в данную «форму» также затруднительно.

Таким образом, деяния, за совершение которых установлена ответственность ч. 2 ст. 2912 УК РФ, не подпадают ни под одну из форм (видов) множественности, описанных действующим уголовным законодательством Российской Федерации.

Согласно классификации форм множественности, приведенной В.П. Малковым, по социальному критерию [2, с. 186], повторность преступлений, предусмотренных в качестве квалифицирующего признака в части второй статьи 2912 УК РФ, возможно отнести к виду совершения нового преступления лицом при наличии судимости, не учитываемой при признании рецидива. [2, с. 190] Однако более правильной представляется позиция В.П. Малкова о преждевременности исключения понятия неоднократности преступлений из уголовного закона.

Подобные разночтения позволяют сделать вывод о необходимости приведения в соответствие Общей и Особенной частей УК РФ путем внесения изменений в Общую часть. Полагаем, подобный недостаток можно устранить, вернув в уголовное законодательство такую форму множественности, как неоднократность, изложив ее в том виде, в котором она давалась в ранее действовавшем законодательстве, но с учётом пересмотра порядка назначения наказания за неё. Наказание за неоднократность должно определяться так же, как и за совокупность преступлений, в связи с чем необходимо внести изменения в название и содержание статьи 69 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.07.2016 № 324-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 27. Часть II. Ст. 4257.
2. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 182.
3. Фистин А.Н. Ответственность за совершение повторных преступлений: автореф.

дис. ...канд. юрид. наук. М., 1973. С. 16.

4. Агаев И.Б. Совокупность преступлений: понятие, виды, наказуемость. М., 2003. С. 27.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

6. Малков В.П. Тимершин Х.А. Множественность преступлений. Уфа, 1995. С. 334.

7. Панько К.А. Вопросы общей теории рецидива в советском уголовном праве. Воронеж, 1988. С. 22.

8. Дагель П.С. Множественность преступлений. Владивосток, 1969. С.3

9. Яковлев А.М. Совокупность преступлений. М., 1960. С. 5.

10. Кафаров Т.М. Проблемы рецидива в советском уголовном праве. Баку, 1972. С. 8 – 9.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М., 2009. С. 267

12. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 186.

13. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 190.

Лепехин А.В.

НЕЗАКОННАЯ БАНКОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, ПРИБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, КАК ВИД МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

234

Банковский сектор, являясь одним из важнейших элементов экономики любого современного государства, оказывает огромное воздействие на жизнедеятельность как самого государства, так и общества в целом. Деятельность банковской системы России направлена на обеспечение устойчивости и ликвидности российской валюты, единства экономического пространства нашего государства, развитие внешнеэкономических отношений в финансовой сфере и оказания услуг в денежно – кредитной сфере. Реализуя функции банковской системы, банковская деятельность в настоящее время представляет собой важнейшую разрешенную форму предпринимательской деятельности.

По состоянию на 1 января 2016 года в России зарегистрированы 1021 кредитная организация, из них действующими, то есть кредитными организациями, имеющими право на осуществление банковских операций, являются 740 организаций. По состоянию на 1 января 2015 года было зарегистрировано 1049 организаций, а по состоянию на 1 января 2014 года было зарегистрировано 1071 организация [1]. Анализируя указанные данные, можно сделать вывод, что к настоящему времени складывается тенденция к сокращению количества кредитных организаций, что обусловлено лишением их лицензий на осуществление банковской деятельности Банком России.

Основными причинами лишения кредитных организаций вышеуказанных лицензий послужили предоставление не-

достоверной отчетности финансового состояния; недостаточность капитала, то есть неправильное соотношение собственных средств и активов организации, а, как следствие, и неспособность организации отвечать по своим обязательствам; рискованная политика организаций; проведение сомнительных операций, связанных с обналичиванием денежных средств, которые сказывались на фиктивном увеличении уровня капитализации, а также «отмывание» денег. В связи с указанными неправомерными действиями в 2015 году Банком России были отозваны лицензии у 93 кредитных организаций [2].

Главным средством противодействия преступлениям банковской сферы в российском законодательстве является уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность, предусмотренная ст. 172 УК РФ.

Незаконной банковской деятельностью, в соответствии с указанной нормой, является осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, если это деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере [3].

На сегодняшний день основным преступлением, квалифицируемым по ст. 172 УК РФ, является обналичивание денежных средств через банки, а именно по средствам открытых в них расчетных счетов организаций, подконтрольных пре-

234

ступным элементам.

Другим преступлением, представляющим не меньшую опасность для банковского сектора, часто совершаемым после незаконной банковской деятельности и тесно связанным с ним, является легализация преступных доходов, полученных от нее. По оценкам Банка России, масштабы фиктивных финансовых операций, которые проходят через банковскую систему, составляют 1,5-2 трлн руб. в год, что эквивалентно 7-10% российского ВВП; потери консолидированного бюджета составляют порядка 500-800 млрд руб. в год [4].

Легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, представляют серьезную угрозу национальной и глобальной безопасности, нарушают нормальное функционирование государства и его основных экономических институтов, препятствуют рыночным преобразованиям и контролю над финансовой системой страны со стороны государственных органов, вызывают недоверие в обществе к государственным институтам, создают негативный имидж России на международной арене.

Под легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, понимается совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, заведомо приобретенным преступным путем, в целях придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом [5].

Под финансовыми операциями могут пониматься любые операции с денежными средствами, а именно: наличные и безналичные расчеты, кассовые операции, перевод или размен денежных средств, обмен одной валюты на другую и другие [6].

Однако в практической деятельности правоохранительных органов иногда возникают сложности с правильной квалификацией преступного деяния, внешне схожего как с незаконной банковской деятельностью, так и с легализацией

(отмыванием) преступных доходов в банковской сфере. При сравнении указанных преступлений необходимо отметить, что легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, посягает на отношения, регулирующие денежное обращение и иные имущественные отношения в экономической деятельности, а незаконная банковская, деятельность посягает на отношения, регулирующие законную деятельность коммерческих банков и других кредитно-финансовых учреждений по осуществлению банковских операций. Соответственно, объект легализации (отмывания) преступных доходов шире объекта незаконной банковской деятельности.

Объективная сторона легализации (отмывания) преступных доходов выражается в осуществлении лицом в результате совершения им указанного преступления следующих действий с денежными средствами или иным имуществом, приобретенных преступным путем ранее: а) исполнение финансовой операции; б) осуществление какой-либо сделки, предусмотренной гражданским законодательством РФ, в целях придания правомерного вида их владению, пользованию и распоряжению, совершенные в крупном размере.

Указанные преступные действия, квалифицируемые как легализация (отмывание) преступных доходов, в отличие от незаконной банковской деятельности, носят как бы законный характер, но их сущность является противоправной, поскольку деньги и имущество имеют криминальный характер (они были похищены, получены как предмет взятки, являлись результатом незаконного предпринимательства, переданы другим лицам для введения в легальный оборот) и образуют капитал, в большинстве случаев используемый для собственного обогащения либо в последующей преступной деятельности. Преступные действия при незаконной банковской деятельности изначально носят незаконный характер.

Таким образом, данные преступления

необходимо разграничивать и квалифицировать отдельно друг от друга. В своих научных трудах д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ В.П. Малков, определяет случаи, когда одно и то же лицо (группа лиц) последовательно или одним действием (бездействием) совершает два и более преступления, подпадающие под признаки различных или одного и того же состава преступления, как множественность преступлений. Кроме того, обозначая как вид множественно-

сти, определяет совершение лицом (лицами) нескольких различных оконченных преступлений реальной совокупностью преступлений. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что совершение лицом (лицами) различных действий, подпадающих под признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 172 УК РФ и 174(174.1) УК РФ, при условии, что каждое из них является оконченным, определяется как множественность преступлений в виде реальной совокупности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор банковского сектора Российской Федерации [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_1602.pdf
2. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2015 году [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://www.cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9883
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 64-ФЗ: ред. от 23.06.2016 года // Собрание законодательства РФ. 1996. N25. Ст. 2954.
4. Жубрин Р.В. Основы профилактики легализации преступных доходов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 211.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 64-ФЗ: ред. от 23.06.2016 года // Собрание законодательства РФ. 1996. N25. Ст. 2954.
6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. N 9.
7. Малков В.П. Институт множественности преступлений в доктрине и уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 4. С. 182, 187.

Толстая М.-В.Е.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Практика применения норм УК РФ о совокупности преступлений выявила ряд проблем, не нашедших до настоящего времени своего разрешения.

Так, согласно приговору Советского районного суда г. Воронежа от 27 сентября 2007 г. «К., ранее судимый и приговоренный к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком три года, признан виновным в совершении ряда преступлений против собственности, совершенных до вынесения предыдущего приговора [1]. В результате, на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ К. назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года 3 месяца с отбыванием наказания в колонии-поселении, настоящий и предыдущий приговоры исполняются самостоятельно».

Действительно, в уголовном праве вопрос о том, в каком порядке назначать наказание условно осужденному лицу, если в отношении условно осужденного лица будет установлено, что оно виновно еще и в другом преступлении, совершенном до вынесения приговора по первому делу, по-прежнему не имеет однозначного ответа.

Согласно п. 47 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.01.2007 г. № 2 [2] в этом случае правила ст. 69 УК РФ применены быть не могут, поскольку в ст. 74 УК РФ дан исчерпывающий перечень обстоятельств, на основании которых возможна отмена условного осуждения. В таких случаях приговоры по первому и второму делам исполняются самостоятельно.

С мнением Верховного Суда РФ следует согласиться. Однако стоит отметить, что ни уголовный закон, ни судеб-

ная практика не раскрывают порядка самостоятельного исполнения приговоров. Приведенным выше примером подтверждается, что на практике это приводит к парадоксальным ситуациям. Разумно ли исполнение наказания, назначенного условно, в колонии-поселении? Полагаем, что нет, поскольку в таком случае не решаются задачи и не достигаются цели уголовного наказания.

Можно привести другой пример: если по каждому из приговоров будет назначено наказание в виде лишения свободы условно, то их одновременное исполнение приведет по сути дела к поглощению одним наказанием другого (наличие дополнительных обязанностей либо необходимости чаще отмечаться в соответствующих органах нельзя признать соразмерной заменой правилам назначения наказания по ч. 5 ст. 69 УК РФ).

Анализ практики назначения наказания по совокупности преступлений против собственности выявил, что суд в ряде случаев при обвинении лица в совершении двух и более преступлений (реальной совокупности преступлений) на основании ст. 25 УПК РФ выносит постановление о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. При этом в мотивировочной части постановления суд ссылается на то обстоятельство, что поскольку подсудимый юридически совершил преступление впервые (ранее не судим), то условие о совершении лицом преступления впервые выполнено.

Действительно, такое условие прекращения уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим, как совершение лицом, привлекаемым к уголовной

ответственности, преступления впервые, понимается по-разному. Верховный суд занял по этому вопросу неоднозначную позицию. Так, согласно Обзору судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием, утвержденным Постановлением Президиума ВС РФ от 01.06.2005 г., наличие в действиях лица множественности преступлений исключает оценку всех их как совершенных впервые [3]. Однако в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» сказано, что «впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одно или несколько преступлений, ни за одно из которых оно ранее не было осуждено, либо когда предыдущий приговор в отношении его не вступил в законную силу» [4].

Обратимся непосредственно к нормам федерального законодательства. В соответствии со ст. 76 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред. Согласно ст. 25 УПК РФ суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания (ч. 1 ст. 14 УК РФ).

При буквальном толковании указанных норм закона следует, что федеральным законодательством установлена

возможность прекращения уголовного дела в отношении лица, впервые совершившего одно общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания. Следовательно, законодатель предусмотрел возможность освобождения от уголовной ответственности для лица, совершившего общественно опасное деяние в силу стечения определенных жизненных обстоятельств, для которого содеянное является случайным эпизодом в жизни. При этом толкование указанных положений закона позволяет говорить о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим в случае идеальной совокупности преступлений, поскольку лицо в этом случае также обвиняется в совершении одного деяния.

Представляется, что прекращение уголовных дел за примирением с потерпевшим, в случае совершения лицом нескольких преступлений, ни за одно из которых оно не было судимо, является необоснованным, поскольку в этом случае не соблюдается признак «совершение преступления впервые». Соответствующее разъяснение должно содержаться в Постановлении Пленума ВС РФ от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» и относиться также к случаю прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием, предусмотренному ст. 28 УПК РФ и ст. 75 УК РФ: «Судам следует соблюдать условия прекращения уголовных дел в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим. При этом впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести следует считать лицо, совершившее одним действием (бездействием) одно, два и более преступлений, каждое из которых образует один состав преступления и квалифицируется по одной статье особенной части УК РФ».

Таким образом, действующее законодательство и судебная практика по вопросу назначения наказания по сово-

купности преступлений против собственности нуждается в совершенствовании. Реализация предложенных в статье рекомендаций будет способствовать вос-

становлению социальной справедливости при назначении наказания лицам, повторно совершающим преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив Советского районного суда г. Воронежа за 2007 г. Уголовное дело №1-417/07.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс - справочная правовая система.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2005г. Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием [Электронный ресурс] // http://www.supcourt.ru/vscourt_detale.php?id=2990&w
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.01.2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс – справочно-правовая система.

Гарипов Т.И.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК МЕТОД СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ

Несмотря на избранный законодателем либеральный курс развития уголовного законодательства, в последнее время можно наблюдать за тенденцией включения в Уголовный кодекс РФ правовых институтов социалистического наследия. Все то, что отвергалось правовыми идеологами «либерального» толка в конце 90-х годов XX века как пережиток тоталитарного прошлого, на сегодняшний день приобретает все большую актуальность. В данном случае речь пойдет об институте административной преюдиции, значимость которой подтверждается последними изменениями в УК РФ (ФЗ от 12.11.2011 № 401-ФЗ, ФЗ от 21.07.2011 N 253-ФЗ, ФЗ от 21.07.2014 N 258-ФЗ).

Такой интерес законодателя к административной преюдиции как средству криминализации и декриминализации деяний вызван колоссальным потенциалом, который несет в себе данный институт. Ведь не зря еще шесть лет назад Президент РФ Д.А. Медведев в ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации указал на необходимость широкого использования в уголовном законодательстве административной преюдиции [3].

Однако, несмотря на явные достоинства данного правового института, существуют противники распространения административной преюдиции в уголовном законодательстве. Так, Н.И. Хавронюк утверждает, что «административная преюдиция - сугубо советская выдумка. В те времена, когда на пространстве СССР действовали уголовные кодексы союзных республик, принятые в 60-х годах

XX века, в них было значительное количество норм с административной преюдицией. Они способствовали усилению репрессивности уголовного закона, расширяя сферу уголовных санкций на административные проступки и позволяя на практике манипулировать с преследованием людей за такие «преступления - непроступления» [5]. Многие критики административной преюдиции, обосновывая свою позицию, утверждают, что количество административных правонарушений не может перейти в качество, т.е. не может стать настолько общественно опасным, чтобы перерасти в преступление. Некоторые авторы ссылаются на отсутствие у административного правонарушения признака общественной опасности, следовательно, и повторное совершение административных правонарушений общественной опасностью не обладает и преступлением признано быть не может. Возражая против данных утверждений, отметим, что институт административной ответственности обладает существенным предупредительным потенциалом. Данный институт способен влиять на поведение правонарушителя. Лицо, которое осознает, что совершение повторного административного правонарушения повлечет более строгую ответственность, неоднократно подумает, прежде чем совершать противоправные действия. Совершенно обоснованно В.П. Малков отмечает, что «использование в уголовном законодательстве административной и дисциплинарной преюдиции, а также соответствующих форм повторности обладает профилактиче-

ской направленностью. Применение мер административного наказания, а также само по себе производство дела об административном правонарушении оказывает соответствующее предупредительно-воспитательное воздействие на правонарушителя, является неким официальным предупреждением» [1].

Эффективность административной преюдиции подтверждается статистическими данными. Федеральным законом от 21.07.2011 г. N 253-ФЗ в УК РФ была введена статья 151.1, предусматривающая ответственность за неоднократную розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Соответствующие изменения коснулись и Кодекса РФ об административных правонарушениях. В ст. 14.16 КоАП РФ была также введена часть 2.1, предусматривающая ответственность за аналогичное деяние, совершенное однократно. Согласно статистическим сведениям, в 2012 году за совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 2.1 ст. 14.16 КоАП РФ, к ответственности привлечено 14 670 лиц, а уже в 2013 году количество привлеченных к административной ответственности по данной норме сократилось до 8416 лиц [2]. Приведенные данные доказывают целесообразность использования административной преюдиции при криминализации деяний.

В необходимости применения административной преюдиции нуждаются также деяния, посягающие на интересы правосудия. В ходе проведенного опроса следователей и дознавателей установлено, что в ходе предварительного расследования достаточно распространены случаи умышленного игнорирования их законных требований, связанных с производством следственных и процессуальных действий. Так, например, многие опрошенные следователи пояснили, что неявка ключевого свидетеля на допрос без уважительных причин существенно замедляет производство расследования и затрудняет установление объективной истины по делу. Кроме того, такие

деяния могут повлечь волокиту при расследовании уголовного дела, помешать скорейшему раскрытию преступления, установлению похищенного имущества, а также способствуют ущемлению прав потерпевшего на возмещение причиненного ущерба. К аналогичным негативным последствиям для расследования приводит бездействие некоторых должностных лиц предприятий, организаций и учреждений, в отношении которых следователем или дознавателем направлен запрос о предоставлении информации, имеющей значение для уголовного дела. В результате игнорирования представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления, направленных на имя должностных лиц различных организаций, в порядке ч.2 ст.158 УПК РФ, эффективность деятельности следователя по профилактике преступлений сводится к нулю, несмотря на то, что в 2013 году только следователями Следственного комитета РФ было вынесено 103 534 таких представления [4]. За 2013 год к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 17.7 КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении», привлечено 10 470 лиц.

Злостное игнорирование требований следователя и дознавателя невозможно квалифицировать по ст.294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», так как объективную сторону указанного состава преступления составляет активное действие – «вмешательство в какой бы то ни было форме». Вместе с тем нельзя отрицать достаточную распространенность таких деяний, что говорит о недостаточности применения только мер административной ответственности.

С целью предупреждения невыполнения законных требований следователя и

дознателя при производстве предварительного расследования наиболее целесообразным, на наш взгляд, будет ввести в гл.31 УК РФ ст. 294.1 с административной преюдицией в следующей редакции:

«Статья 294.1 Неоднократное невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя.

Злостное невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя в целях воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования по уголовному делу, если это деяние совершено неоднократно, - наказывается ... (преступление средней тяжести).

Примечание. Злостным невыполнением законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя в целях воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования по уголовному делу, признается невыполнение законных требований суда, прокурора, следователя или дознавателя, если это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за совершение административного правонарушения предусмотренного ст. 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в течение ста восьмидесяти дней».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малков В. П. Административная преюдиция в уголовном праве: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3. С. 61.
2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях. Форма N 1-АП (полугодовая). [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361> (Дата обращения: 03.02.2014).
3. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12 ноября 2009 г. // Российская газета. 2009 г. 13 ноября. N 214.
4. Сведения о деятельности Следственного Комитета Российской Федерации за январь-декабрь 2013 года [Электронный ресурс] // Следственный комитет Российской Федерации [Официальный сайт] // URL: <http://www.sledcom.ru/activities/statistic> (дата обращения 03.02.2015)
5. Хавронюк Н.И. Административная преюдиция и институт рецидива с точки зрения европейских стран [Электронный ресурс] // Новости права. Законодательство Казахстана [Интернет-портал] 19.11.2010 г. // URL: <http://pravo.zakon.kz/190761-administrativnaja-prejudicija-i.html> (дата обращения 03.02.2015).

Уважаемые коллеги!

Приглашаем ученых, адъюнктов, аспирантов и соискателей, а также сотрудников органов внутренних дел принять участие в опубликовании научных трудов в электронном журнале «Ученые записки Казанского юридического института МВД России».

Предоставляемые материалы должны быть актуальными, новыми, иметь научную или практическую значимость.

Журнал издается 2 раза в год.

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в электронный журнал

«Ученые записки Казанского юридического института МВД России»

1. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде.
 2. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне).
 3. К статье соискателя, адъюнкта, аспиранта должна быть приложена рецензия научного руководителя, рекомендующего данную статью к опубликованию, подпись рецензента должна быть заверена кадровым аппаратом соответствующей организации.
 4. Согласно ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов», элементы издательского оформления включают:
 - сведения об авторах: фамилия, имя, отчество (полностью), ученое звание, ученая степень, должность или профессия, место работы (наименование учреждения или организации, населенного пункта), контактная информация (e-mail, телефон);
 - заглавие публикуемого материала;
 - индекс УДК;
 - аннотацию текста публикуемого материала (не более четырех предложений) и ключевые слова (на русском и английском языке). Аннотация в целом и любая ее часть не должны быть перифразом заглавия статьи. Ключевые слова (не более семи речевых единиц) (на русском и английском языке) должны отражать суть работы, научную новизну.
 5. Объем статьи – от 5 до 10 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.
 6. Технические требования:
 - текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пунктов, междустрочный интервал 1,5;
 - параметры страницы: поля верхнее, нижнее – 2 см, правое – 2,5 см, левое – 1,5 см;
 - абзацный отступ 1,25 см, выравнивание по ширине;
 - ссылки на источник даются по тексту – в скобках, в виде списка литературы в конце рукописи, оформленные по ГОСТ 7.0.5-2008.
 7. Статья должна быть подписана автором, а также в свободной форме дается разрешение на публикацию в Интернете, например: «Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю»
- Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие данным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.
- С каждым автором заключается лицензионный договор о передаче Институту прав на использование представленных им материалов. Этим же договором автор гарантирует, что является обладателем исключительных прав на представляемое произведение.
- К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях.
- Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы.
- Авторы полностью несут ответственность за подбор и достоверность излагаемых фактов, цитат, версий английского перевода, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.
- Рукописи принимаются ответственным секретарем редколлегии Хрустальной Ольгой Николаевной (тел. (843) 537-62-13, электронный адрес vestnikkui@mail.ru, с пометкой «Для электронного журнала»).